

В. П. Козлов

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПАМЯТЬ
В АРХЕОГРАФИЧЕСКОМ
ЗНАНИИ

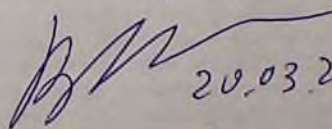
АРХИВ РАН
ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ
МОСКВА - 2017

Российская академия наук
Архивный совет при Президиуме Российской академии наук
Федеральное агентство научных организаций
Архив Российской академии наук

В. П. Козлов

**ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ
В АРХЕОГРАФИЧЕСКОМ
ЗНАНИИ**

Ученый Зинаида
Сергеевна Тодоршечко на
подпись ~~на~~ и
автору

 20.03.2018

АРХИВ РАН
ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ
МОСКВА - 2017

УДК 930.25
ББК 79.30
К-59

УТВЕРЖДЕНО К ПЕЧАТИ УЧЕНЫМ СОВЕТОМ
АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Настоящее исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований РАН «Исследование исторического процесса развития науки и техники в России; место в мировом научном сообществе, социальные и структурные трансформации. Фундаментальные проблемы оценки состояния и перспектив развития российской науки», направление 14 «Документальная память в социокультурном пространстве государства и общества», проект «Документальная память и институты исторической памяти. Проблемы формирования, сохранения и использования информационных ресурсов»

Рецензенты:

доктор истор. наук С. С. Илизаров
канд. истор. наук И. Н. Ильина

Козлов В. П.
К-59 **Документальная память в археографическом зна-**
нии. М.: Архив РАН; Древлехранилище, 2017. 372 с.

ISBN 978-5-93646-316-7

Книга доктора исторических наук, заслуженного профессора РГГУ, члена-корреспондента РАН В.П. Козлова является итогом его многолетней практической работы как историка-архивиста, бывшего руководителя государственной архивной службы России. В ней предложен оригинальный взгляд на документальную память в системе археографического знания и на археографию как научную дисциплину, разрабатывающую теоретические вопросы трансляции документальной исторической памяти через одну из форм такой трансляции – документальную публикацию. Книга содержит новые понятия и идеи о месте документа в документальной публикации и ее роли в познании прошлого, в формировании исторической памяти.

© В. П. Козлов, 2017
© Архив РАН, 2017
© «Древлехранилище», 2017,
оформление

ISBN 978-5-93646-316-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга представляет собой попытку теоретического обобщения роли документальной памяти в системе археографического знания, изучающего работу с документами на этапе их публичной трансляции. В ней переосмыслены некоторые положения, изложенные автором в его предшествующих работах¹, а также содержатся новые наблюдения и выводы, полученные в результате изучения археографической практики последних трех десятилетий в первую очередь связанную с обнародыванием документов по истории России – СССР в XX в. Документальная память – понятие, сравнительно недавно введенное в научный оборот как обобщающее обозначение всего информационного массива, закрепленного в процессе бытования документов как оперативных регуляторов человеческой жизнедеятельности. Особенности документальной памяти и ее трансляция в документальную историческую память рассмотрены в недавно вышедшем исследовании².

Говоря об археографии как научной дисциплине, следует иметь в виду, что, подобно математике, представленной

¹ Козлов В.П. Основы теоретической и прикладной археографии. М., 2008.

² Он же. Документальная память в архивоведческом знании. М., 2017.

арифметикой, собственно математикой и высшей математикой, она также имеет свои уровни познания.

Первый из них — *оперативная* археография, обеспечивающая доведение документа до общественного сознания в фазе его оперативного бытования. Оперативная археография в своей основе ориентирована исключительно на практический интерес общественного сознания, на его потребности в получении публичной информации о существовании документа, регулирующего ту или иную сферу общественного бытия. Примером оперативных документальных публикаций являются публикации на страницах «Российской газеты» документов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, а также документов министерств и ведомств, зарегистрированных Министерством юстиции РФ.

Второй уровень археографии — *просветительская* археография, способствующая с той или иной степенью коммуникативности доведению до общественного сознания документального исторического источника. Если оперативная археография имеет дело, как правило, с документальной публикацией *одинарной системы*, то объектом просветительской археографии становятся документальные публикации *двойной и тройной систем*. Те же публикации документов, зарегистрированные Министерством юстиции РФ, но опубликованные с официальными или неофициальными (авторскими) комментариями, например, в тематическом сборнике, и призванные облегчить понимание и толкование этих документов, и являются принадлежностью просветительской археографии.

Третий уровень археографии — *научная* археография, призванная с высшей степенью коммуникативности обеспечить взаимодействие документального исторического источника и общественного сознания. Научная археография имеет дело исключительно с документальными публикациями *тройной системы*, в которых соблюдены все обще-

признанные принципы и правила их подготовки. О таких публикациях преимущественно и пойдет речь ниже.

Из сказанного видно, что каждому уровню археографии присущи свои особенности подготовки и бытования их «конечных продуктов» — документальных публикаций, являющихся результатом *прикладной* археографии, т. е. практической работы по их подготовке. Разные методы достижения разных целей, существующие в оперативной, просветительской и научной археографии, определяют и разные принципы и организационные формы прикладной археографии, в том числе и институциональные. Однако важно подчеркнуть, что три уровня археографии опираются на два фундаментальных общих основания — все они имеют дело с документом, во-первых, и все они нацелены на то, чтобы сделать документ публичным, во-вторых.

С учетом вышесказанного сегодня под археографией мы вправе понимать научную дисциплину, занимающуюся изучением документальных публикаций как одного из проявлений человеческого духа, разработкой принципов, методов, способов их подготовки (*теоретическая археография*), а также их реализацией (*прикладная археография*).

Обнародование документов, вернее, их определенной части, известно с глубокой древности. Как прикладное знание о приемах и формах трансляции документальной исторической памяти археография в России возникла в XVIII в. Ее первые шаги носили противоречивый характер. С одной стороны, прикладная археография формировалась как инструмент политического и идеологического воздействия на общественное сознание, обнародуя документы, отвечавшие интересам правящей в России элиты. С другой стороны, в ее недрах зародился огонек признания познавательного значения документа как исторического источника, важного для понимания прошлого. Эти два подхода в понимании трансляции документальной памяти определяли развитие архео-

графии не только в XVIII в., но и в последующие столетия, вплоть до наших дней.

Оба этих подхода к трансляции документальной исторической памяти в России к началу XIX в. привели к выдающимся результатам. Они были связаны как с деятельностью энтузиастов-одиночек, так и различных официальных институций в лице прежде всего императорской Академии наук и Российской академии. Одновременно и параллельно возникли и действовали частные институции, занимавшиеся прикладной археографией. Первенствующее место среди последних заняли кружки графов А. И. Мусина-Пушкина и Н. П. Румянцева³.

Именно в среде членов этих общественных объединений возникло понятие «археография». С современных позиций оно имело противоречивое содержание. С одной стороны, оно носило расширительный характер. В условиях архивного нестроения оно включало не только обнаружение каких-то частей документальной памяти, но и собирание, описание носителей документальной памяти — направления деятельности, ныне и нормативно и научно относимые к сфере архивоведческого знания и архивного дела. С другой стороны, под документальной памятью как предметом или объектом археографии оно подразумевало исключительно носителей документальной памяти древней традиции и не распространялось даже на документальные исторические источники XVIII в.

Это широкое по сферам деятельности и одновременно узкое по объекту или предмету деятельности понимание прикладной археографии оказалось очень жизнестойким. Даже в начале XX в., когда архивное дело стало самостоятельным прикладным и теоретическим знанием, в предмет или объект археографии не включались аудиовизуальные документальные источники и одновременно к сфере архео-

³ Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981.

графической деятельности относились работы по собиранию и описанию документальных источников древней традиции, уже прочно связанные с архивным делом.

В годы советской власти эти два толкования в принципе мирно сосуществовали друг с другом, хотя голоса о том, что археография – это в новых цивилизационных условиях является знанием исключительно об обнаружении документальных источников, в том числе на новых носителях и создаваемых новыми способами фиксации информации, раздавались не раз. Однако еще больший диссонанс в эти два оформившихся толкования внесла работа по подготовке собраний сочинений отечественных писателей-классиков. Участники этих изданий заговорили об особой научной дисциплине – литературной археографии, осторожно иногда называвшейся текстологией. Ситуация еще больше усложнилась, когда заговорили о летописной археографии, актовой археографии, археографии мемуаров и т. д. и т. п. Иначе говоря, даже узкое понимание археографии как только обнаружение документальных источников стало дробиться в зависимости от видов этих источников.

И это стало возможным только в силу того, что во всех случаях речь шла о прикладной, практической археографии документальных исторических источников и отсутствовали даже попытки какого-нибудь теоретического осмысления трансляции документа, независимо от его вида, типа, времени создания в публичный документ как исторический источник через его обнаружение. А попытка автора этой книги обозначить такую теоретическую модель вызвала пусть не единогласную, пусть поверхностную, но негативную реакцию⁴, за одним исключением⁵.

⁴ Теоретические основы археографии с позиций современности: Материалы дискуссии. М., 2003.

⁵ Глебова И. И. Археография в историко-культурном аспекте // Вестник архивиста. 2004. № 3-4. С. 92-95.

В императорской России XIX – начала XX в. прикладная археография достигла впечатляющих результатов, полученных на базе частных предприятий, общественных и государственных институций, таких как Общество истории и древностей российских, Общество любителей российской словесности, Общество любителей древней письменности, Русское историческое общество, Археографическая комиссия, губернские ученые архивные комиссии. Такие серийные документальные публикации как «Полное собрание русских летописей», «Русский архив», «Русская историческая библиотека», «Грамоты Коллегии эконومیи» и др. до сих пор сохраняют свое научно-познавательное значение. В процессе их подготовки прикладная археография сделала важный шаг вперед благодаря попыткам выработки правил трансляции тех или иных видов документальных источников. Этот шаг был ничем иным как движением к феномену осмысления документальной публикации как одного из способов трансляции документальной памяти с присущими ему особыми правилами обработки документального исторического источника. Эти правила носили не нормативный, а более или менее общепринятый в ученом корпоративном сообществе характер и в этом смысле подчинялись исключительно научно-познавательным интересам.

Археография в императорской России – это археография ее государственной идентичности. Военные и дипломатические успехи страны обострили интерес к феномену российской государственности. Труд Карамзина «История государства Российского» этот интерес реализовал в наибольшей степени. Напомним, название этого труда подчеркивало, во-первых, что речь пойдет в нем об истории государства и, во-вторых, о государстве Российском, а не русском. Не случайно здесь же появляется впервые слово «россияне» как обобщенное обозначение жителей России. Так же не случайно, что «Примечания» к «Истории» Карамзина стали универсальным собранием публикаций документальных

источников по средневековой российской истории — они не только подтверждали достоверность повествования, но и подчеркивали документальную основу государственной идентичности России⁶. Отсюда интерес к поиску и изданию актового материала по истории России, наиболее ярко отразившийся в публикации «Собрания государственных грамот и договоров», актов, собранных Археографической комиссией и др.

В определенной мере российская археография XIX в. — это имперская археография, которая, с одной стороны, была нацелена на публикацию документальных источников, призванных показать, что территориальные приобретения XVIII — начала XIX вв. есть ничто иное как возвращение исконно российских земель — в результате появляются публикации записей на Двинских камнях и на Тмутараканском камне, «Белорусский архив древних грамот» И. И. Григоровича и др. С другой стороны, идея цивилизационной миссии России для народов, не входивших в состав древнерусского государства, вызвала к жизни серию документальных публикаций по истории этих народов, например, В. Н. Берха, А. М. Шегрена или Х. Френа.

И одновременно с этим, преодолевая цензуру, сначала робко, а потом все расширяясь, начались публикации иностранных источников по истории России, документов личного происхождения из российских архивов.

Государственнический и имперский характер российской археографии XIX в. дополнялся мощным воздействием на нее тогдашних литературных процессов. Их подражательный характер западноевропейской литературе не только принимался как естественное явление, но и осуждался, заставлял обращать внимание на самобытные истоки российской поэзии и художественной прозы. Первая публика-

⁶ Подробнее см.: Козлов В. П. «Примечания» Н. М. Карамзина к «Истории государства Российского» // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 551-574.

ция «Слова о полку Игореве» была как бы примером такой самобытности. Более того, в восприятии того времени не столько «Слово» олицетворяло литературную самобытность, сколько упомянутый здесь загадочный бард Боян. Поиски списков его произведений, оказавшись безуспешными до наших дней, тем не менее привели к публикации сочинений Даниила Заточника, Кирилла Туровского, Афанасия Никитина, Кирши Данилова и др.

Археография в России XIX в. — это преимущественно археография Древней Руси, Московского царства и в виде официозных документальных публикаций — археография истории России XVIII в. Документальное освещение негативных страниц российской истории в это время было затруднено, начиная от записок иностранцев и кончая следственным делом Емельяна Пугачева. Бывали редкие исключения, когда светскую и духовную цензуру заменяла императорская воля — тогда, например, в примечаниях к «Истории государства Российского» публикуются «крамольные» документальные источники. «Книга о скудости и богатстве» И. Посошкова, воспоминания Е. Р. Дашковой, другие важнейшие документальные источники можно было прочитать только в рукописном самиздате, и то в среде чрезвычайно узкого круга доверенных лиц.

На протяжении последующих лет советская власть широко использовала политическую и идеологическую роль публичной документальной исторической памяти, как доставшейся ей в наследство, так и создаваемой вновь. И в этом не было бы ничего странного — так было, есть и будет в любом государстве, если бы речь не шла о глубинной и повсеместной фальсификации исторического прошлого народов нашей страны, о сокрытии и забвении национальных святынь. Не случайно глава советской архивной службы историк М. Н. Покровский заявил однажды, что не собирается издавать «барахло» — документы по древнерусской истории. Фильтр постулированных идеологических и политических

догматов надежно охранял пользователей от всего многообразия информации сохранившейся документальной памяти.

И тем не менее в советское время отечественная прикладная археография имела впечатляющие результаты. Они были связаны прежде всего с обнаружением документальных источников по истории средневековой России и важными публикациями по истории крестьянства и мануфактурно-фабричного производства.

Можно сказать, что такие публикации были не просто подчинены марксистской методологии исторического процесса и обслуживавшейся ею идеологии. Они были выстраданы целыми сообществами историков. То была часть, подчас главная, их жизни и труда. Сегодня мы можем осуждать эти внешне монументальные произведения, но, вспомнив о многоступенчатой экспертизе их подготовки и издания, должны быть и снисходительными к их составителям.

Более того, в советской исторической науке, если говорить о ее феодальной составляющей, документальное направление существовало и реализовывало себя вполне предметно и результативно. Разумеется, нет оснований прямо противопоставлять это археографическое направление советской исторической политологии Средневековой Руси. Но нельзя не признать, что прикладная археография этого времени, связанная с подготовкой документальных публикаций по истории российского Средневековья, варясь в небольшом котле корпоративного сообщества, была в определенной мере свободна, дискурсивна и колюча, заставляя поживаться даже официальные авторитеты, когда речь шла о выработке и реализации принципов подготовки фундаментальных документальных публикаций. Советская документальная археография Древней и Средневековой Руси, особенно периода оттепели — это в определенной мере оппозиция «историописательству» истории России, это самоопровержение написанного в престижных

повествовательных исторических сочинениях. В какой-то степени археография и «историописание» этого времени — это две разные жизни советской исторической науки. В первой не то, чтобы разрешалось, но каким-то естественным образом допускалось публичное разномыслие, например, в комментировании документальных исторических источников, даже несмотря на частое сито многочисленных экспертиз. В ней разрешался публичный творческий поиск, споры, например, о принципах воспроизведения текста источника, подготовки научно-справочного аппарата к документальной публикации. Правда, в конце 50-х годов уже снова начал протираться прицел трехлинейки и на эту сферу, когда во весь голос заговорили о «партийности археографии». Он пока был нацелен на археографию истории советского общества и, не будь тогдашних феодальных историографических авторитетов, мог быть легко перенацелен и на публикации документальных источников периода феодализма.

А их, как мы знаем, было немало. Напомним о некоторых, ставших по своему знаковыми в документальном освещении феодальной России, которыми и сегодня пользуются исследователи: «Русская Правда», «Судебники», «Троицкая летопись» М. Д. Приселкова, «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI веков», «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», «Акты Северо-Восточной Руси» и еще не один десяток документальных публикаций. Сегодня об этих и других документальных публикациях с высоты современного знания и современных принципов познания, главными из которых являются свобода объяснения и доказательность, мы можем сказать немало критических слов. Но все же вспомним, что уже три поколения историков-феодалов работают по этим документальным публикациям.

Кстати говоря, опубликованная переписка советских историков Романова и Кушевой конца 1940-х — 50-х годов

XX в.⁷ — прекрасный источник по истории разработки методических принципов названных выше документальных публикаций, причем, ряд затрагиваемых в ней вопросов, остается дискуссионным и по сей день. Чего стоит, например, вспыхнувшая между корреспондентами полемика по поводу принципов издания «Духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XVI веков».

Советский период развития прикладной археографии привел к созданию общих правил трансляции документальной исторической памяти через документальные публикации. В реальном пространстве археографического знания идея общих правил трансляции документальной памяти носила с позиций современности противоречивый характер. Ее позитивный смысл заключался в требованиях к обязательному конвою документа в документальной публикации и ряде требований к его элементам. Однако нормативный характер подобных документов, их высокая степень идеологизации сковывали творческую инициативу в прикладной археографии, особенно когда после 1991 г. началось археографическое освоение новых, ранее недоступных систем и подсистем документирования жизнедеятельности советского государства и общества.

Прикладная археография последних десятилетий, кажется, разительно отличается и одновременно напоминает на новом витке прикладную археографию XIX в. Она развивалась и развивается в послеимперских условиях, для которых характерны разочарование, неуверенность в будущем, покаяние, требования «правды истории», безразличие, циничный прагматизм, тревога за будущее российской государственности и одновременно — ничем не обоснованная имперскость, мечта о порядке, основанном на силе и страхе, взгляд на мир через прицел трехлинейки времен революции

⁷ Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940—1957 годов. СПб., 2010.

и гражданской войны. Археография нашего времени — это прежде всего документальные публикации по истории XX в. с их попытками открыть неизвестные страницы истории этого века. По этой причине она оказалась археографией шока, хирургического вмешательства и одновременного удивления, например, перед силой идеологии тоталитарного государства с его принципом классовости, перед его возможностями реализовать грандиозные оборонный, атомный, космический проекты, перед его живучестью после 1978 г., когда даже осторожный доклад «Комиссии Кириллина» предрек его недалёкую катастрофу⁸.

Современная прикладная археография многополярна не только в проблематике документальных публикаций, но и в представлении на суд общественности разнообразных реализованных образцов моделей таких публикаций. Однако важно подчеркнуть, что она в целом сохранила академизм документальных публикаций не только относящихся к древней, новой, но и новейшей истории. Она сегодня свободна от цензуры, подчиняясь только воле определенных политических сил, в том числе и правящей партии. Она испытывает, как и в первой трети XIX в. в случае с Карамзиным, воздействие на себя принципа доверительности в использовании и публикации документального наследия, но как бы немного стесняется публично говорить о нем, опасаясь неизбежной и справедливой критики, которая была невозможна в XIX в.

Современная прикладная археография — это археография не только официального, но и неофициального документирования. При этом в сфере ее внимания находятся документальные источники личного происхождения как отдаленных времен, так и почти современности. Она благосклонна к таким источникам, вышедшим из-под пера не

⁸ Подробнее см.: Козлов В. П. Бог сохранял архивы России. Челябинск, 2009. С. 479-481.

только известных деятелей, но и «рядовых» граждан. В этом смысле она менее элитарна чем в XIX в., более демократична, не может не учитывать этические вопросы обнародования документальных источников.

Есть похожесть и кардинальные различия в институциональном положении российской прикладной археографии в XIX в. и в последние десятилетия.

Археография XIX в. — это частное, общественное и государственное предприятия. В ней главную роль играли деньги, связи и административный ресурс и, конечно же, некоторые политические идеи, о которых говорилось выше. Прикладная археография XIX в. не испытывала воздействия законодательных норм, связанных с ответственностью за сохранение и трансляцию документальной памяти. Директивы графа С. С. Уварова о концентрации в Санкт-Петербурге оригиналов документальных источников со всей страны, особенно из ее восточных регионов, выполнялись безукоризненно четко и эффективно. В ней господствовал актуальный политический и научный интерес. Он диктовал решения и действия, которые в наше время кажутся противоречивыми, но в конечном счете давшие позитивный результат.

Прикладная археография последних десятилетий в институциональном отношении — также предприятие и частное, и государственное, и общественное, и академическое. Как частное предприятие современная археография еще откровенно слаба, уступает археографии XIX в., хотя в отдельных своих проявлениях, например, факсимильные издания «Царского титулярника» или воспоминаний Евфросинии Керсновской выглядит вполне убедительно⁹. Как государственное и академическое предприятия современная археография явно преобладает, накопив за 25 последних лет раз-

⁹ Царский титулярник или «Большая государева книга». Кн. 1-2. М., 2007; Керсновская Евфросиния. Сколько стоит человек. М., 2008.

нообразные переходные формы взаимодействия с археографическими проектами частных и общественных структур. Но и прикладная археография как общественное предприятие сегодня явно находится на подъеме, в том числе осваивая пространство Интернета.

Кардинальным институциональным отличием современной археографии от археографии XIX в. является ее в определенной степени законодательное регулирование. Оно связано в первую очередь с доступом к отдельным сегментам документальной памяти и авторским правом на их публикацию.

Это не значит, что современная прикладная археография дала ответы на все интересующие науку и общественность вопросы прошлого. Их очень много. Допускаем, что документальные ответы на некоторую их часть до сих пор сохраняют болезненную политическую остроту и реальную государственную тайну. Но не понимаем препятствий, связанных с публикацией документов, лишь формально имеющих грифы секретности. Понятна чиновничья логика первой трети XIX в., по которой А. С. Пушкин так и не смог получить доступ к следственному делу над Е. И. Пугачевым. Государство Екатерины II и государство Александра I и Николая I осознавали свои единые политические и идеологические устои. И не понимаем, почему, например, следственное дело над Л. П. Берией не только не опубликовано, но и не доступно, порождая спекуляции вроде публикации «Дневника Берии»¹⁰. Вернее, не будем лукавить — ответ на этот вопрос, конечно же есть. И он поучителен, свидетельствуя о том, что история археографии, включая и последние десятилетия, пусть всего лишь в качестве атома, но верно и точно отражает историю времени, в котором она находится. К сожалению, как и во многих других, более важных случаях, она приучает нас к терпению с высокой степенью наде-

¹⁰ *Берия Лаврентий. Личный дневник 1937-1941. Т. 1 -3. М., 2011.*

жды и горькой усмешкой над похожестью, например, ситуаций со следственными делами Пугачева и Берии.

Документальные публикации последних десятилетий не просто ввели в научный оборот ранее неизвестный или недоступный массив документальной памяти. Они сделали известными ранее скрытые или невостребованные по политическим и идеологическим соображениям документные системы и подсистемы, типы и виды документов официального и неофициального документирования жизнедеятельности государства, общества, личности.

Среди систем и подсистем официального документирования следует прежде всего назвать партийную документацию КПСС, советских спецслужб, военных институций.

XX в. не только создал, но и сохранил, казалось бы, неожиданный по своему объему документальный комплекс документов личного происхождения, который, кстати говоря, во многом еще принципиально не может быть освоен, поскольку хранится в домашних архивах граждан, а в ряде случаев, уже находясь на государственном хранении, не может быть опубликован в связи с распоряжениями фондообразователей или законных наследников. Но и то, что стало или потенциально может стать уже сейчас публичным достоянием, в том числе по истории двух-четырех последних десятилетий XX в., впечатляет¹¹. Неофициальное документирование, отраженное в документальных публикациях последних лет, отличается массовостью, разнообразием видов и ценностью источников. Это, прежде всего, дневники, мемуары и переписка, причем не только известных деятелей, но и главным образом «рядовых» людей. Немало внимания в документальных публикациях последних лет уделено письмам граждан «во власть».

¹¹ Козлов В. П. Археографическое обозрение России: 1991–2012 годы. М., 2013. С. 9–27.

В качестве заметного явления во введении в научный оборот документации неофициального происхождения следует отметить появление большого количества документальных публикаций фотодокументов. Это не фотоальбомы, издание которых было популярно в советское время, а именно публикация фотодокументов как исторических источников с их осмысленными подборками по определенным темам¹².

Документальные публикации ныне стали частью современного историографического процесса. Он един в двух своих проявлениях. Мы все знаем и ежедневно убеждаемся, знакомясь с новыми историческими работами, что их официальная цензура отсутствует, что открывает простор к получению нового, проверенного и доказанного исторического знания, и одновременно — к откровенным спекуляциям на прошлом. И это нормально в свободном обществе, если только фантазии пишущих об истории страны в XX в. не переходят границы общепринятых запретов — научных, законодательных и нравственных.

Правда, в ситуациях с подготовкой документальных публикаций по истории XX в. положение несколько иное. Здесь цензура существует в виде различных комплексов и отдельных документов, находящихся на секретном хранении. Явление объективное, вневременное и интернациональное в историографической ситуации любой страны, оно сохраняет и высокую степень субъективности. Например, жизнь деревни, судьбы крестьянства в годы Великой Отечественной войны трудно изучать без документальных публикаций, основанных на документах служб безопасности и порядка того времени. Они не рассекречены до сих пор. Здесь не место рассуждать о причинах этого, важно констатировать сам факт цензурного ограничения документальных публикаций, вызванный засекречиванием документов.

¹² Козлов В. П. Второе археографическое обозрение истории России в XX в. М., 2016. С. 172-234.

И тем не менее подавляющее большинство документальных публикаций по истории России в XX в. стали результатом рассекречивания документов официального и неофициального происхождения. Освобожденные от цензуры секретности, они стали результатом творчества разных соавторов и целых коллективов соавторов, свободных в выработке моделей документальных публикаций и практической реализации этих моделей.

Какие явления характерны для этого свободного археографического процесса?

Во-первых, археография истории XX в. имеет дело с большими массивами документальных отложений с их различной, преимущественно пофондовой, организацией. Такие массивы содержат дублирующуюся или повторяющуюся информацию, информацию однотипную, либо наоборот нигде не повторяющуюся. Это накладывает существенный отпечаток на принципы выявления, отбора документальных источников, воспроизведения их текстов и комментирования в документальных публикациях.

Во-вторых, мы видим практически одновременное освоение археографической практикой документальных источников двух классов — класса источников официального происхождения и класса источников неофициального, личного происхождения. Их встреча друг с другом — либо в конкретной документальной публикации, либо в разных публикациях — в рамках совпадающих проблематик — превращается в своеобразную «археографическую аннигиляцию» — эдакий взрыв документальных свидетельств о прошлом, открывающий после этого то тропинку, то целую дорогу к пониманию того или иного факта, события, явления, процесса прошлого.

В третьих, прикладная археография последних десятилетий все чаще стремится к тому, чтобы в необходимых, продиктованных тематикой документальных публикаций случаях, реализовывать их модели в трансграничной обо-

лочке — на основе документальных источников архивов нескольких современных государств.

В четвертых, археографическая практика последних лет демонстрирует нам поиски новых форм, методов и приемов обнародывания документальных исторических источников. Мы не будем здесь говорить о публикациях источников в электронной форме — это особый сюжет, для специального рассмотрения которого пока еще недостаточно эмпирического материала. Зато традиционная прикладная археография дала нам несколько образцов «новизны», разрешения археографических проблем, о которых пойдет речь ниже.

И вместе с тем, наблюдается противоречивая, спорная и просто недопустимая практика подготовки документальных публикаций. Она наиболее ярко проявляется в трех важнейших блоках любой документальной публикации, имеющей прежде всего тематическую заданность ее модели: отбор документов, воспроизведение их текстов и их комментирование. Поэтому следует констатировать далеко не равноценный археографический уровень документальных публикаций последних лет. Можно было бы назвать немало изданий, представляющих собой всего лишь деловой, а не научный отклик на конъюнктуру книжного рынка, а потому игнорирующих элементарные археографические требования к воспроизведению текстов документов, их комментированию, отбору, систематизации. К сожалению, пусть в меньшей степени, чем документальные издания в субъектах Российской Федерации, это наблюдение касается и ряда публикаций федерального уровня.

Это все то, что можно в общих чертах назвать позитивом и негативом собственно археографической практики последних десятилетий. Вне ее имеется еще одно негативное явление — лучший средний тираж документальных публикаций-книг не превышает двух тысяч экземпляров — мы почти вернулись в Румянцевскую эпоху, где таким лучшим тиражом исторических книг считался тираж в 600 экз.

И, наконец, последняя особенность, которую следует учитывать при характеристике научно-познавательного и археографического аспектов документальных публикаций, связанных с освоением документальных комплексов XX в. Публикации, относящиеся к новейшему времени, поставили и обострили этические вопросы. Заметим, что в 1996 г. в Пекине на Конгрессе Международного совета архивов был почти единогласно принят «Этический кодекс архивиста», в котором, на наш взгляд, содержались превосходные положения об этике работы с архивными документами, в том числе при их публикации, имеющие характер лишь рекомендаций. Россия проголосовала за этот документ. К большому сожалению, в некоторых документальных публикациях рекомендательные нормы этого кодекса были проигнорированы.

Вообще сфера использования документальной памяти в целом и такое направление как обнародование ее отдельных частей в первые годы после 1991 г. оказалась наименее приспособленной к новым условиям из-за фактически полного отсутствия ее нормативного и публичного методического регулирования. Речь шла о разумном и оправданном для государства, общества, человека соотношении свободы и доступности архивной информации, а в случае ее обнародования — о безопасности для государства, общества и человека. Эти проблемы приобрели особо острый характер в связи с передачей в систему уполномоченного органа страны в области архивного дела документации бывших КПСС и частично КГБ СССР, давления пользователей архивной информации, изменений в характере запросов, прежде всего социальных (о репрессивной политике советского государства, судьбах иностранных военнопленных) и научно-исторических. Особую остроту приобрели вопросы доступа к архивной информации персонального характера и ее публичного использования.

Исследования в этой сфере проводились в рамках осмысления советской методологии и практики ограниченной доступности документальной исторической памяти, разработки методик доступа к рассекреченным документам, документам, содержащим персональную информацию, организации работы читальных залов архивов, исполнения запросов социального характера, изучения прикладных вопросов подготовки документальных публикаций, обобщения практики выставочной деятельности архивов. В теории использования важное место заняло изучение особенностей документальной памяти как особого типа исторической памяти. Специальному изучению подверглись теоретические проблемы археографии и ее современное наполнение как научной дисциплины.

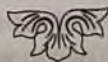
На этом фоне резко расширилось изучение истории развития прикладной археографии и археографической мысли, в том числе в той их части, которая была ранее невозможна по идеологическим и политическим мотивам. При этом в центре таких исследований находились теории и практики советской археографии. Исходной позицией таких исследований в большинстве случаев являлась беспристрастная оценка позитивных результатов и охранительных решений и действий советского руководства в области обнародования документальной исторической памяти¹³.

В условиях переходного периода современной истории страны перспективы разработки проблем археографии в ряде случаев выглядят с высокой степенью неопределенно-

¹³ Ковчинская С. Г. Из истории использования документов Центрального государственного (Особого) архива СССР в 1946-1965 гг. // Актуальные вопросы истории, политики и права. Материалы межведомственной научно-практической конференции 25-26 апреля 2006 года. Петрозаводск, 2006. С. 121-124; Павлова Т. Ф. Доступ к архивным документам в период хрущевской оттепели (вторая половина 1950-х гг.) // Отечественные архивы. 2012. № 5. С. 13-26; Она же. Доступ к архивным документам спецхранов в начале 1960-х – середине 1980-х гг. // Там же. 2014. № 3. С. 13-26.

сти. Но ряд факторов, которые неизбежно будут оказывать воздействие на проблематику и содержание таких исследований очевиден. Первый фактор – политическое и экономическое состояние страны, стабильность и безопасность которой сами по себе исключают необходимость парирования угроз документальному историческому наследию и его свободе, в том числе через прикладную археографию. Второй фактор – безусловное доминирование в ближайшие годы современных информационных технологий, которые могут вызвать пересмотр устоявшихся археографических представлений, например, о передаче текстов документов, их конвоировании и др.

Настоящая монография представляет собой попытку создания системы теоретического знания о документе, выступающем носителем особого типа исторической памяти – документальной – и документальной публикации как информационной системе, обеспечивающей сохранение и трансляцию документальной памяти. В ней привлечены для аналитической разработки документальные публикации в основном по советской истории. Автор стремился не противопоставлять такое теоретическое знание разработкам в области прикладной археографии, основанным на практической работе по трансляции документальной памяти в форме документальных публикаций ее каких-то частей, а рассмотреть позитивный и негативный опыт такой работы. В этом смысле книгу следует рассматривать как вводный или, наоборот, заключительный курс к курсу прикладной археографии.

ГЛАВА 1

АРХЕОГРАФИЯ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Основные проблемы археографии. В качестве научной дисциплины археография представляет собой систему знания, рассматривающего документ как носитель частички документальной памяти, транслируемой через различные типы, виды, формы, конфигурации документальных публикаций, в которых документ трансформируется из регулятора человеческой жизнедеятельности в носителя особой — документальной — памяти о ней.

Главными задачами археографии является поиск ответов на вопросы: для чего человечеству потребовалось такое изобретение как документальная публикация, как происходит трансформация документа в ней в одну из разновидностей исторической памяти, как обеспечивает документальная публикация общественные, в том числе научно-познавательные, политические и идеологические запросы? Ответы на эти вопросы имеют прямое отношение к жизнедеятельности общества, т. к. в их основе находится понимание документальной памяти как особого типа памяти общества о себе в прошлом и признании важности ее использования в современной и будущей жизни людей. Они могут быть получены при исследовании объекта археографии — документального источника и его предмета — документальной пуб-

ликации как организованной через ее модель совокупности документальных источников или одного из них.

Эти главные проблемные вопросы археографии сопровождаются комплексом других — частных, но не менее важных для понимания феномена документального источника и документальной публикации. Речь идет о необходимости и достаточности обнародывания той части документальной памяти, которая сохраняет свою полезность и ценность для современности. Какая часть документальной памяти должна быть обязательно обнародована и в качестве исторической документальной памяти может обеспечить репрезентативные ответы на современные и неизвестные будущие запросы к ней об ушедшем времени? Как безупречно требуется упорядочить в документальной публикации документальный источник (источники), сделать его (их) максимально коммуникативными и обеспечить эффективный поиск по ним необходимой пользователю документной информации? Где пределы несвободы и свободы документальной памяти при подготовке документальной публикации? Какое место занимают документальные публикации как трансляторы документальной памяти в системе других трансляторов исторической памяти?

Настоящая книга содержит попытки ответов на эти и другие вопросы. Эти ответы в своей значительной части не новы, являясь обобщением практического, нормативного и методического опыта обнародывания документальных источников. Они лишь содержат попытку «приподнять» археографическое знание, сделать его более системным и теоретическим, связать такое знание с рядом современных общественных проблем, среди которых наиболее близкой к археографии является проблема использования документальной памяти как одного из типов исторической памяти, одного из «кирпичиков» общественной жизни, способного удовлетворить интересы человека, общества и государства в их разных стремлениях постигнуть прошлое.

Документальный источник как объект археографии. В наших предшествующих работах¹ подробно рассмотрена роль документа в человеческой жизнедеятельности, основные фазы его бытования как регулятора этой жизнедеятельности и его трансформация в документальный исторический источник. Здесь же заметим, что документ играет свою особую роль в таких дисциплинах как документоведение, архивоведение, документальное источниковедение. Как и в этих дисциплинах, в археографии ему отведено ключевое место.

Как частичка документальной исторической памяти документ становится документальным историческим источником благодаря приобретенному им в результате различных операций свойству публичности, т. е. общедоступности и равной для всех доступности. Такое свойство определяется рядом первичных и вторичных признаков – рассекречиванием документа, т.е переводом его из сферы закрытого, секретного бытования в сферу открытого бытования, включением сведений о его существовании и стратиграфии в систему открытого научно-справочного аппарата архива и др.

В результате этого документ как исторический источник открывает свои возможности как носителя памяти о случившемся в прошлом факте, событии, явлении и даже процессе. В качестве носителя такой памяти документ как документальный исторический источник рано или поздно будет востребован, даже если эта память носит субъективный характер, недостоверна, а то и вовсе сфальсифицирована. Эта востребованность реализуется прежде всего в исторических исследованиях.

Однако параллельно с такими исследованиями, иногда опережая или отставая от них, документальный источник или некая совокупность таких источников становится объектом интереса как самостоятельный продукт современной

¹ Козлов В. П. Основы теоретической и прикладной археографии. М., 2008; Он же. Документальная память в архивоведческом знании. М., 2017.

и прошлой человеческой жизнедеятельности, нужный своей практической пользой и познавательным значением. В результате возникает потребность его или их обнаружения. При этом, как и в архивоведческом знании, в археографии со временем расширялось понимание документа как исторического источника. Сначала это произошло за счет вовлечения в обнаружение не только класса документов официального происхождения, но и классов документов личного, а затем сакрального происхождения, а во второй половине XIX в. документов на новых носителях — визуальных и аудиодокументов. Поэтому в качестве своего объекта археография прежде всего ищет обоснования ответов на вопросы почему, для чего и что из документальных источников подлежит обнаружению.

В последующих главах книги мы не раз будем пытаться дать ответы на эти вопросы, чтобы понять возмущающие силы обнаружения тех или иных документальных источников, способствующих в конце концов их документальной публикации.

Прикладная и теоретическая археография в России до XX в. имела дело преимущественно с документальными источниками, содержащими вербальную и изобразительную информацию. Уже в XVIII в. появились первые публикации документальных источников т.н. «устного» или «инициативного» документирования, а в XX в. — публикации аудио-визуальных документов. Как объект археографии каждый из таких документальных источников при их обнаружении требует особых подходов, о чем мы также будем говорить в следующих главах.

Предмет археографии — документальная публикация. Предметом археографии является документальный источник или совокупность документальных источников, выступающих в качестве организованной сущности — *документальной публикации*. Если документ представляет собой исключительно единство информации и ее носителя, то документальная

публикация существует только как средоточие документальных источников, как их обособленное объединенное бытование. Документальный источник рождает документальную публикацию, а она обеспечивает особую жизнь документальному источнику, или – его некоей совокупности. Документальная публикация является одним из особо организованных способов трансляции документальной памяти. Он прошел эволюцию – от легального и нелегального размножения документа с помощью создания его рукописных или иных копий, через тиражирование в виде типографских изданий и ныне – использования электронных технологий, обеспечивающих благодаря Интернету немислимые прежде возможности доступности документальных источников в виде их визуальных изображений или текстов.

Вместе с тем, документальная публикация – это в большинстве случаев не просто текст документального источника или его визуальный образ. Это еще и определенная информационная система, состоящая из отдельных или множества разнообразных информационных элементов, призванных с той или иной полнотой обеспечить *коммуникативность* документального источника. Археография в своей предметной области ищет и дает ответы на вопросы как транслируется и должен транслироваться документ при его обнаружении.

Рассмотрение документальной публикации как предмета археографии открывает возможности понять «жизнь» в нем документального источника как, во-первых, части документальной исторической памяти и, во-вторых, как самостоятельный продукт интеллектуальной деятельности человека. Такое рассмотрение ставит перед археографией задачи разработки различных основных и второстепенных вопросов упорядочения документальных источников в документальной публикации.

Документальная публикация является результатом реализации неких представлений о ней ее составителей. Они

формируют ее модель, отражающую особенности преобразования и коммуникации в ней документальных источников — их носителей и их информации. Археография призвана предложить наиболее оптимальные элементы такой модели, носящие как типовой, так и специфический характер в зависимости от классов, типов и видов документальных источников и предназначения документальной публикации.

Документальная публикация как предмет археографии представляет интерес не только своей моделью. Это еще и определенный административный, социальный, научный, культурный, правовой, информационный феномен, существование которого подчас определяется публичными и непубличными правовыми и этическими нормами, а также выражается в непубличных проявлениях реальной жизни. Археография, рассматривая документальную публикацию как свой предмет, разумеется, не может не иметь в виду эти аспекты ее появления, особенно когда речь идет об истории прикладной археографии. Более того, осмысление развития этой прикладной части археографии должно быть одной из составляющих археографического знания.

Таким образом, документальный источник и документальная публикация как объект и предмет археографии являют перед нами двуединую сущность археографического знания. Его четкие объектность и предметность подчеркивают необходимость и особость такого знания и дают возможность определить место этого знания в иерархии научного познания вообще. Важнейшим критерием установления этого места является понимание археографии как знания о роли документальной памяти, воспроизводимой в документальной публикации. Как и архивоведение, археографию можно отнести к классу наук, связанных с разработкой проблем различных типов памяти и ее трансляции. Ее границы среди разных типов памяти определяются памятью документальной, становящейся благодаря документальной публикации, памятью публичной. В системе познания

мира и человека археография занимает свое особое место, постигающее феномен документа как интеллектуального продукта человеческой жизнедеятельности и объясняющее его роль в сохранении и трансляции прошлого как документальной памяти о нем.

Принципы археографии. Принципы в науке — это некая мировоззренческая позиция, признающая определенные познавательные постулаты. Они позволяют с помощью различных методов познать сущность изучаемых объекта и предмета, если повезет, выявить некие закономерности их бытования. Принципы — это методология субъекта, изучающего некие объект и предмет — в нашем случае документ и документальную публикацию. Ошибка в их формулировке неизбежно скажется на понимании объекта и предмета любого знания и на методах его получения. Иначе говоря, принципы какой-либо науки — это своего рода дорожная карта, а ее методы — это способы движения по такой карте к цели.

Как и в архивоведческом знании мы можем говорить о двух общенаучных принципах в археографии, без которых существование и приращение археографического знания невозможны. Однако в археографии эти принципы имеют свое специфическое содержание.

Первый принцип хорошо известен и в определенной степени проработан. Это *принцип историзма*. В археографии принцип историзма находит свое выражение в нескольких признаках. Во-первых, археографическое знание по своей природе исторично, т. к. историчен его объект — документальный источник, фиксирующий время в разные моменты состояния проживающего в нем социума. Во-вторых, сам документальный источник изменяется во времени — меняются его носители, появляются новые виды и разновидности документальных источников на фоне отмирания старых. В-третьих, не остается во времени статичным предмет археографии — документальная публикация. Развивается,

как увидим ниже, ее типология, формы трансляции документальных источников, документальные отложения подготовки документальной публикации. В-четвертых, само создание документальной публикации в большинстве случаев есть ничто иное как ответ на некий общественный запрос времени ее подготовки, которое часто определяет модель документальной публикации.

Иначе говоря, и объект и предмет археографии постоянно меняют свои признаки под воздействием фактора времени. Эта изменчивость объективна, хотя имеются случаи и субъективного характера, о которых в соответствующих местах мы еще будем говорить.

Второй общенаучный принцип археографического знания — *принцип обязательной классификации его объекта и предмета*. Любое знание, претендующее на по крайней мере научную дисциплинарность, невозможно без классификации ее объекта и предмета, позволяя установить общее и особенное в различных частях, составляющих их.

Классификации объекта археографии были предложены автором этой книги как попытки реального и интеллектуального упорядочения бесконечного множества документов². Все эти классификации являются компромиссным отражением двуличной природы документа — как физической сущности носителя информации и способов ее фиксации, и в качестве собственно информации, носящей, как и человеческая жизнедеятельность, многообразный характер. Они необходимы при выявлении документальных источников для документальной публикации.

Однако важна классификация и предметной области археографии — выявление типов, видов, форм и конфигураций документальных публикаций, с одной стороны, и классификация документальных источников внутри них. В пер-

² Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. С. 196-220.

вом случае такая классификация позволяет понять модель документальной публикации и определить ее значение в познании прошлого и в общественном сознании. Во втором случае речь идет о такой упорядоченности документальных источников внутри документальной публикации, которая обеспечивает убедительность раскрытия в ней развития факта, события, явления, процесса прошлого.

Таким образом, принцип классификации в археографии предусматривает как универсальные и специальные схемы организации документальных источников внутри документальной публикации, так и классификации самого множества документальных публикаций.

На наш взгляд можно говорить не менее чем о девяти существенно специальных археографических принципах, отражающих специфику археографического знания и познания.

Первым специальным принципом археографии можно назвать *принцип публичной демонстрации документальной памяти*. Автору этой книги уже приходилось писать о том, что в архивоведческом знании понятие «документальная память» занимает ключевое системообразующее место, а принцип документального запоминания является важнейшим³. В археографическом знании этот архивоведческий принцип трансформируется, подразумевая важность обнародования документальной памяти, ее актуализацию в виде документальной публикации. Благодаря этому принципу документальная публикация становится важным звеном между документальной памятью и другими типами исторической памяти.

С принципом публичной демонстрации документальной памяти связан *принцип несвободы и свободы информации документального источника*. Смысл его в том, что общество рано или поздно, вернее, обоснованно своевременно, но должно

³ Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. С. 132-144.

знать о деятельности своих институций и людей прошлого, какой бы она не была. Однако нередко информация документального источника носит болезненный характер, в первую очередь когда она касается законных интересов человека, корпорации, государства. Архивоведение призвано объяснить, что в потоке времени эти две вещи – ничтожны, а часто с высоты времен кажутся выдающимися по своему значению измерителями времени, препятствовавшему свободе архивной информации. Оно показывает смысл, причины и последствия этого борения между свободой и несвободой архивной информации, т. е. устанавливает характер ее доступности. Археография определяет возможности обнародования документальной памяти, роль документальной публикации в преодолении ее несвободы и в формировании нового знания о прошлом.

Степень свободы информации документального источника при его обнародовании определяется в ряде случаев нормативно. Однако имеются ее определенные части, обнародование которых связано с пониманием археографом определенных этических норм, о чем специально речь пойдет ниже.

Любая документальная публикация представляет собой трансляцию не просто части документальной памяти, а выборку из нее. Поэтому соблюдение принципа *обоснованного формирования состава документов документальной публикации* является ключевым в понимании ее репрезентативности. Он предполагает общепринятые обоснования репрезентативности включаемой в документальную публикацию части документальной памяти, в том числе с учетом развития современных информационных технологий. Речь идет о значимости включаемых в состав документальной публикации документов для познания прошлого. Этот принцип подразумевает необходимость применения обоснованных моделью документальной публикации специальных критериев отбора в нее документов. Соблюдение его особенно

важно при подготовке документальных публикаций научного типа.

Принцип упорядочения документальных источников в документальной публикации означает, что документальные источники в ней по возможности должны сопровождаться конвоем и сигнальной системой, которые обеспечивают максимальную понятность этих источников и поиск в них нужной пользователю информации. В прикладной археографии, как увидим ниже, следование этому принципу или его игнорирование носят разнообразный и противоречивый характер.

Принцип системности документов в документальной публикации имеет два смысла. С одной стороны, документальные источники, включенные в документальную публикацию, являются частицами определенных документных систем как неких совокупностей взаимосвязанных документов, возникающих при организации функционирования определенной сферы человеческой жизнедеятельности. В такой системе каждый документ имеет свое целевое предназначение, ради которого он создается в качестве определенного регулятора. Более того, мы уже давно говорим о многих документных системах, взаимосвязанных или совершенно изолированных друг от друга. Этот принцип означает, что документ не как абстрактная сущность, а как конкретное и реальное проявление взаимодействия между людьми и их сообществами, между человеком и государством, всегда, а в наше время почти обязательно, является элементом некоей системы документов, а значит, находится в той или иной связи с документами такой системы. Причем, в отличие от книги такая связь в первую очередь естественная, определяющая само бытование документа, и лишь потом, как и в случае с книгой — основанная на логических построениях. Эта связь носит как горизонтальный, так и вертикальный характер, подчиняясь иерархии и профилю деятельности одного или нескольких фондообразователей, решающих

общую задачу во времени (например, дневник и мемуары человека), в пространстве (например, дневники и мемуары нескольких человек, рассказывающих об одном и том же событии). На основе этого принципа документоведение, например, разрабатывает наиболее рациональные «цепочки» документов официального происхождения для документирования конкретных функций и с их учетом рекомендует первичную организацию хранения документов. Архивоведение учитывает этот принцип, например, при экспертизе ценности документов, зная, что в такой «цепочке» происходит повторение, поглощение информации разных документов. Археография использует этот принцип при выявлении документов по теме документальной публикации, стремится максимально полно использовать или реконструировать по каким-либо причинам разрушенную связь документов «цепочки» для получения наиболее полного документального массива, отразившего факт, событие, явление, процесс прошлого.

С другой стороны, принцип системности документов в археографии основывается на том, что документальный источник, включенный в документальную публикацию, становится элементом уже иной документной системы — системы документов, создаваемой археографом при подготовке документальной публикации, о чем подробнее мы будем говорить ниже.

Создание практически любого документа — почти всегда процесс субъективный, возможно, исключая документальную фиксацию физических, природных явлений, например, при измерении температуры, влажности воздуха, давления атмосферы. Совсем иначе обстоит дело, когда документальный источник становится объектом археографии. Для нее принцип беспристрастия, т. е. максимально формализованного подхода к оценке и интерпретации документального источника, является основополагающим пятым специальным археографическим принципом. В археографии он осо-

бенно важен, например, при фильтрации документальных источников для документальной публикации и их комментирования.

Седьмым специальным археографическим принципом, на наш взгляд, является *принцип неприкосновенности документальной памяти, транслируемой через документальную публикацию*. Его соблюдение означает максимально точное доведение до пользователя документальной публикации не только формы, содержания, но и текста документального источника, либо всегда оговариваемые и обоснованные и общепризнанные его изменения в публикации, позволяющие в случае необходимости реконструировать оригинальный текст.

Восьмым принципом археографического знания можно было бы признать *принцип необходимого и достаточного в реализации модели документальной публикации*. Под необходимым в данном случае понимается соблюдение при подготовке документальной публикации определенных обязательных и общепринятых требований, обеспечивающих объективность трансляции документальной памяти с помощью ее обнародования. Под достаточным имеется в виду оптимальное применение этих требований без их чрезмерного излишества или игнорирования. Это касается, например, полноты отфильтрованных для документальной публикации документальных источников, их конвоя и сигнальной системы.

Девятым специальным принципом археографии является *принцип неизбежного взаимодействия документальной публикации с общественным сознанием*, включая и ту его часть которая обычно ассоциируется с государством. Речь идет о содержательном, а не инфраструктурном взаимодействии. Общественное сознание постоянно востребует документальную память в самых разных, как увидим ниже, интересах. Одновременно и документальная память во многих случаях способна формировать общественное сознание прямо

и опосредованно. Выявление такого взаимодействия открывает новые возможности для понимания роли документа в жизни общества.

Таким образом, по меньшей мере два общенаучных и девять специальных принципов определяют суть археографического знания как знания теоретического в той мере, в какой это знание может выйти за границы описательности или свода нормативов и правил практического характера, важных для прикладной археографии. Они открывают возможности провести более или менее понятную границу между прикладной археографией и археографией теоретической. Последняя, в свою очередь, в этом случае может очертить особую сферу человеческого познания, имеющего дело с таким цивилизационным продуктом как документ, сохраняющий или утративший свою регулирующую функцию и обретающего в документальной публикации историко-познавательное значение в качестве документального источника.

Методы археографии. Анализ накопленного и формирование нового знания о документальном источнике и документальной публикации археография обеспечивает с помощью общенаучных, специальных и частных методов изучения объекта и предмета с последующим использованием полученного знания при анализе новых археографических проектов.

Из общенаучных методов для археографии особый интерес представляют четыре.

Сравнительно-исторический метод позволяет проследить на протяжении всего времени существования объекта и предмета археографии особенности их бытования в разные исторические периоды, выявить характерные черты формирования документального источника и подготовки документальной публикации, их развитие или отмирание во времени. Этот метод дает возможность, например, построить «дерево жизни» документальных источников на протяжении столетий и тем самым показать связь возникновения,

функционирования и отмирания их разных видов, либо, наоборот, их стойкое соответствие политическим, социально-экономическим и духовным процессам в жизни человека, общества, государства. Он же позволяет проследить развитие типологии документальных публикаций — от их минимального разнообразия к некоей постоянно развивающейся системе, приуроченной к общественным, в том числе научным, запросам, типам и видам документальных источников, особенностям их носителей.

Метод системного анализа объекта и предмета археографии открывает возможности рассмотрения документального источника и документальной памяти в системах документирования человеческой жизнедеятельности и в различных формах трансляции исторической памяти. Он позволяет, например, при фильтрации документальных источников для документальной публикации учитывать различные формы повторения и концентрации информации документальных источников и определять с высокой степенью обоснованности те из них, которые могут быть включены в документальную публикацию или в разных формах использованы при ее подготовке. С его помощью возможна организация поиска документальных источников и их информации в рамках архивного фонда, архива, системы архивов.

Метод функционального анализа объекта и предмета археографии дает возможность определять разные по своим классам, типам и видам комплексы документальных источников, а также разрабатывать рациональную систему документальных публикаций в рамках проблемного освоения документальной памяти. С его помощью, например, можно определять общие и специально предназначенные для конкретной документальной публикации классификации документальной исторической памяти, а также систематизации документов в документальной публикации.

Метод наблюдения за состоянием объекта и предмета археографии позволяет описать состояние определенных

признаков документальных источников и документальных публикаций и на этом основании сделать обоснованные обобщения об их новизне, рациональности и полезности использования в прикладной археографии. Этот метод дает возможность, например, своевременно обнаруживать новые приемы воспроизведения текстов документальных источников, возникновение новых форм и конфигураций документальных публикаций.

Метод статистического анализа объекта и предмета археографии дает возможность на определенном временном отрезке выявить явления и процессы, характерные для их развития и тем самым понять их позитивную или негативную роль в прикладной археографии. Например, статистика появления документальных публикаций по определенным проблемам показывает особый интерес к ним в общественном сознании и исторической науке, наличие документальных источников с однотипной информацией открывает возможности воспроизведения их текстов в виде регест. Статистический анализ видов и разновидностей документов, включенных в документальную публикацию, и характера их информации позволяет определить степень раскрытия проблематики документальной публикации.

Среди специальных методов археографии выделяются метод типизации ее объекта и предмета и метод моделирования ее предмета.

Метод типизации объекта и предмета археографии дает возможность, во-первых, определить типичность и особенность определенных комплексов документальных источников и на этой основе рекомендовать процедуры особых действий с ними (их выборку для включения в документальную публикацию), во-вторых, выделить классы, типы и виды документальных источников с присущими им особенностями для их учета при выработке модели трансляции документальной памяти.

Метод моделирования в археографии позволяет обосновать ту или иную модель документальной публикации и определить ее предназначение в трансляции документальной памяти. Этот метод является в археографии важнейшим, поскольку изначально ставит перед археографом основополагающие вопросы трансляции документальной исторической памяти в форме документальной публикации. Ниже об этом речь пойдет отдельно.

Метод реконструкции в археографии исходит из того, что одним из признаков ее объекта является дискретность документальных источников, т. е. их разделенность во времени и пространстве. Поэтому при подготовке документальной публикации принципиально важным является нейтрализация дискретности документальных источников, в том числе преодоление разобщения всей их совокупности, отразившей то или иное событие, явление, процесс прошлого. Дискретность документальных источников как объективная заданность, не позволяющая иметь их одномоментно, чрезвычайно болезненна при подготовке документальной публикации. Она усугубляется дискретностью депозитариев документальной исторической памяти — их рассредоточением в соответствии с профилями и административно-территориальным делением.

Кроме того, практическая работа с документальной исторической памятью часто обнаруживает ее необоснованные лакуны, вызванные форс-мажорными и иными обстоятельствами, которые оказываются болезненными для исследования прошлого.

Для археографии нейтрализация признака дискретности документальных источников связана с реконструкцией всего источникового массива о событии, явлении, процессе прошлого. Создание документальной публикации и есть один из вариантов такой реконструкции. Решая в ходе ее чисто историко-познавательные задачи, археограф тем самым устраняет хотя бы в самом общем виде дискретность

документальной исторической памяти и тем самым создает более благоприятные условия для исторической реконструкции. Археография совместно с архивоведением и источниковедением вырабатывает также методы и приемы реконструкции утраченных частей документальной памяти. Иначе говоря, несмотря на разность целей и задач, в данном случае интересы археографии, источниковедения и архивоведения пересекаются, обеспечивая преодоление дискретности документальной памяти.

Из частных методов археографии традиционно и в наше время широкой популярностью пользуется метод демонстрации документального источника и метод оценки нормативно-методического обеспечения прикладной археографии как свода действующих норм, правил и методик работы с документальными источниками при подготовке документальной публикации.

Метод демонстрации в археографии позволяет рассматривать любую документальную публикацию как особый интеллектуальный продукт, подлежащий анализу на основе общепринятых археографических правил и принципов. Этот метод позволяет выявить типичное и особенное в археографической практике и установить их соответствие тому или иному типу документальной публикации. В конечном счете он дает возможность определить практическую и научную полезность и ценность конкретной документальной публикации как особого информационного продукта.

Метод оценки нормативно-методического обеспечения прикладной археографии открывает возможность оценить обоснованность, эффективность и полезность действующих правовых норм, правил и рекомендаций, связанных с трансляции документальной памяти. Такая оценка позволяет своевременно ставить задачи по их уточнению, замене и разработке новых проблемных вопросов прикладной археографии.

В настоящей главе мы постарались показать самостоятельную роль археографического знания в общем комплек-

се наук и научных дисциплин о человеке и обществе. В самом широком смысле эта роль связана с особой миссией документальной публикации как одной из форм трансляции документальной памяти — организованного носителя свидетельств о прошлом. Осмысление трансляции документальной памяти через документальную публикацию и обоснованная теоретическим знанием практическая регуляция ее создания являются главными задачами археографии, которые она, как научная дисциплина, решает в своих специальных разделах. К их рассмотрению мы и переходим в следующих главах книги.

ГЛАВА 2

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ТРАНСЛЯЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Понятие документальной публикации. За три последних столетия своей истории человечество создало сотни тысяч, даже миллионы документальных публикаций. Они составляют археографические фонды различных государств, непрерывно пополняющиеся и сегодня. Создание документальных публикаций стало явлением человеческой истории последних столетий. В чем суть этого явления? Каковы его причины? Какие мотивы определили и определяют в разные мгновения прошлой и современной истории подготовку той или иной публикации? Для чего человечеству вдруг стал необходим документ прошлого и настоящего, а не только труд провайдера-историка, имеющего большие возможности донести и объяснить прошлое с позиции современного знания исторической ретроспективы? Какое воздействие на современность оказывает документальная публикация? Как в принципах, приемах и правилах ее подготовки отражается не только время, которое она пытается представить, но и время, в которое она создается?

Десятки, сотни вопросов, ответы на которые в конечном итоге могли бы дать не самые главные, но интересные,

а иногда и важные объяснения многим историческим проблемам. Решение этих и подобных вопросов является важным еще по одной причине. Она связана с характеристикой той сферы знаний, которая определяет «правильность» подготовки документальной публикации и которая имеет уже многовековую историю.

Подобно ботанике, имеющей дело с многообразием растительного мира, археография имеет дело также с великим множеством документальных публикаций и множеством документальных источников, обнаруженных в них. Эти множества в отличие от растений имеют значительно большие граничные пределы, которые не уменьшаются, а увеличиваются.

Выше говорилось, что предметом археографии является документальная публикация как одна из проверенных временем упорядоченных форм трансляции определенной части (одного документа или совокупности документов) документальной исторической памяти. В качестве предмета археографии она выступает в двух ипостасях. Археографический фонд любой страны представляет собой множество и многообразие документальных публикаций. Отражая общественные и научные движения конкретного мгновения истории, каждая входящая в состав этого фонда документальная публикация своим возникновением отразила и зафиксировала особенности и типичные явления этого мгновения. Любая документальная публикация становится историческим источником времени — не только того, которому она прямо посвящена, но и того, когда она была создана.

Историческое исследование — вещь совсем иная. Это либо произведение просветительское и дидактическая, либо научный труд. И в том и в другом случае в историческом произведении происходят сложные трансформация, генерация и синтез документальных исторических источников. В удачных случаях в историческом сочинении в результате этого возникает новое знание о прошлом, которое затем

пропагандируется работами просветительскими и дидактическими. Исторический труд, являясь результатом переработки исторических источников, в том числе документальных, представляет нам историческое знание, которое есть ничто иное как один из типов исторической памяти.

Но не следует думать, что историческое исследование тем самым девальвирует документальный исторический источник. Во-первых, пройдет время и новый автор исторического труда прочитает по-новому старый документальный источник. И он вновь будет благодарен ему, и вновь станет его укоризненным судьей и критиком. И так будет до бесконечности, ибо документальный исторический источник неисчерпаем как атом. В этом смысле он остается основой исторического познания и не испытывает комплекса неполноценности. Во-вторых, документальный исторический источник обладает свойством не просто аутентичности, а аутентичности правовой. Научная историческая книга, посвященная, например, людям, угнанным в фашистскую неволю, никогда не станет юридическим документом при обосновании компенсации их страданий. А документальные источники, в том числе включенные в официальные публикации, — могут и являются таковыми, обеспечив уже в наше время социальную защиту, например, бывших фашистских невольников.

Выше мы говорили о том, что документальный источник может лежать в основе любого исторического исследования. Однако странное дело: почти всегда между документальным историческим источником и историческим трудом существует документальная публикация документального или документальных исторических источников.

Хотели бы отметить, что никогда документальные публикации не смогут заменить исторические исследования. Документальная публикация не создает нового исторического знания. Но она генерирует документальные свидетельства о прошлом и тем самым открывает возможности для получе-

ния такого знания. Документальные публикации являются базой исторических исследований. От того, насколько фундаментально и квалифицированно издана источниковая база, на основе которой историк создает свой труд, зависят результаты этого труда, в том числе его доказательность. Поэтому очень высока степень ответственности перед исторической памятью тех людей, которые занимаются подготовкой документальных публикаций.

Документальная публикация рассчитана на еще более подготовленного читателя, чем читателя исторического сочинения. Культура ее чтения совсем иная. Читатель документальной публикации должен быть больше аналитиком фактов, чем их потребителем. Но зато и правда истории для него может стать понятней.

Понимание более широкой общеисторической роли документальной публикации как диалога через нее документального источника и человека, общества, государства, как отражение времени ее создания, уровня развития науки делает ее как бы объектом и предметом археографии. Но ограничением столь неопределенного понимания предмета археографии является то обстоятельство, что документальная публикация в качестве конкретного продукта интеллектуальной деятельности может стать предметом изучения с точки зрения понимания обоснованности использования при ее подготовке тех или иных археографических принципов, правил и методов и их практической реализации.

Такое изучение дает возможность либо оценить ту или иную документальную публикацию как *археографический успех*, т. е. получить новое знание в области археографии: обнаружить новые *тип, вид, конфигурацию, форму*, способы подготовки документальной публикации, подчас возникающие стихийно, либо, наоборот, выявить ошибки и промахи при подготовке документальной публикации и признать ее *археографической неудачей*. В этом смысле каждая новая документальная публикация представляет собой своего рода

новое открытое растение, которое увлеченный и знающий ботаник стремится включить в принятую классификацию на основе описания его признаков.

С другой стороны, документальная публикация — результат конкретного исследовательского проекта, в ходе реализации которого необходима выработка наиболее оправданной и обоснованной ее модели. Здесь документальная публикация не результат, а цель, достичь которую можно только соблюдая общепринятые археографические требования.

Документальная публикация как интеллектуальный информационный продукт. Документальную публикацию можно представить как совокупность первичной и вторичной информационных систем. С одной стороны, во всех документальных публикациях, даже в учебных, всегда присутствует некое новое документальное знание о факте, событии, явлении, процессе прошлого. Это знание «свернуто» в документальных источниках и требует специального исторического анализа. Документальные источники, обнаруживаемые в документальной публикации, и есть ничто иное как носители первичной документальной исторической памяти. С другой стороны, благодаря конвою документальных источников документальная публикация вместе с ее сигнальной системой включает вторичную документальную информацию, носящую, как увидим ниже, в принципе строго упорядоченный характер.

Одной из закономерностей бытования документального источника является то, что в фазе покоя в нем неотвратимо появляются *неопознанные пробелы*, т. е., утрачивая свое оперативное значение, полезность, документальный источник постепенно ослабляет в каких-то своих частях первичный и понятный его адресату оперативный информационный смысл. Происходит как бы «угасание» не только текста документального источника, но и его информации, например, о лице, упоминаемом в нем, вышедшем из употребления

слове, термине, случившемся факте, событии. Например, составители документальной публикации «Генрих Ягода»¹ имели дело с такими «угасшими» словами, как «предвечека», «ротмистр», «анархисты-коммунисты», публикаторы «Дневника» Патрика Гордона² — с польскими фамилиями и словами, цитатами из произведений латинских авторов, составители документальной публикации «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД, 1918—1939»³ — со словами и выражениями типа «аймак», «эфенди», «Завгоссоюз», «почевком», «басмачи», «депналог», «гошгоя», «обновленчество», издатель «Повседневных записок делам князя А. Д. Меншикова»⁴ — со словами и целыми выражениями типа «бавась», «потом изволил смотреть кирки, в которой быть святой православной церкви», «в тот день была комфузия о полковнике Колтовском» и т. д.

Нередко наблюдаются случаи, когда неопознанные пробелы документального источника оказываются следствием внешних деформационных воздействий на документальную публикацию, например, на их появление влияют особенности организации документов в период их второй или третьей фаз бытования⁵. С таким случаем столкнулись составители сборника «Кронштадтская трагедия 1921 года». По их словам, дела архивного фонда Петроградской губернской Чрезвычайной комиссии при обработке в 1935—1936 гг. «были сформированы по-новому: анкеты участников кронматежа,

¹ Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар государственной безопасности: Сборник документов. Казань, 1997.

² Гордон П. Дневник: 1635-1659. М., 2000.

³ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД, 1918-1939: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1. М., 1998; Т. 2. М., 2000; Т. 3. Кн. 1. М., 2003; Кн. 2. М., 2005; Т. 4. М., 2012.

⁴ Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716-1720, 1726-1727 гг. // Российский архив. 2000. Т. 10.

⁵ О фазах бытования документа подробнее см.: Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. М., 2017. С. 102-115.

регистрационные карточки на членов партии и заявления о выходе из нее выделены в отдельные тома, хотя некоторые были найдены в других томах. Вещественные доказательства (письма, записки, личные документы, визитные карточки фото- и другие материалы) тоже собраны отдельно. В результате многие документы невозможно атрибутировать, так как они не содержат соответствующих данных...»⁶.

Документальная публикация призвана устранить такие неопознанные пробелы в документах, и прежде всего с помощью его *конвоя*.

Конвой документальной публикации помимо своего прямого назначения — информационного сопровождения документального источника — также призван предотвратить субъективизм документальной публикации, например, показав в археографическом предисловии принципы и правила ее подготовки. Благодаря конвою пользователь имеет возможность сопоставить собственные знания и понимание факта, события, явления, процесса прошлого с их освещением в документальной публикации, скорректировав либо свои знания и понимание, либо освещение прошедшего в документальной публикации. Конвой обеспечивает и большую информационную емкость, и большую эффективность использования документальной публикации, поскольку всегда включает ее как в более общий и конкретный исторические контексты, так и в контекст других документальных публикаций.

Сигнальная система документальной публикации в виде ее поисковых средств — оглавления, различного рода указателей и др. — создает условия для адресного поиска необходимой пользователю информации. Органически связанная с документальным источником и его конвоем, она объединяет их в цельный информационный блок, упорядочивает

⁶ Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы: В 2 кн. Кн. 1. М., 1999. С. 17. Далее сноски на это издание даются в тексте настоящей главы.

приведенную в них информацию в формальной или логической последовательности.

Документ, конвой и сигнальная система документальной публикации, несмотря на свои различия, предстают в качестве трех равнозначных систем. С одной стороны, каждая из них в принципе не может существовать без двух других, с другой — все они не только взаимосвязаны, но и взаимодополняют друг друга. Соблюдение *равнозначности информационных элементов документальной публикации*, является ничем иным как реализацией принципа необходимого и достаточного в археографии.

Таким образом, документальная публикация представляет собой систему взаимосвязанных и взаимодополняемых *информационных элементов* — собственно воспроизводимого документа (документов), его конвоя и сигнальной системы. В ней должен существовать разумный и обоснованный баланс этих элементов.

Документальная публикация представляет собой систему ограниченного состава, как правило — с массой, т. е. обоснованным или не всегда обоснованным количеством документов, необходимых для раскрытия ее проблематики (в том числе одним). Создавая условия для трансляции документального источника, документальная публикация упорядочивает массив информации о факте, событии, явлении, процессе прошлого. Она располагает документы в определенной последовательности, способствует преодолению стихийно или естественно сложившихся *разломов документов и документных систем*, сосредоточивая в себе максимально возможное число документов, хранящихся в разных местах или созданных разными физическими и юридическими лицами, и обеспечивая всестороннее отражение факта, события, явления, процесса прошлого.

Благодаря особой организованности, упорядоченности документов в документальной публикации в ней происходит не только *синтез* — реальное соединение документов пуб-

ликации в единое целое, — но и сложная *генерация информации* — организация документальных свидетельств, в том числе новых, о прошлом, различных *документальных отложений*, усиливаемая конвоем и сигнальной системой. В некоторых документальных публикациях происходят не только синтез и генерация, но и *трансформация* документальных свидетельств. Документальную публикацию, например, протоколов какого-либо учреждения можно рассматривать как публикацию целостного комплекса в повидовой форме. Здесь синтез и генерация документной информации определяются уровнем обсуждения и кругом отраженных в протоколах вопросов. Вместе с тем, на основе такого повидового документального источникового кодекса могут быть подготовлены документальные публикации: а) выборки из протоколов структурированных сообщений — документальных свидетельств об отдельных фактах, событиях, явлениях, процессах; б) выборки из протоколов структурированных сообщений — документальных свидетельств, включаемых в комплекс других видов документальных источников, объединенных зафиксированным в них фактом, событием, явлением, процессом. В первом случае срабатывает эффект предметности документальной публикации: повторяя информацию публикации документального кодекса, она делает ее более предметной в отношении конкретного факта, события, явления, процесса. Зато во втором случае происходят не только синтез и генерация информации — структурированных сообщений тех же протоколов, но и ее включение в информацию, содержащуюся в других видах документальных источников.

Репрезентативность документальной публикации. Вопрос о том, насколько сохраненная и сохраняемая документальная историческая память открывает возможности достоверного и доказательного изучения прошлого является естественным и далеко не простым по поиску на него ответов. Любая документальная публикация, включая науч-

ную пофондовую, как правило, представляет собой организованную по разным параметрам выборку документальных источников: из всей их сохранившейся совокупности в документальной исторической памяти, когда речь идет о тематической документальной публикации; из всей совокупности документальных источников одного вида, когда речь идет о повидовой документальной публикации; из всей совокупности архивных фондов, например однотипных, когда речь идет о пофондовой документальной публикации. Иначе говоря, любая документальная публикация или даже их совокупность являются трасляцией всего лишь части документальной памяти. Выборочный характер документальной публикации объясняется и тем обстоятельством, что далеко не всегда в нее включаются варианты текста документального источника, его оригинал, копия или дубликат. Выборочный характер документальной публикации снижает ее информационный потенциал в сравнении с тем документальным массивом, который относится к ее проблематике, и часто предопределяет необходимость обращения к другим документальным источникам архивного и археографического фондов. Однако высокий уровень организации документальных источников в документальной публикации, о чем мы будем говорить ниже, повышает ее информационную плотность, позволяя с большей эффективностью изучать факт, событие, явление, процесс прошлого.

Вероятно, можно говорить о репрезентативности документальной публикации в ее абсолютном и относительном измерениях.

Относительная репрезентативность — это отношение числа документов публикации с заданной ее моделью темой к общему числу документов по ее теме, имеющих в документальных отложениях. Такая репрезентативность является стопроцентной, когда речь идет о пофондовой или повидовой автономной документальной публикации. Сложнее обстоит дело, когда речь идет о тематических документаль-

ных публикациях. Их репрезентативность определяется тем, что, во-первых, каждый новый обнаруженный документ не добавляет, а лишь подтверждает наблюдения, полученные ранее на основе уже выявленных документов, и, во-вторых, в процессе такого исследования обнаруживаются невосполнимые фрагменты документальной памяти, которые в лучшем случае можно лишь попытаться реконструировать.

Абсолютная репрезентативность документальной публикации связана с отношением документов, включенных в документальную публикацию, к их общему числу, выявленному в процессе ее подготовки, составляющему *документную среду ее подготовки*

Следует подчеркнуть, что при подготовке тематической документальной публикации формирование и относительной, и абсолютной репрезентативности выборки далеко не всегда под силу одному археографу. Например, собранный массив документов для документальной публикации по проблеме голода в СССР в конце 20-х – начале 30-х годов XX в.⁷ представляет собой выборку, созданную не из естественно существовавшей, заданной изначально их совокупности, а сформированную на основе заданного предметного поиска в различных документальных системах разного уровня. Формирование этой выборки возможно только при условии слаженной работы большого творческого коллектива. Вопрос о репрезентативности такой выборки, разумеется, может быть признан дискуссионным, но в каждой документальной публикации мы имеем дело с вполне конкретным результатом, а значит, имеем то, что при современных возможностях и в современных условиях можем иметь. Документальная публикация, таким образом, разрывая связи документального источника с естественно сложившейся частью документальной памяти, сохраняет с ней высокую степень *корреляции*,

⁷ Голод в СССР. 1929-1934. Т. 1. 1929 - июль 1932: В 2 кн. М., 2011; Т. 2. Июль 1932 - июль 1933. М., 2012; Т. 3. Лето 1933-1934. М., 2013. Далее сноски на это издание даются в тексте настоящей главы.

взаимности. Взаимность вообще позволяет иногда рассматривать документальную публикацию как элемент некоей системы, другими элементами которой являются определенные части документальной исторической памяти. Речь идет в первую очередь о документальных публикациях, входящих в состав *серийных документальных публикаций*. В этих случаях каждая конкретная документальная публикация серии связана с другими, составляющими серию, раскрывая тематический, географический, хронологический аспекты факта, события, явления, процесса прошлого, которым может быть посвящена серийная документальная публикация.

Свойство корреляции документальной публикации, прежде всего в серийных документальных публикациях, имеет важное значение при выработке ее модели. Оно может, например, оказать воздействие на выбор конфигурации документальной публикации. При наличии в серии публикаций, характеризующих пространственный признак факта, события, явления, процесса, нет смысла готовить публикацию в ее каскадной конфигурации. Отказ от нее, в свою очередь, вносит коррективы в критерии фильтрации, например в критерий полноты отражения в документе факта, события, явления, процесса прошлого. Такая коррекция, далее, ослабляет корреляцию документальной публикации с документальной исторической памятью.

Деформационные воздействия на документальную публикацию. Поскольку синтез, генерация и трансформация документальной памяти в документальной публикации являются результатом мыслительной деятельности человека, важнейшей особенностью документальной публикации становится неизбежный субъективизм упорядочения включаемых в ее состав документов, который в принципе содержит угрозу искажения исторической ретроспективы, особенно когда речь идет о выборе документальных источников из крупных по численности и больших по объемам документальных отложений. Иными словами, такая документальная

публикация испытывает деформационные воздействия. Они имеют внешнюю и внутреннюю природу.

Под внешними деформационными воздействиями понимаются факторы или их совокупность, оказывающие влияние на объем и характер документальных отложений, вовлеченных в подготовку документальной публикации: их доступность, сохранность, имеющиеся возможности оптимального выбора типа, вида, формы документальной публикации. Например, в документальную публикацию «Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940»⁸ включены лишь те документальные источники (письма), которые удалось перехватить советской внешней разведке, что отразилось на полноте публикации. При подготовке документальной публикации «Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917гг.»⁹ внешнее деформационное воздействие было связано с утратами и трудностями поиска этого вида документальных источников, являвшихся массовыми и поэтому, как правило, не сохранявшихся. Составители «Неизданного» М. Цветаевой¹⁰ были вынуждены считаться с тем, что ее «сводные тетради», оказавшиеся в архиве, представляли собой всего лишь беловые экземпляры — черновые записи были оставлены в Париже, частично уничтожены, по цензурным соображениям существенно переделаны. Составители документальной публикации «Лаврентий Берия. 1953»¹¹ так и не смогли получить следственное дело на своего героя, имеющее важное значение для понимания политических и других событий 1953 г. Мы вправе полагать,

⁸ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940: Сборник документов: В 2 кн. М., 1998.

⁹ Медведев С. Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917: Историко-библиографический альбом-каталог. М., 1996.

¹⁰ Цветаева М. Неизданное: Сводные тетради. М., 1997.

¹¹ Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. Далее сноски на это издание даются в тексте настоящей главы.

что «официальное и документальное издание» «Советско-израильские отношения»¹² (о событиях 1941—1953 гг.) также испытало на себе внешние деформационные воздействия.

Составители документальных публикаций порой с поразительной откровенностью рассказывают о внешних деформационных воздействиях. Так, авторы археографического предисловия к документальной публикации «Атомный проект СССР» прямо указывают, что замысел сборника документов связан с Указом Президента Российской Федерации от 17 февраля 1995 г. «О подготовке и издании *официального* (выделено нами.— В. К.) сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР». По их мнению, это «помогло избежать бессистемной, разрозненной публикации документов по этой теме в российской и зарубежной печати. Таким образом были созданы условия, позволяющие публиковать документы в комплексе, и каждый из них в контексте с другими...»¹³.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации составители и во второй части книги «прежде всего стремились отразить... совокупность основных специальных решений, которые принимались в ходе реализации советского атомного проекта...» (2, с. 4). Составители документальной публикации «Совещания Коминформа» еще более откровенны: «Сотрудники архива (Президента Российской Федерации.— В. К.) — нас приняли доброжелательно, приветливо, предоставили в распоряжение подлинники протоколов трех совещаний Коминформа, о содержании которых мир еще не знал»¹⁴.

¹² Советско-израильские отношения: Сборник документов: В 2 т. М., 2000.

¹³ Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т. 1: 1938-1945. Ч. 1. М., 1998. С. 3. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

¹⁴ Совещания Коминформа: 1947, 1948, 1949: Документы и материалы. М., 1998. С. XV.

Поразительный пример внешних деформационных воздействий обнаруживаем в документальной публикации «Следственное дело патриарха Тихона». «В связи с закрытостью учетной документации и спецификой системы учета Ц[ентрального] а[рхива] ФСБ России, по сравнению с принятой в государственных архивах, в нашем представлении отсутствуют сведения о характере фонда и его истории»¹⁵, — так пишут составители.

Под *внутренними деформационными воздействиями* понимаются факторы или их совокупность, связанные с умением публикатора реализовать в прикладной археографии ее теоретические основы, касающиеся выявления, отбора документальных источников для документальной публикации, их конвоирования и т. д. Например, сборник документов «Экология и власть. 1917–1990»¹⁶, несмотря на широту постановки проблемы, показал неспособность составителей отразить в документальной публикации масштаб и сложность обозначенной в его названии проблемы в силу того, что они ограничились использованием документальных отложений, хранящихся в основном в РГАЭ. Документальная публикация «Избранных трудов» Мирсаида Султан-Галиева¹⁷, демонстрирует низкий профессиональный уровень составителей, отказавшихся от соблюдения элементарных археографических принципов, о чем будет сказано ниже. Внутренние деформационные воздействия откровенно признали авторы документальной публикации «Следственное дело патриарха Тихона», заявившие, что «дискуссионность и неразрешимость (?! — В. К.) некоторых вопросов истории

¹⁵ Следственное дело патриарха Тихона: Сборник документов. М., 2000. С. 54–55. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

¹⁶ Экология и власть. 1917–1990. М., 1999. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

¹⁷ Султан-Галиев М. Избранные труды. Казань, 1998. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

церкви в XX в. не позволяют пока (?! — В. К.) дать полноценный комментарий отдельно издаваемых материалов» (с. 53–54).

Еще одним примером внутренних деформационных воздействий является публикация т.н. «Дела Берии»¹⁸. Последние два слова мы не случайно взяли в кавычки. Название документальной публикации является ложно ориентированным. На самом деле, прочитав книгу, можно с трудом понять, что в публикацию включена какая-то часть документов, которые и составляют не в историческом, а в архивном и археографическом смыслах «дело Берии», остающееся недоступным исследователям до сих пор.

Внешние и внутренние деформационные воздействия на документальную публикацию — явление объективное. Оно обусловлено механизмами государственного, общественного бытия, способностями и намерениями личности археографа. Но также объективно и стремление к разрушению или нейтрализации этих воздействий. Их преодоление, нейтрализация субъективности документальной публикации — важнейшая задача при ее подготовке. В археографии, как и в исторической науке, текстологии, архивоведении, документальном источниковедении, существует своя система доказательств и правил, способствующих нейтрализации субъективности документальной публикации.

Документальные отложения и их основные черты. Любая документальная публикация готовится по документальным отложениям, т. е. сколь угодно неопределенным массивам документов, взаимосвязанных и не взаимосвязанных, обладающих свойством дискретности, в которых потенциально или реально могут находиться документальные источники, связанные с ее проблематикой.

¹⁸ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. Документы. М., 2012. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

Эти документальные отложения выступают как видимое и ненаблюдаемое множества. *Видимое множество документальных отложений* выступает в виде организованной публичной совокупности документов, объединенных темой предполагаемой трансляции документальной исторической памяти. *Ненаблюдаемое множество документальных отложений* состоит из неорганизованной либо недоступной по разным причинам совокупности документов, относящихся к теме трансляции документальной исторической памяти. Поэтому подготовка документальной публикации прежде всего предполагает установление максимального объема видимого множества документальных отложений и перевода ненаблюдаемого множества документальных отложений в видимое множество.

Современная практика работы с документальной исторической памятью дает нам разнообразный материал для понимания характера документальных отложений, на базе которых осуществляется её трансляция. Документальная публикация «Военнопленные в СССР»¹⁹ подготовлена на основе документальных отложений, сохранившихся в архивных фондах Государственного комитета обороны, Совета народных комиссаров — Совета Министров СССР, Народного комиссариата — Министерства внутренних дел СССР. Это оказалось видимым множеством документальных отложений. Ненаблюдаемое множество документальных отложений по теме в соответствии с законодательством Российской Федерации остается засекреченной и потому оказалось недоступным составителям. Это означает, что публикация «Военнопленные в СССР» испытала на себе деформационные воздействия, связанные с нарушением *принципа максимума документальной публикации*, требующим максимально полного выявления для нее документов (с их

¹⁹ Военнопленные в СССР: 1939-1956 : Документы и материалы. М.: 2000. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

последующей фильтрацией, т. е. отбором для включения в публикацию).

Деформационное воздействие на эту публикацию связано не только с тем, что ее составители не имели возможности использовать ненаблюдаемое множество документальных отложений. Этот объективный фактор был усилен фактором субъективным — сознательным отказом от преодоления свойства дискретности документов, т. е. их разделенности (в данном случае не в пространстве, а во времени). По этой причине в книгу не попали, например, дневники, воспоминания, интервью военнопленных, находившихся в СССР.

Использование в публикации лишь видимого множества документальных отложений, отказ при ее подготовке от преодоления свойства дискретности документов привели к тому, что она оказалась основанной на *ограниченной среде документов*, т. е. не на максимально возможных документальных отложениях.

На первый взгляд, это снижает информационный потенциал публикации. Однако такое заключение было бы неверно в связи с тем, что составители имели дело не только с *неконденсированными*, но и, главным образом, с *конденсированными* документальными отложениями, т. е. высокоинформативными документальными системами, созданными прежде всего организациями, непосредственно занимавшимися проблемами военнопленных. Именно поэтому информационный потенциал публикации оказался необычайно высоким, хотя вопрос о ее объективности, т. е. о том, насколько в реальной жизни военнопленных выполнялись те или иные директивные документы, остается не всегда ясным.

Составители многотомной документальной публикации «Трагедия советской деревни»²⁰ постарались использовать

²⁰ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: 1927-1939: Документы и материалы: Т. 1-5. М., 1999-2006. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

максимальный объем документальных отложений, связанных с темой. «Выявление архивных документов,— пишут они,— проводилось в наиболее содержательных с точки зрения освещения темы фондах — Политбюро, Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП(б), ЦИК и ВЦИК, СНК и СТО СССР, СНК РСФСР, ОГПУ, наркоматов земледелия, юстиции, внутренних дел, Колхозцентра и др.» (2, с. 30). К использованию максимального объема видимого множества документальных отложений стремились и составители сборника «Рязанская деревня в 1929–1930 гг.», готовя его на базе архивных фондов Рязанского губернского и окружного исполкомов Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Рязанских окружного комитета ВКП(б), ОГПУ, административного отдела окружного исполкома, прокуратуры, районных, уездных исполкомов, губернского и окружного земельных отделов, союзов сельскохозяйственных коллективов, уездных и районных комитетов ВКП(б)²¹.

Следует отметить, что использование абсолютного максимума документальных отложений достигается далеко не всегда. В отношении названных выше документальных публикаций этот максимум уходит в бесконечность в силу масштабности фактов, событий, явлений, процессов коллективизации и раскулачивания в СССР и объемов отразивших их документов.

Существуют, однако, и субъективные факторы, ограничивающие видимое множество документальных отложений. С поразительной откровенностью о некоторых из них рассказали составители сборника «Атомный проект СССР»: «Не обнаружены документы аппарата Уполномоченного ГКО по науке... Не удалось найти документы Комиссии по изотопам при ОХН АН СССР и часть документов Комиссии по проблеме урана; погибли во время войны практи-

²¹ Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения: Документы и материалы. М., 1998. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

чески все документы Украинского физико-технического института... В течение нескольких лет велись переговоры с РНЦ «Курчатовский институт» об использовании в сборнике документов его архива, но удалось ознакомиться только с частью материалов фонда института и личного фонда И. В. Курчатова... Не удалось одновременно провести выявление, отбор, рассекречивание и подготовку к публикации ряда довоенных работ, опубликованных в малодоступных журналах, отчетов... так как работа с ними надолго задержала [бы] издание тома»(1, ч.1, с. 13).

Иногда тема документальной публикации (когда она обусловлена определенными видовыми, пространственными, хронологическими рамками) сама по себе обеспечивает использование максимального объема документальных отложений. Здесь следует назвать публикации «Реввоенсовет Республики. Протоколы 1920–1923», «Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний», которые однозначной заданностью тематики предопределяли использование стопроцентного объема документальных отложений²².

Существуют конденсированные и неконденсированные документальные отложения. Под *конденсированными документальными отложениями* понимаются отложения документов, отразившие в едином, целостном документном комплексе документальные факт, событие, явление, процесс прошлого. Составители документальной публикации «Чему свидетели мы были...» имели дело именно с такого рода отложениями — комплексной подборкой копий писем царских дипломатов 1934–1940 гг. Публикация «Политбюро и церковь»²³ основана в первую очередь на конденсирован-

²² Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923 гг. М., 2000; Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. М., 2000; Т. 2. М., 2001; Т. 3. М., 2001. Далее ссылки на эти издания даются в тексте настоящей главы.

²³ Политбюро и церковь: 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 1997. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

ных документальных отложениях — четырех тематических делах архива Политбюро ЦК ВКП(б), сконцентрировавших документы о выработке генеральной линии партии и правительства в отношении религии и церкви (протоколы заседаний Политбюро, подготовительные материалы к ним, служебная переписка и др.). Конденсированные документальные отложения составили основу сборников «Следственное дело патриарха Тихона» (собственно следственное дело, хранящееся в Центральном архиве ФСБ) и «Кронштадтская трагедия 1921 года» (более 300 томов следственного дела на участников восстания из Центрального архива ФСБ).

Под *неконденсированными документальными отложениями* имеются в виду отложения документов, в которых документальные факт, событие, явление, процесс прошлого случайно или в силу свойства рациональности документных систем отразились в отдельных, иногда в пределах конкретного документального отложения, точечных документах. С неконденсированными документальными отложениями чаще всего приходится иметь дело при подготовке тематических документальных публикаций. Составители серийного издания «Атомный проект СССР» наряду с конденсированными документальными отложениями по теме в фонде Специального комитета по атомному проекту при ГКО имели дело с неконденсированными документальными отложениями в фондах СНК СССР, ГКО, научных институтов АН СССР, разведывательного управления Генерального штаба, НКВД — МВД и др. Аналогично обстояло дело и с публикацией «Кронштадтская трагедия 1921 года». В ней использованы не только конденсированные документальные отложения, как показано выше, но и неконденсированные (фонды ВЦИК, Штаба РККА, секретариатов Л. Д. Троцкого и Э. М. Сянского, Петроградского губернского комитета РКП(б) и др.). Составители серии «Трагедия советской деревни» использовали как конденсированные документальные отложения, так и неконденсированные отложения

по теме в фондах СНК СССР и РСФСР, ОГПУ и др. С неконденсированными документальными отложениями пришлось столкнуться составителям «Избранных трудов» М. Султан-Галиева. Сочинения этого государственного и общественного деятеля оказались рассеянными по различным фондам архивов Татарстана, РГАСПИ, ГАРФ, РГВА и др.

Многие документальные факты, события, явления, процессы прошлого находят отражение как в поверхностных, так и в донных документальных отложениях. *Поверхностные документальные отложения* — отложения документов верхнего уровня документальных систем, имеющие отношение к теме трансляции документальной исторической памяти. Под *донными документальными отложениями* понимаются отложения документов низших уровней документальных систем, касающихся темы документальной публикации. Поверхностные документальные отложения свидетельствуют о развитии и состоянии документального факта, события, явления, процесса в целом, а донные документальные отложения — о состоянии и развитии этих же или иных документальных фактов, событий, явлений, процессов в частности, в деталях, в реальном приближении к действительности. В зависимости от задач трансляции документальной исторической памяти привлекаются те или иные документальные отложения либо их совокупность. Например, при подготовке документальной публикации «Военнопленные в СССР» были использованы исключительно поверхностные документальные отложения, а в основе публикации «Рязанская деревня в 1929–1930 гг.» легли донные документальные отложения. В изданиях «Трагедия советской деревни», «Кронштадтская трагедия 1921 года» использованы как поверхностные, так и донные документальные отложения.

Независимо от приведенных характеристик документальных отложений важно констатировать, что опубликовать и исследовать все многообразие находящихся в них документов даже в узких тематических, территориальных,

хронологических рамках невозможно и нет надобности, хотя в отдельных случаях, по конкретным проблемам прошлого такая необходимость появляется и даже обязательна. Тем не менее требование максимально полного выявления документов по теме документальной публикации является обязательным, свидетельствуя об одном из признаков преодоления субъективности отбора для нее документов. Однако оно может быть скорректировано достижением такой степени их выявления, когда новые документы уже мало что дают для понимания факта, события, явления, процесса прошлого. Это требование выступает в качестве *обязательного максимума выявления документальной исторической памяти по теме документальной публикации*. Такое выявление происходит из документальных отложений, обладающих по крайней мере тремя тормозящими признаками — факторами архивной среды, в данном случае — совокупности документов, прямо относящихся к теме трансляции документальной памяти.

Первое. В подавляющем большинстве случаев — это *сплошная среда*, т. е. сколь угодно большой, неопределенный по своим параметрам, организованный и неорганизованный массив документов. Так, для полного освещения темы документальной публикации «Экология и власть» потребовались бы документы как высшего, так и низшего уровней управления и хозяйствования.

Второе. Это *разряженная среда* — массив документов, в котором поиск необходимого документа может быть только точечным.

Третье. Это *сопротивляющаяся среда*, под которой имеется в виду с разной степенью освоенный, известный, доступный и публичный массив документов. Такая среда постоянно обладает свойством *внезапного увеличения и уменьшения*, связанное, например, с утратой по разным причинам документов, их рассекречиванием или повторным засекречиванием. Преодоление сопротивления сплошной документальной

среды, нейтрализация ее внезапного увеличения или уменьшения предполагает использование некоторых принципов, учитывающих существовавшие и существующие традиции и нормы документирования жизни и деятельности физических и юридических лиц в разные исторические эпохи.

Заданный поиск документальной исторической памяти. Любая форма трансляции документальной исторической памяти требует предварительного поиска ее необходимой части. Сам процесс такого поиска состоит из нескольких последовательных этапов: определение круга юридических и физических лиц, прямо и непосредственно участвующих в решении вопросов, связанных с темой и проблематикой документальной публикации – определение круга юридических и физических лиц, принимавших косвенное участие в решении вопросов, связанных с темой и проблематикой документальной публикации – установление стратиграфии хранения архивных фондов юридических и физических лиц, непосредственно или косвенно принимавших участие в решении вопросов, связанных с проблематикой документальной публикации – выявление в этих архивных фондах документов, прямо или косвенно связанных с проблематикой документальной публикации, и составление их аннотированного перечня.

Выявление документов для любой документальной публикации связано с их *поиском*, т. е. точно рассчитанной адресностью установления местонахождения документа, который может иметь какое-либо отношение к теме, проблематике, типу, виду, и к задачам трансляции документальной исторической памяти. Свойство рациональности документальных систем²⁴ открывает возможность установления движения документов и вычисления *вертикальной и горизонтальной зональностей*, т. е. предельно возможных мест (зон) их миграции и концентрации.

²⁴ Об этом подробнее см.: Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. С. 58-119.

Иначе говоря, при поиске документов для трансляции документальной исторической памяти учитываются их вертикальные, горизонтальные и хаотические миграции.

Представление о миграции документов является одним из фундаментальных при выявлении документов по теме трансляции документальной исторической памяти. Оно предполагает использование методов горизонтального, вертикального и разломного зондирования документов.

Метод горизонтального зондирования документов предусматривает изучение связей документов по горизонтали документных систем, в которые он входит или с которыми оказывается связан в процессе реализации возложенной на него функции. Этот метод позволяет выявить и отобрать для трансляции документы, создававшиеся учреждениями одного уровня разных ведомств и организаций в процессе решения одной общей задачи, поставленной перед ними вышестоящими учреждениями. Выявленные и изученные на основе данного метода документы дают возможность получить объемную, многостороннюю картину решения такой задачи на различных уровнях функционирования разных государственных и негосударственных структур. Этот метод применили составители сборников «Экология и власть», «Трагедия советской деревни» при поиске документов, отразивших конкретный факт, событие, явление, процесс в результате взаимодействия двух и более наркоматов и министерств СССР в части закрепленной за каждым из них ответственности.

Метод вертикального зондирования документов заключается в изучении их связей по вертикали документной системы, к которой они принадлежат. Этот метод помогает выявить для темы трансляции документальной исторической памяти документы, создававшиеся учреждениями одного ведомства разного уровня в процессе решения одной конкретной задачи. Благодаря этому методу удастся проследить процесс принятия конкретного решения и его реализацию на различных уровнях и в пространствах. Его использова-

ли, например, составители серии «Атомный проект СССР», которые на основе решений Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам разработки атомного оружия затем выявляли документы, последовательно отражавшие реализацию этих решений по схеме: Политбюро ЦК ВКП(б) — Спецкомитет при СТО—СНК (СМ) СССР — наркоматы (министерства) — предприятия (институты) и т. д.

Метод разломного зондирования документов основывается на присутствии, как говорилось выше, объективном свойстве дискретности т. е. разделенности документов по теме трансляции документальной исторической памяти во времени и пространстве. При его использовании принципиально важной становится нейтрализация дискретности документов — преодоление разломов, разобщения всей совокупности документов, отразивших тот или иной факт, событие, явление, процесс прошлого. С помощью метода разломного зондирования выявляются документы, создававшиеся не только в пределах одной или нескольких ведомственных систем, но и вне их, скажем, в процессе деятельности конкретных, никак не связанных друг с другом физических и юридических лиц, а также документы, созданные много позже случившегося факта, события, явления, процесса (например, мемуары). Этот метод были вынуждены применить составители «Избранных трудов» М. Султан-Галиева, чьи произведения оказались распыленными в различных архивных фондах или сохранились лишь в виде газетных и журнальных публикаций. Он же был использован при поиске документов по истории создания в СССР атомного оружия в личных фондах ученых страны. Разломное зондирование обеспечило и поиск интересных документов для сборника «Адмирал Кузнецов» в личном фонде адмирала и личных фондах его друзей и сослуживцев²⁵.

²⁵ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. М., 2000.

Следует подчеркнуть, что любой вид зондирования способствует адресному поиску не просто документов, но и их подлинников, которые в соответствии с правилом нарушения неприкосновенности документа во второй фазе его бытования, гарантируют наивысшую степень информативности трансляции документальной исторической памяти. Вертикальное, горизонтальное, отчасти разломное зондирование помогают обнаружить подлинники, как правило, в архивных фондах адресатов документов.

Приведенные выше характеристики документальных отложений применительно к теме нашей книги важны не только своей поисковой составляющей, но и отражением системности документов и структурированности их информации как объекта трансляции документальной исторической памяти.

Типология документальных публикаций. Накопленный массив документальных публикаций, составляющий археографический фонд, который непрерывно пополняется, можно классифицировать в зависимости от степени утраты документальных источников в документальной публикации своих первоначальных целевых функций (своей полезности), цели включения документальных источников в документальную публикацию, характера их отбора, способа воспроизведения, особенностей документной среды ее подготовки, ее коммуникативности и особенностей обнародуемой информации.

Степень утраты документальным источником своей первоначальной целевой функции является первым системообразующим признаком типологии документальной публикации, формирующим ее *фокусировку*. Фокусировка документальной публикации определяет заданную точность достижения поставленной перед ней цели: практической, познавательной, той и другой вместе взятых. Прикладная археография последних лет предлагает нам многочисленные примеры различных фокусировок документальных публи-

каций. В этом смысле выделяются оперативная документальная публикация, неоперативная документальная публикация, комбинированная документальная публикация.

Оперативная документальная публикация включает документальные источники, не утратившие своих первоначальных целевых функций и продолжающие иметь практическое значение в регулировании жизнедеятельности человека, общества, государства. Оперативные документальные публикации в современной России размещаются на сайтах Президента России, Правительства Российской Федерации, министерств и ведомств и т. д. Такие документальные публикации со временем трансформируются в неоперативные документальные публикации, как это стало, например, с «Полным собранием законов» (ПСЗ) Российской империи.

Неоперативная документальная публикация содержит документальные источники, утратившие свои первоначальные целевые функции и служебный характер. Фокусировка неоперативных документальных публикаций связана исключительно с их научным, просветительским, дидактическим и пропагандистским назначением. Документальные публикации такой фокусировки наиболее распространены и разнообразны в прикладной археографии.

Комбинированная документальная публикация включает как документальные источники, не утратившие своих первоначальных целевых функций и практического значения, так и документальные источники, утратившие свои первоначальные целевые функции и служебный характер. Документальные публикации с комбинированной фокусировкой — явление достаточно редкое в прикладной археографии последних лет. Обычно это всевозможные юбилейные или «представительские» документальные публикации, призванные показать исторический путь, преемственность и современное состояние факта, события, явления, процесса в истории какой-либо организации. Документы, не утратившие своего оперативного значения, в таких публика-

циях становятся некоей точкой предшествующего развития чего-либо.

По цели подготовки документальной публикации выделяются научная, научно-популярная и учебная документальные публикации. Цель документальной публикации определяет ее *тип*, являющийся важным системообразующим признаком типологии документальных публикаций. Возможно, и не было бы смысла как-то пояснять это основание типологии документальных публикаций. Однако в прикладной археографии последних лет встречается едва заметное размывание границ между названными типами документальных публикаций, которое в ряде случаев нельзя не признать опасным для понимания документального освещения факта, события, явления, процесса прошлого.

Речь идет о размывании границ, прежде всего, между научной и научно-популярной документальными публикациями. Неравные финансовые возможности, воздействие политических или публицистических возмущающих сил, а также стремление сделать из документальных публикаций исключительно информационные продукты как результат не научных, а бизнес-проектов возникают разные условия обеспечения подготовки документальных публикаций. Грань между научной и научно-популярной документальными публикациями, особенно по истории XX. в., нередко стала стираться. Это продемонстрировали, например, первые книги серии «Россия. XX век: Документы»²⁶, публикации дневника первого председателя КГБ СССР И. Серова²⁷ и др.

Научная документальная публикация рассчитана на пользователей, профессионально занимающихся изучением прошлого. При ее подготовке соблюдается максимально

²⁶ Подробнее см.: Козлов В. П. Второе археографическое обозрение. С. 18-28.

²⁷ Серов Иван. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016.

возможный набор археографических требований, о которых речь пойдет ниже

Научно-популярная документальная публикация предназначена для широкого круга пользователей, интересующихся прошлым. Она готовится по облегченным археографическим правилам, например с упрощенными принципами воспроизведения текста документального источника.

Учебная документальная публикация рассчитана на ее использование в образовательном процессе. При ее подготовке используются облегченные археографические правила с конвоем дидактической направленности.

Характер подбора или отбора документальных источников в документальной публикации определяет их *вид*, который служит еще одним системообразующим признаком типологии документальных публикаций. По характеру отбора документальных источников в документальной публикации выделяются пофондовая, тематическая, повидовая документальные публикации.

Пофондовая документальная публикация включает все без исключения сохранившиеся в конкретном архивном фонде документы или их подавляющую часть, давая возможность таким образом представить в распоряжение пользователей все информационное многообразие архивного фонда. Долгое время пофондовые документальные публикации представляли собой исключительно редкое явление в мировой и отечественной прикладной археографии из-за их высокой дороговизны. Публикации типа «Петроградского ВРК», дел Следственного комитета о декабристах, собраний сочинений российских писателей-классиков, пожалуй, выглядели сиротливым исключением из правила, лишь почти дотягивая до пофондовых документальных публикаций.

Современные информационные технологии этот вид документальных публикаций сделали не только перспективным, но и реальным уже сегодня. Быстрота, сравнительная дешевизна факсимильного цифрового воспроизведения

любого документального массива дезавуируют многие ранее считавшиеся общепризнанными классические проблемы археографии: выбор текста документа, принципы его воспроизведения и т. д. Эти технологии не решают многих других классических проблем археографического знания, например связанных с конвоированием документов, но информационные возможности фондовых документальных публикаций они демонстрируют уже сейчас.

В состав *тематической документальной публикации* входят документальные источники по определенной теме. В ней освещаются конкретный факт, событие, явление, процесс прошлого с максимально возможной полнотой и всесторонностью в определенном временном и пространственном измерении. Это один из наиболее оправданных, но в то же время и сложных видов документальных публикаций. В самом деле, уже сама формулировка темы тематической документальной публикации обрекает составителей на определенную заданность поиска, выявления, отбора, конвоирования документов о факте, событии, явлении, процессе прошлого. В этом случае отбор для нее документальных источников сознательно или бессознательно может подмечаться их подбором под заранее определенную схему трактовки событий прошлого. «Кронштадтский мятеж» — так советская историография обозначила границы понимания подготовки документальной публикации о событиях 1921 г. в Кронштадте и Петрограде. «Восстание в Кронштадте» — нейтрально заинтересованно обозначена эта же тема в документальной серии «Россия. XX век». В самом деле, раз было восстание, значит, оно своим острием было направлено против чего-то или кого-то, в данном случае — против Советской власти. И вдруг — новое название: «Кронштадтская трагедия 1921 года». Надо думать, что составители последнего издания хотели подчеркнуть, что трагедия была для всех: Советской власти, участников восстания и его подавления, для России в конце концов. Так что же все-таки было: «мя-

теж», никогда и ничем не оправданный, «восстание», всегда благородно принимаемое, или «трагедия», заставляющая только скорбеть? Тематическая документальная публикация способна обеспечить любой ответ на поставленные вопросы. В этом ее познавательная сила, и в этом ее слабость: сила в том, что она способна подчинить своего пользователя правдой и неправдой документального освещения и понимания факта, события, явления, процесса прошлого, слабость — своей заданностью она не позволяет проникнуть в истину факта, события, явления, процесса прошлого.

Сложность тематических документальных публикаций подчеркивается и сложностью их внутренней типологии. По характеру фильтрации документальных источников здесь выделяются *тематические ценные документальные публикации*, содержащие документальные источники разных видов и одного уровня создания и происхождения, и *тематические каскадные документальные публикации*, т. е. объединяющие документальные источники разных видов и разного уровня создания и происхождения.

Прикладная археография последних лет дает самые разнообразные примеры тематических цепных документальных публикаций. В сборнике «СССР и германский вопрос»²⁸ представлена строго отфильтрованная подборка документов советских и зарубежных государственных деятелей: записи их бесед, выступления, телеграммы, дипломатические ноты. Такая подборка по обозначенной теме локализует освещение проблемы на ее почти самом высшем государственном уровне, но не исчерпывает ее многостороннего освещения. Таким же характером отбора отличаются публикации «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года»²⁹, «Советско-израильские отношения», демонстрирующие нам анало-

²⁸ СССР и германский вопрос. 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г.: В 2 т. Т 1-2. М., 1996.

²⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года: Документы. М., 1998.

гичное решение проблемы освещения известных событий 40–50-х годов XX в. «Отложенные», как пишут составители сборника «Рязанская деревня в 1929–1930 гг.», документы одного уровня происхождения сделали его также тематической цепной документальной публикацией.

В отличие от тематических цепных, тематические каскадные документальные публикации более сложны в части подготовки и более уязвимы относительно критериев фильтрации для них документальных источников. Отражение в них документального факта, события, явления, процесса прошлого требует не только предметной, временной, но и пространственно-хронологической ориентации. Тематической каскадной попытались сделать публикацию «Экология и власть» ее составители, поместив в нее документальные источники высшего уровня (ВСНХ, Госплан и т. д.) и, как сказано, «организаций низового звена». Отказавшись от каких-либо критериев фильтрации, составители сборника «Политбюро и церковь» невольно сделали свою публикацию тематической каскадной: в нее включены документальные источники Политбюро, ГПУ, антирелигиозного комитета, всевозможные записки членов Политбюро, комиссии по изъятию церковных ценностей, Наркомюста, низовых организаций, так или иначе связанных с решением вопросов взаимоотношений церкви и государства.

Включение в публикацию «Трагедия советской деревни» документальных источников разных уровней происхождения, начиная от документов Политбюро ВКП(б) и кончая документами войсковых частей, колхозов, превратило ее также в тематическую каскадную публикацию. Аналогичные характеристики мы можем распространить и на документальные публикации «Атомный проект СССР», «Кронштадтская трагедия 1921 года», «Архипелаг ГУЛАГ»³⁰ и др.

³⁰ История сталинского ГУЛАГа: Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в семи томах. Т.1: Массовые репрессии в СССР. М., 2004; Т. 2: Карательная система: структура и ка-

Любая тематическая документальная публикация не может игнорировать документальные источники, которые в процессе своего оперативного бытования, имели высшую степень воздействия на факт, событие, явление, процесс прошлого, даже если они публиковались неоднократно или имели достаточно общий, но важный характер влияния на них. Прикладная археография свидетельствует, однако, что далеко не всегда такая норма соблюдается. Особенно это касается документальных публикаций, посвященных региональной истории. С учетом этого можно говорить об *обогащенных* и *необогащенных* тематических документальных публикациях.

В *повидовую документальную публикацию* входят документальные источники одного вида (разновидности) в определенном временном или пространственном измерении.

Повидовые документальные публикации обладают двумя прямо противоположными свойствами. С одной стороны, они могут содержать заданный происхождением документальных источников информационный массив, приближающий их к тематическим публикациям. Так, повидовые документальные публикации «Иркутск на почтовых открытках», «Чему свидетели мы были...», «Реввоенсовет Республики», «Совещания Коминформа» обладают именно такими свойствами. В первой публикации фактически речь идет об историко-практической значимости для Иркутска почтовых открыток с видами города, во второй — переписка русских дипломатов характеризует международные отношения и место в них СССР в 1934–1940 гг., в третьей — протоколы Реввоенсовета отражают ход военного строительства и боевые действия РККА в 1920–1923 гг., в четвертой — протоколы совещаний Коминформа раскрывают попытки но-

дры. М., 2004; Т. 3: Экономика Гулага. М., 2004; Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания. М., 2004; Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. М., 2004; Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных. М., 2004; Т. 7: Справочник. М., 2004.

вой организации коммунистического движения в послевоенной Европе.

С другой стороны, повидовые документальные публикации могут содержать неограниченный, но также заданный происхождением документальных источников информационный массив, делающий их универсальными для изучения самых разнообразных фактов, событий, явлений, процессов.

Повидовые документальные публикации по характеру фильтрации документальных источников делятся на *повидовые регулярные документальные публикации*, включающие документальные источники одного вида и одного уровня создания и происхождения, и *повидовые каскадные документальные публикации*, включающие документы одного вида и разных уровней создания и происхождения.

Примером повидовой регулярной документальной публикации может служить сборник «Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний», включивший повестки дня заседаний по огромному количеству вопросов советской действительности 1919–1952 гг.

Автору неизвестны документальные публикации последних лет, представляющие собой повидовые каскадные документальные публикации. На первый взгляд, они могут показаться не имеющими серьезного содержательного значения. Но можно предположить, что этот вид документальных публикаций имеет будущее в документальном освещении факта, события, явления, процесса прошлого. Как, например, протокольное решение Политбюро ЦК КПСС о Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате отразилось в аналогичных протокольных решениях руководящих органов республик и областей, связанных с Байкалом?

Способ воспроизведения первичной и вторичной документальной информации в документальной публикации определяет *оболочку* последней, т. е. форму представления документальной публикации пользователю. Оболочка до-

кументальной публикации является еще одним системообразующим признаком типологии документальных публикаций. По способу воспроизведения документальных источников в документальной публикации выделяются типографская, факсимильная и технотронная документальные публикации.

В *типографской документальной публикации* первичная и вторичная документальная информация воспроизводится средствами традиционной полиграфии. Она, в свою очередь, может иметь книжный, прикнижный, внутрикнижный, журнальный, газетный форматы. Прикладная археография последних лет представлена в основном типографскими документальными публикациями. Типографская оболочка документальной публикации традиционна для археографии и привычна для пользователя. В силу этого она диктует некую заданность археографического уровня документальной публикации, а по доступности пока превосходит документальные публикации в других оболочках.

Далеко не всегда типографская оболочка документальной публикации носит технический характер. Например, *повиловская внутрикнижная документальная публикация «Голос народа»*³¹ представляет собой обнародованные письма российских граждан в разные структуры советской власти и в СМИ, искусно включенные в ткань собственно исторического повествования, в результате чего эта публикация обозначила себя едва ли не как особый тип.

Традиция писем народа во власть, уходящая в Средневековье, сохранила свою живучесть до наших дней. Какие-то виды таких обращений власть инициировала сама, например, «подметные письма», но большая часть этого подвида представляла и представляет собой попытки диалога с властью, поиска у ней помощи. Всеобщая грамотность насе-

³¹ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 г. М., 1998.

ния в XX в. окончательно сняла преграды для таких обращений во власть, оставляя, впрочем, эту возможность не столько для грамотных, сколько для смелых и отчаявшихся. Эта традиция, несомненно более масштабная и развитая, чем в западноевропейских странах, своими корнями связана с обожествлением российской власти, на вере людей в лидера страны и «добрых начальников», на убежденности в том, что там, «наверху» все делается правильно, а здесь, «внизу» – неправильно. Доступность периодической печати, радио, а затем и телевидения, долгие годы ассоциировавшиеся в общественном сознании исключительно с властью, провоцировала поток личных писем и в СМИ.

Для властных структур письма граждан, отражавшие не только давнюю традицию, но и оказавшиеся массовым явлением, со временем стали не столько поводом для действий, но прежде всего своеобразным добровольным и мало-затратным срезом состояния общественных настроений – с одной стороны, и отражением определенных жизненных реалий, с другой. Поэтому не случайно уже в 20-е годы в редакциях СМИ, во властных структурах возникает особый вид официального документа – сводки писем граждан (еженедельные, ежемесячные, квартальные) ведущиеся вплоть до наших дней. Такие сводки, а также обзоры писем, могли быть как монотематическими (сводка или обзор писем о заработной плате рабочих, отношении к коллективизации различных крестьянских слоев, ходе хлебозаготовок и т. д.), так и политематическими, фиксирующими различные стороны реальной жизни в конкретном регионе, по стране в целом и т. д. О том, какое значение придавала и придает власть таким письмам говорит, например, тот факт, что обзоры их нередко включались в общие обзоры о состоянии страны ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД в качестве одного из источников таких обзоров.

Письма граждан во власть и в СМИ – типичный массовый документ. Именно по этой причине всегда некорректно

и опасно использовать любое из них в историческом исследовании, если только это исследование не посвящено какому-то конкретному событию, факту, явлению и процессу. Во всех остальных случаях использование писем граждан превращается не в доказательную документальную источниковую базу, а всего лишь в иллюстративный материал. Избежать такой иллюстративности можно только обработкой массива писем на основе специальных методов в специальных археографических проектах.

В ряду первых из них и можно назвать книгу «Голос народа». Мы не случайно говорим о «книге», а не скажем о «документальной публикации» или «историческом исследовании» применительно к этому изданию. Эта книга – пока редкий для российской историографии жанр исторического повествования, сочетающий публикацию документов – в данном случае писем граждан во власть и в СМИ – с обрамляющими их обширными историческими повествованиями, своего рода комментариями к документам.

Это «обрамление» выглядит не только солидно, но и убедительно и поэтому письма, помещенные в этой книге не превращаются в иллюстрации, а, наоборот, выглядят репрезентативным историческим источником. Два главных элемента книги – документ и его пространное историческое конвоирование – выглядят вполне органично, дополняя друг друга.

Другим примером внутрикнижной документальной публикации является книга Б.С. Илизарова «Слово воскрешает...»²². В книге опубликованы разные по видам документы исключительно из «Народного архива» – архива, созданного в РГГУ и ныне переданного в РГАНИ. В их числе – личные документы, фотографии, протоколы собраний жителей общежития, переписка, воспоминания, почтовые открытки,

²² Илизаров Б. С. И Слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря»: 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения: По материалам Народного архива. М., СПб., 2007.

интервью и даже такие редко используемые документы, как праздничные меню. Каждый из них для автора становится предметом не только исторического комментирования, но и размышлений о человеческих судьбах и отечественной истории XX в.

В факсимильной документальной публикации документальный источник представлен с максимально возможным сохранением всех его внешних признаков, вплоть до цвета и материала носителя (муляжная документальная публикация). Она, как правило, носит повидовой вид, т. е. касается издания одного, уникального или особо ценного документального источника. Иногда факсимильная документальная публикация сопровождается обычным типографским набором документального источника. Из-за высокой стоимости таких публикаций в прикладной археографии они встречаются редко и только в узко специальных целях или как подарочные издания.

Типографская факсимильная документальная публикация также имеет определенные традиции в прикладной археографии. Факсимильные документальные публикации восходят к первым десятилетиям XIX в., именно тогда членом Румянцевского кружка А.Х. Востоковым была принята не осуществленная до конца попытка факсимильной документальной публикации Изборника князя Святослава 1073 г.³³

В 1979 г. типографским факсимильным публикациям Археографическая комиссия посвятила специально Тихомировские чтения³⁴. В прикладной археографии последних лет эта оболочка документальной публикации используется редко из-за ее высокой себестоимости. Типографские факсимильные документальные публикации естественны в от-

³³ Подробнее см.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 29.

³⁴ См.: Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981.

ношении изобразительных документальных источников. Известны подобного рода издания, отвечающие высоким художественным и научным требованиям. В качестве примеров здесь можно назвать неоднократно упоминавшуюся публикацию «Иркутск на почтовых открытках», а также сборник «Эпоха великого Крючкова»³⁵.

В последние годы мы стали свидетелями факсимильных изданий «Титулярника»³⁶, первого издания Слова о полку Игореве и связанного с его подготовкой документального комплекса – т. н. «Бумаг» Екатерины II и А. Ф. Малиновского³⁷, воспоминаний Е. Керсновской о ее жизни в ГУЛАГе, представляющие собой текст и акварельные рисунки автора³⁸. Еще одно такое издание – сочинение К. Маркса «Критика политической экономики» – блестяще осуществлено в Японии³⁹.

В *технотронной документальной публикации* используются особые технические средства и способы, изобретенные в XX в. С их помощью документальный источник может быть факсимильно воспроизведен на аудиокассете, микрофише, микрофильме, в электронной форме. Технотронные документальные публикации – пока еще явление сравнительно редкое для отечественной археографии, тогда как в ряде зарубежных стран они получают все большее распространение, в том числе при издании документов из российских архивов. Так, например, известен проект «Russian Archives» американской компании «Primary Source Microfilm». Ана-

³⁵ Эпоха великого Крючкова. М., 1999.

³⁶ Царский титулярник или «Большая государева книга». Кн. 1-2. М., 2007.

³⁷ Слово о полку Игореве. Екатерининская копия и перевод XVIII века. Факсимильное воспроизведение. Первое издание. Репринтное воспроизведение. М., 2003.

³⁸ Керсновская Евфросиния. Сколько стоит человек. М., 2008.

³⁹ Marx Karl. Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie [Manuskript 1835-1858]. Heft 1. Printed in Japan, 1997.

логичный проект «Микрофильмирование и организация справочно-поискового аппарата к коллекциям Музея русской культуры в Сан-Франциско» осуществил Гуверовский институт войны, революции и мира.

Появились первые в России образцы технотронных документальных публикаций и в электронной оболочке, основанные на документах российского происхождения. В их числе «Николай и Александра. Коллекция фотографий», «Ю. А. Гагарин. Коллекция фотографий», «Славные истории страницы» — компакт-диск, содержащий несколько сотен книг и статей, более трех тысяч иллюстраций, 145 музыкальных произведений по истории 1812 г., и др. Электронная оболочка документальной публикации открывает уникальные возможности для одновременного воспроизведения письменных, изобразительных, аудиовизуальных, электронных документов. При этом такое воспроизведение может быть факсимильным и даже сверхфаксимильным в отношении документов с угасающими текстами и носителями, основываться на неограниченной среде документов и т. д. В некотором роде электронная оболочка документальной публикации позволяет рассматривать последнюю как самостоятельный тип документального издания.

Документальным публикациям в технотронной форме может принадлежать будущее прикладной археографии. Но это будущее возможно только при наличии общепризнанных правил их создания.

Документальная публикация может быть основана на *ограниченной и неограниченной среде документальных источников*, т. е. базовых массивах, используемых при ее подготовке. Среда документальных источников, на основе которой готовится документальная публикация, является еще одним системообразующим признаком типологии документальных публикаций, определяя ее *конфигурацию*. В зависимости от этого выделяются автономная, системная и трансграничная документальные публикации.

В автономной документальной публикации используется ограниченная среда документальных источников, как правило, документы одного исторически сложившегося документального комплекса. Примером повидовых документальных публикаций в автономной конфигурации могут служить издание «Чему свидетели мы были...», подготовленное на одном из комплексов документов архива СВР, публикация «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД», включившая документы этого ведомства и др.

Последняя публикация завершена с выходом в свет ее четвертого тома⁴⁰, документы которого раскрывают ситуацию в советской деревне в 1935—1939 годах, когда колхозы в ней стали состоявшейся реальностью и главным источником продовольственного обеспечения страны. Основной массив документов сборника составляют информационные материалы региональных структур НКВД СССР, направлявшиеся в его центральный аппарат и в ряде случаев даже непосредственно в ЦК ВКП(б). К 1935 г. сбор, агрегирование такой информации были хорошо отработаны и инструктивно закреплены. Для руководства страны в недрах НКВД создавались своего рода тайные газеты с различными хронологическими и тематическими форматами — от ежедневных сводок до месячных обзоров, от информации о конкретных событиях до проблемных аналитических обзоров о ходе посева, заготовительных кампаний, колхозного строительства, отношении крестьян к колхозам и советской власти и т. д. Да еще в ряде случаев с конкретными предложениями по разрешению возникавших проблем.

Системная документальная публикация базируется на неограниченной среде документальных источников двух или больше (до максимально возможного количества) документальных комплексов. Многотомное издание «Трагедия со-

⁴⁰ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 4. 1935—1939. М., 2012. Далее ссылки на 4 том этой публикации даются в тексте настоящей главы.

ветской деревни», подготовленное на основе документальных источников, созданных Политбюро ЦК ВКП(б), различных наркоматов и входящих в их системы организаций, в том числе и низового уровня, — это пример тематической документальной публикации в ее системной конфигурации. Сюда же относятся и публикации «Атомный проект СССР», «Кронштадтская трагедия 1921 года» и др.

И автономные, и системные документальные публикации могут быть как высокодокументальными, так и низкодокументальными.

Под *высокодокументальной публикацией* понимается публикация, обеспечивающая максимально возможную полноту отражения состояния и развития факта, события, явления, процесса прошлого в обнаруженных в ней документальных источниках. В прикладной археографии последних лет в наибольшей мере требованиям высокодокументальной публикации отвечают несколько изданий. Публикация «Трагедия советской деревни» представляет документы, раскрывающие в пространственном и временном тематическом разрезе ход и результаты коллективизации и раскулачивания, выработку, принятие решений и их реализацию. Публикация «Кронштадтская трагедия 1921 года» детально освещает ход кронштадтских событий, их основные силы, действия главных участников и т. д. Аналогичными чертами отличается серия «Атомный проект СССР», «Архипелаг ГУЛАГ».

Низкодокументальная публикация своими документальными источниками отражает лишь отдельные стороны, моменты состояния и развития факта, события, явления, процесса прошлого. Примером низкодокументальной публикации может служить сборник «Лаврентий Берия. 1953», подготовленный на основе случайной подборки оказавшихся доступными составителям архивных документов — записок Берии в ЦК КПСС, стенографического отчета июльского Пленума ЦК КПСС 1953 г. и др. Такой же характер носят публикации «Экология и власть», включившая подборку

документов по невнятно звучащей проблематике, «Дело Берии». К низкодокументальной публикации можно отнести и сборник «Генрих Ягода», содержащий документы, далеко не в полной мере раскрывающие поставленную задачу — показать деятельность Ягоды в качестве генерального комиссара безопасности СССР.

Трансграничная документальная публикация основана на документальных отложениях архивов нескольких стран. Трансграничные документальные публикации объединяют в своем составе документы, разные не просто по своему формальному происхождению или оперативной заданности. Они принципиально расходятся по своим целям, идеям. В трансграничной документальной публикации, как и в реальной жизни, они сталкиваются, спорят и враждуют друг с другом, открывая простор для размышлений политически неангажированным историкам. Если же кто-то не согласится с этим, заметив, что не было и нет таких историков в мире, скажем, что уж по крайней мере фактическую картину событий трансграничная документальная публикация способна показать более детально, разносторонне и выпукло, нежели публикация, основанная на документальной среде архивов одного государства. Примером такой публикации является трехтомное издание «Голод в СССР». Она основана на документальных источниках архивов России, Беларуси, Армении и Казахстана. Трансграничный характер этой документальной публикации является ее несомненным плюсом. Более того, это в определенной степени и образец постсоветских исторических разборок в их прикладной археографической составляющей.

Трансграничный характер имеет документальная публикация, раскрывающая историю украинского национального движения⁴¹. В археографическом отношении эта публика-

⁴¹ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: Документы: В 2 т. Т. 1: 1939-1943; Т. 2: 1944-1945. М., 2012.

ция представляет собой если не уникальное, то редкое в мировой и российской археографической практике по истории XX в. событие. Перед нами – классическая тематическая трансграничная документальная публикация, основанная на документальных источниках из 15 архивов пяти современных государств, непосредственно связанных с украинским национальным движением. Это архивы России, Польши, Германии, Беларуси и Украины.

Одним из важнейших информационных свойств многих документальных публикаций, особенно трансграничных, является *многополярность информации* составляющих их документальных источников. Ярким примером таких публикаций можно считать издание «В объективе война»⁴². Перед нами – трансграничная двуполярная автономная разновидность документальных публикаций. В ней опубликованы фотографии не только советских фотокорреспондентов, но и трофейные фотодокументы немецких военнослужащих, хранящиеся в РГАКФД. Фотоаппарат в германской армии не являлся столь редким прибором как в армии советской и потому мы имеем возможность обнаружить не только фотографии профессиональных немецких фотокорреспондентов, но и едва ли не массовый взгляд германских военных на происходящее. Не случайно перечень их авторов почти вдвое превышает перечень советских, а некоторые из них (Августин, Бехмер, Хехле, Цолль и др.) создали целые серии фотодокументов. Но важно не только это. Перед нами – два взгляда на войну противоборствующих сторон, два источника, совпадающие по фиксации каких-то одинаковых ситуаций, дополняющие друг друга и буквально сражающиеся друг против друга.

Совпадения – это, например, помывка в бане, спасение раненых, прием пищи, прокладка кабелей связи, отдых,

⁴² В объективе война. 1941-1945. Фотографии советских и иностранных корреспондентов из собрания Российского государственного архива кинофотодокументов. СПб., 2009. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

стрельба из артиллерийских орудий, переправы через водные преграды и т. д. Ситуационная похожесть, несмотря на разность лиц и обстановки тех или иных действий, поражает и как бы примиряет сражающиеся стороны общим рассуждением о человеке на войне. Об этом пишут составители публикации: «Переворачивая привычный уклад бытия, война ставит человека в экстремальные условия и с этой точки зрения выравнивает враждующие стороны» (с. 8).

Но что-то не дает нам принять этот пацифистский взгляд. Экстрим экстриму не равняется. Экстрим захватчиков — это их выбор, экстрим защитников отечества — вынужденный, навязанный со стороны. Одна из немецких фотографий зафиксировала германский артиллерийский расчет в ночь нападения на СССР (с. 36—37). Расчет снят сзади, а потому мы не видим лиц артиллеристов. Зато видим их напряженные спины. Они ведут огонь по СССР, они на с. 39 утром 22 июня переходят границу СССР. Они идут не на мирную экскурсию в незнакомую им дотоле страну, а победить ее своей военной мощью, заданностью агрессивной идеологии. Поэтому уже очень скоро мы видим фотографии горящих деревень, развалины городов, потоки беженцев, повешенных и роющих себе могилы людей, создание еврейских гетто, и еще многое другое. Куда подевались эти добряки-военнослужащие германской армии и армий ее сателлитов, враз обретших облик беспощадных захватчиков. Ну, конечно, не все они были такими. На с. 201 мы видим двух немецких солдат, занятых ловлей рыбы. Фигура одного из них, сидящего на земле, полна тоски. Не нужна ему ни эта русская рыба, ни русский дом отдыха под Ленинградом, в котором он оказался или на отдыхе, или после ранения — он весь там, в оставленном родном доме.

Немецкие фотографии, зафиксировавшие трагические страницы войны, придают особый познавательный характер публикации. Вот, например, советская пулеметная точка (с. 38). Все имевшиеся пулеметные ленты расстреляны и

советский боец перед смертью хватается свою винтовку, так и не успев сделать из нее выстрела. А через несколько страниц (с. 61) – аккуратно выкопанный, в рост человека окоп со старательно размещенными на отвале земли боеприпасами. И мертвый красноармеец в окопе, не успевший воспользоваться ими. Пронзительна по передаче страданий серия фотографий о пленении советских бойцов непосредственно в ходе или сразу же после боевых действий. Это унижение поднятыми вверх руками, страх перед будущей судьбой легко прочитываются в фигурах и лицах людей. Такого советские фотокорреспонденты не могли запечатлеть по определению. Как и ликующих лиц жителей Западной Украины, встречавших цветами немецкие части.

Публикация воспроизводит в основном фотографии ситуационного характера. Событийный ряд представлен подписанием Декларации о поражении Германии, Парадом Победы на Красной площади и др. Скромнен и фотопортретный ряд. Но три-четыре фото из него заслуживают особого упоминания. На с. 127 изображен немецкий солдат с револьвером в правой руке и саперной лопаткой в левой. Вся его фигура показывает, что он еще живет боем за город Новороссийск, в ходе которого он потерял каску и автомат. А на лице – отчаяние и обреченность. На с. 279 мы видим конвоирование пленного советского партизана. Крепко скроенный природой человек прямо смотрит в объектив немецкого фотоаппарата, на лице нет и тени страха, только ненависть. Но едва ли не самый поразительный фотопортрет сделан фотокором И. Озерским. Он помещен на титуле книги, под неудачным заголовком «Солдатский труд». На самом деле – перед нами советский солдат, идущий по пыльной степи перед противотанковым орудием. Фотодокумент не датирован, хотя создан после 1943 г., поскольку солдат уже в погонах. Это не новобранец, а рядовой, судя по возрасту, прошедший войну с ее самого начала. Он сгорбился от усталости и жары, держа в руках как косу винтовку. Ему надоела

война, но лицо его демонстрирует решимость воина-мужика идти и идти еще долго и далеко — до конца войны.

Важным основанием типологии документальных публикаций является их коммуникативность, т.е. доступность, удобство пользования ими. Коммуникативность документальной публикации зависит от ее информационных элементов. Как мы уже говорили выше, она может быть представлена одинарной, двойной или тройной системами. Подавляющая часть документальных публикаций последних десятилетий — публикации тройной системы. Однако наполнение элементов конвоя и сигнальной системы в каждой из таких публикаций существенно разнятся. Например, документальная публикация «Военнопленные в СССР» относится к публикациям тройной системы. Здесь документы конвоя прямого действия представлены археографическим предисловием, редакторскими заголовками к документам, комментариями по содержанию, текстуальными примечаниями, списком сокращений, легендами и 31 приложением. Элементы конвоя непрямого действия включили: обращение «К читателям» редактора издания М.М. Загорюлько, введение, карту размещения в СССР лагерей военнопленных и интернированных.

Иногда важную роль в коммуникативности документальной публикации играет язык документального источника. Если в ней текст документа воспроизводится на языке его оригинала без перевода на другие языки, можно говорить о *неадаптированной документальной публикации*. Если же текст оригинала документального источника сопровождается его переводом на иностранный язык, или в случаях, когда документальные источники написаны на вышедших из употребления языках, сопровождаются их переводами на живой национальный язык, в том числе русский, речь идет об *адаптированной документальной публикации*. В России у истоков адаптированных публикаций стоял кружок А. И. Мусина-Пушкина, издавший тексты Правды Русской и Слова о полку Игореве на языке оригиналов — древнерусском — и

с их «переложением» на русский литературный язык рубежа XVIII–XIX в. В современной археографической практике примерами адаптированных документальных публикаций являются издания дневника Довженко⁴³, первый том дневника Николая II⁴⁴, где воспроизведены вторжения в текст записей Николая II записей его жены на английском языке и даны их расшифровка и перевод на русский язык.

Для большей наглядности нашу типологию документальных публикаций представим в виде таблицы.

Основания (признаки) типологии	Родовое определение	Видовое определение	Подвидовое определение	Разновидность
– По степень утраты документальным источником первоначальной целевой функции	– Фокусировка документальной публикации	– Оперативная – Неоперативная – Комбинированная		
– По цели подготовки документальной публикации	– Тип документальной публикации	– Научная – Научно-популярная – Учебная		
– По принципам отбора документальных источников для документальной публикации	– Вид документальной публикации	– Пофондовая – Тематическая	– Тематическая цепная	– Тематическая обогащенная – Тематическая необогащенная

⁴³ Довженко Александр. Дневниковые записи. 1939–1956. Харьков, 2013.

⁴⁴ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1: 1894–1904. М., 2011.

			– Тематическая каскадная	– Тематическая обогащенная – Тематическая небогатая
		– Повидовая	– Повидовая регулярная – Повидовая каскадная	
– По способу воспроизведения первичной и вторичной документальной информации в документальной публикации	– Оболочка документальной публикации	– Типографская – Факсимильная – Техно- тронная	– Книжная – Прикнижная – Внутри- книжная – Типографская факсимильная – Муляжная – Электронная – Кинематографическая	
– По характеру среды подготовки документальной публикации	– Конфигурация документальной публикации	– Автономная – Системная – Трансграничная	– Высокодокументальная – Низкодокументальная – Высокодокументальная – Низкодокументальная	
– По доступности пользования документальной публикацией	– Коммуникативность документальной публикации	– Публикация одиарной системы	– Документальный источник	

		<ul style="list-style-type: none"> – Публикация двойной системы – Публикация тройной системы – Адаптированная – Неадаптированная 	<ul style="list-style-type: none"> – Документальный источник и его конвой – Документальный источник и сигнальная система – Документальный источник, конвой и сигнальная система 	
– По особенностям документов документальной публикации	– Полярность документальной публикации		<ul style="list-style-type: none"> – Однополярная – Многополярная 	

Рассмотрим в соответствии с этой типологией несколько конкретных документальных публикаций, упоминаемых в нашей книге.

Название документальной публикации	Родовое определение	Видовое определение	Подвидовое определение	Разновидность
«Атомный проект СССР» (т. 1-2)	<ul style="list-style-type: none"> – Фокусировка – Тип – Вид – Оболочка – Конфигурация 	<ul style="list-style-type: none"> – Неоперативная – Научная – Тематическая – Типографская – Системная 	<ul style="list-style-type: none"> – Тематическая каскадная – Книжная – Высокодокументальная 	<ul style="list-style-type: none"> – Тематическая каскадная – Книжная – Высокодокументальная

	<ul style="list-style-type: none"> – Коммуникативность – Полярность 	<ul style="list-style-type: none"> – Неадаптированная тройной системы – Многополярная 		
«Голод в СССР»	<ul style="list-style-type: none"> – Фокусировка – Тип – Вид – Оболочка – Конфигурация – Коммуникативность – Полярность 	<ul style="list-style-type: none"> – Неоперативная – Научная – Тематическая – Типографская – Системная – Неадаптированная тройной системы – Однополярная 	<ul style="list-style-type: none"> – Тематическая каскадная – Книжная – Высокодокументальная 	<ul style="list-style-type: none"> – Тематическая обогащенная
«Деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД», т. 4	<ul style="list-style-type: none"> – Фокусировка – Тип – Вид – Оболочка – Конфигурация – Коммуникативность – Полярность 	<ul style="list-style-type: none"> – Неоперативная – Научная – Повидовая – Типографская – Автономная – Неадаптированная тройной системы – Однополярная 	<ul style="list-style-type: none"> – Повидовая каскадная – Книжная – Низкодокументальная 	

Предложенная типология документальных публикаций касается всех трех классов документальных источников — официального, неофициального и сакрального происхождения. Однако внутри двух первых из них имеются ряд типов документальных источников, обнаруживание которых имеет свои особенности. Речь идет в первую очередь о публикации технотронных документальных источников, т. е. документов, созданных и создаваемых с использованием сложных технических средств на специальных носителях. Прикладная археография последних лет среди них особое внимание уделяла публикации визуальных документальных источников.

На протяжении всего XX в. официальное визуальное документирование развивалось в нескольких направлениях: криминальном, официозно-политическом, пропагандистском.

На фоне все более и более расширявшегося официально-визуального документирования укреплялось фотокинодокументирование неофициальное. Оно выросло прежде всего из фотокинодокументирования портрета человека.

До изобретения фотокинодокументирования портрет человека был делом творчества художника. Как правило, в этом случае он, нося заказной характер, являлся результатом коммерческой сделки. По этой причине художественный портрет оставался достоянием избранных, которые хотели этим либо запечатлеть свой личный жизненный успех, например, купцы, фабриканты, либо просто имели для этого финансовые возможности.

Портретное фотокинодокументирование медленно, но неотвратимо начало конкурировать с художественным документированием. Последнее, конечно, не исчезнет, оно существует и в наши дни. Но портретное фотокинодокументирование со временем приобрело массовый характер. Оно дало возможность пусть не каждому, то многим запечатлеть

себя, свою семью, круг близких людей. Зачем, возникает невольно вопрос? В подавляющем большинстве случаев явно не для вечности, а для собственного удовольствия — ощутить себя во времени и послать зримый сигнал близким о своем существовании.

Многие годы портретное фотокинодокументирование испытывало мощное воздействие художественного документирования. Оно оставалось статичным и постановочным как в портретном художественном документировании. И сегодня оно остается жить. Однако время массового фотокинодокументирования изменило привычный канон портретного фотокинодокументирования. Неподвижность и режиссура фотокинопортрета стали заменяться динамичным и естественным состоянием человека.

Фотокинодокументирование приблизительно до середины XX в. являлось преимущественно портретным и сценическим или режиссерским, постановочным. Очень медленно в его рамках начало выкристаллизовываться событийное, репортерское документирование. Первоначально оно было связано с фиксацией природы и архитектурных памятников, а то и просто с городскими и деревенскими пейзажами, затем все более широко — с зарисовками событий и действующих в них людей.

Мы сделали этот беглый экскурс в историю фотокинодокументирования в России, чтобы читатель понял наш дальнейший анализ публикаций фотокинодокументов последних лет.

В источниковедческом смысле информацию визуальных документов мы можем классифицировать по нескольким видам.

Первый вид — *визуальная информация видового характера*: фиксация природы, городских и деревенских пейзажей, зданий и сооружений, архитектурных и исторических памятников.

Второй вид — *визуальная информация портретного характера*: фиксация индивидуального или коллективного облика людей, сознательно и специально добровольно пожелавших такой фиксации.

Третий вид — *визуальная информация событийного характера*: фиксация фактов и событий, чем-либо важных для человека, сообщества людей, корпорации, государства.

Четвертый вид — *визуальная информация ситуационного характера*: фиксация некоего действия, процесса и обстоятельств их совершения.

Пятый вид — *визуальная информация смешанного характера*: фиксация в разных или всех комбинациях четырех названных выше видов визуальной информации.

Разумеется, эта классификация визуальной информации условна и при желании это многообразие можно свести едва ли не только к пятому виду. Однако мы исходим все же из того, что при создании фотокинодокумента его автор и заказчик исходят из некоего главного целеполагания — фотопортрет — это одно, фото события — это другое, фото природы — это третье и т. д. Иначе говоря, в любом фотокинодокументе, как и в любом документе вообще, присутствует нечто главное, определяющее преимущественный, т. е. целевой, характер его информации. Это главное и дает основание отнести любой визуальный документ к тому или иному виду его информации.

С учетом сказанного выше и можно представить типологию визуальных документальных публикаций.

По степени утраты визуальными документами первоначальных целевых функций фокусировка их документальных публикаций совпадает с фокусировкой документальных публикаций текстовых документальных источников. Поэтому можно говорить об оперативных, неоперативных и комбинированных документальных публикациях визуальных источников. Однако среди оперативных документальных публикаций визуальных документов отчетливо выделяются такие ее разновидности как служебная и рекламная.

Служебная разновидность оперативных публикаций визуальных источников фиксирует технические характеристики разных изделий и технологические процессы разных производств.

Рекламная разновидность оперативных публикаций визуальных источников включает специальные отдельные издания фотокинодокументальных источников, носящие преимущественно рекламный характер. Виды природы, городов, зданий и сооружений, памятников истории и архитектуры, внутренних интерьеров и т. д. призваны раскрыть их познавательное значение, возбудить туристический интерес, привлечь людей посетить места, зафиксированные в опубликованных фотокинодокументах. И в прошлом, и сегодня рекламная разновидность публикаций визуальных источников является наиболее распространенным и массовым в тиражировании.

По цели подготовки документальной публикации визуальных источников к научному, научно-популярному и учебному типам обнародования текстовых документов мы должны добавить *представительский тип документальных публикаций визуальных источников*. Смысл его в демонстрации определенного визуального ряда – портретного, видового, событийного, ситуационного или их совокупности как совмещения разных визуальных рядов.

По принципам отбора визуальных источников для документальных публикаций в их видовом определении выделяются тематические со всеми разновидностями последних, характерными для публикаций текстовых документальных источников, и иллюстративные.

Примером *тематической публикации визуальных источников* является трехтомное издание «Челябинская область в фотографиях»⁴⁵. Она представляет собой редкий в современ-

⁴⁵ Челябинская область в фотографиях. Т. 1-3. Челябинск, 2001-2005.

ной археографии пример попытки представить региональную историю в визуальной форме. И в целом эта попытка оказалась удачной. Перед нами, пусть и пунктирно, проходит история региона на протяжении почти столетия.

Другим примером тематической разновидности представительского типа фотокинодокументальных публикаций можно считать публикацию «Российская империя накануне крушения»⁴⁶.

В этой публикации составители сообщают нам, что они собираются «создать фотографический портрет Российской империи в мирное время, во всем его величии и многообразии, в хронологических рамках с конца XIX по первые два десятилетия XX века» (с. 11). И, действительно, уже количество фотографий, вошедших в публикацию, — 560 — оказалось более чем внушительно. 560 запечатленных мгновений прошлого — это по меркам дофотографической истории 560 художественных картин или 560 текстовых документов. Все-му этому историк может только порадоваться.

Составители отказались от автономной разновидности своего издания, используя фотодокументы из фондов не одного, а нескольких архивов: Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, фотоархива Института истории материальной культуры РАН, Российской национальной библиотеки, Российского государственного архива кинофотодокументов, собрания магазина-салона для коллекционеров «Старый альбом», фотоархива издательства «Лики России» и неназванные частные коллекции фотодокументов.

Что же касается *иллюстративных публикаций визуальных документальных источников*, то ими являются публикации, в которых определенные визуальные ряды иллюстрируют либо обнаруженные текстовые документальные источники, либо

⁴⁶ Шелаева Ю. Б., Шелаева Е. П. Российская империя накануне крушения. Альбом. — СПб., 2014. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

тексты разного рода исследований. Фотокинодокументальный источник в этом случае, как правило, играет важную, но все же вспомогательную роль в документальной публикации. Он лишь с разной степенью удачи иллюстрирует письменный текст, часто не неся особой источниковой значимости. Не случайно в таких публикациях фотодокументальные источники составители нередко прямо называют «иллюстрациями».

До недавнего времени в прикладной археографии иллюстративный вид публикаций визуальных источников являлся основным, отражая распространенный подход к этим источникам не как к самодостаточному носителю свидетельств о прошлом, а всего лишь как к иллюстрации повествования об этом прошлом и его объяснению. Появление самостоятельных тематических публикаций визуальных источников отразило расширение понимания роли таких источников в познании прошлого, т. е. их самодостаточное значение в исторических исследованиях, особенно повседневной жизни ушедшего времени.

Заметим сразу: в документальных публикациях официальных текстовых документов визуальные источники, как правило, отсутствуют, либо представлены крайне скромно. Зато публикации документальных источников неофициального происхождения содержат их преизрядно.

В публикации дневника М. В. Нечкиной⁴⁷ помещено 40 фотодокументов, из них: 20 – портретного характера, 12 – ситуационного, 7 – событийного и 1 – факсимиле документа. Если о визуальных рядах фотодокументов ситуационного и событийного характера можно сказать, что они всего лишь в четырех-пяти случаях связаны с текстом дневника, например, преподавание Нечкиной на рабфаках, её участие в советско-итальянском симпозиуме историков, т. е. подобраны составителем по собственному вкусу и случайно, то портрет-

⁴⁷ «И мучилась и работала невероятно...»: Дневники М. В. Нечкиной. М., 2013.

ный ряд выглядит вполне адекватно содержанию дневника, показывая и людей, с которыми общалась Нечкина и ее саму в разные периоды жизни. Последнее обстоятельство особенно важно. На фотографиях перед нами предстает красивая, веселая, сосредоточенная, деловая, общительная женщина, не утратившая своего обаяния и в преклонные годы.

Иллюстративный вид фотодокументальной публикации предложен нам и в издании дневника Николая II. Например, во втором томе⁴⁸ из 87 помещенных здесь фотодокументов 25 носят портретный характер, 44 – ситуационный, 13 – событийный и 5 – вилловой. Подавляющее превосходство фотодокументов ситуационного характера относится к частной жизни императора. Она же преобладает и в публикации визуальных документов других групп. Лишь 10–12 фотодокументов можно признать официальными или полуофициальными. Иначе говоря, замысел составителей публикации очевиден: для них документальный фоторяд был связан с преимущественным показом частной жизни императорской семьи и пунктирным раскрытием с помощью фотографий некоторых событий его официальной деятельности, например, в качестве Верховного главнокомандующего.

Такой подход составителей публикации к изданию в ней фотодокументов можно понять – ведь едва ли не половина текста дневника императора связана с его личной жизнью. И фотографии нам прекрасно это демонстрируют: уборка снега, морские прогулки на яхте «Штандарт», отдых в Крыму, игра в большой теннис, езда в автомобиле, купание, охотничьи трофеи, Николай II в охотничьем костюме, который с удивлением рассматривает кайзер Вильгельм II, угрюмо-темноватая атмосфера императорского кабинета в Могилеве с массивным роскошным письменным столом, на котором, кажется, сидит (!) императрица, – все это хорошо коррелируется с личной частью дневника императора.

⁴⁸ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 1-2. М., 2013.

Но другая часть дневника связана с деятельностью императора как «хозяина земли Русской», как государственного деятеля. В публикации фоторяд этой стороны жизни и деятельности императора представлен более чем скромно. Мы не найдем здесь даже официоза – открытия заседаний Государственной Думы всех созывов, портретов соратников императора, фотографий пышных торжеств по случаю 300-летия царствующей династии Романовых и т. д. Публикация дневника императора в ее фотодокументальном сопровождении фактически этот блок информации дневника оставила без внимания. Иначе говоря, иллюстративный вид публикации фотодокументов здесь реализован лишь частично.

Иллюстративный вид публикаций визуальных документов активно используется при подготовке мемуарных источников. В мемуарах XX – нач. XXI вв. наряду с текстовыми документами привлекаются документы, содержащие визуальную информацию – воспоминания Керсновской, включившие наряду с текстом большое количество сопутствующих рисунков, очень показательны в этом смысле. Но они и по-своему уникальны. Намного чаще такая визуальная информация представлена фотографиями.

Проще всего объяснить, что документы с визуальной информацией, включаемые в мемуары в наше время, являются всего лишь данью техническому прогрессу. Это очевидно и предмета для спора тут нет. Зато куда любопытнее понять, какую роль такие документы играют в качестве особого способа убеждения читателей в правдивости таких мемуаров и авторитетности их авторов.

По существу в наше время это является самостоятельным элементом формуляра мемуаров. Посмотрим на нескольких примерах⁴⁹, объединенных нами в таблицу, как реализуется этот элемент.

⁴⁹ См.: Яковлев Александр. Омут памяти. М., 2000; Коржаков Александр. Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие. М., 2004; Шахназаров Георгий. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его

Автор мемуаров	Темы фотодокументов, включенных в мемуары, и их количество									
	Фото автора	Предки, начало жизни	Жизненный путь автора	Семья	Автор с выдающимися современниками	Автор на отдыхе	Автор — участник важных событий	Личный успех автора	Другое	Всего
А. Н. Яковлев	8	5	3	3	15	6	5	1	28	74
А. Коржаков	10	Нет	4	14	99	6	10	1	42	186
Г. Шахназаров	Нет	Нет	Нет	Нет	6	Нет	3	Нет	8	17
В. Медведев	2	1	2	1	8	1	2	Нет	6	23
Н. Рыжков	10	Нет	8	15	23	Нет	20	1	30	107
Итого:	30	6	17	33	151	13	40	3	114	407

Перед нами 413 фотографий – целый фотодокументальный сборник по новейшей истории России, охватывающий события ее политической, культурной жизни, быт ее разных социальных слоев, портретную галерею знаменитостей и рядовых людей и т. д.

Сначала обратим внимание на общие показатели. Оказывается, для всех мемуаристов было важно продемонстрировать фотографиями их встречи и общения с выдающимися современниками – политиками, деятелями науки и культуры – 141 фото, причем, у Яковлева это составляет более 20%, у Шахназарова – около 35%, у Медведева – около 30%, у Коржакова – свыше 50% и у Рыжкова – около 22%. Далее они не чужды фотографиями подтвердить свою причастность к знаковым историческим событиям: Шахназаров – 67%, Рыжков – 9%, Медведев и Яковлев – 6%, Коржаков – 5%.

помощника. М., 1993; Медведев Вадим. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994; Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. М., 2007.

По первому показателю – фотопортреты авторов воспоминаний – абсолютных лидеров три: Коржаков, Рыжков, Яковлев. Однако, если для двух последних фотопортреты сравнительно однородно распространяются по различным периодам их жизни, то у Коржакова они связаны почти исключительно с пиком его служебной карьеры.

По второму показателю («предки, начало жизни») абсолютным лидером является Яковлев, вероятно, потому что в среде его становления как будущего государственного деятеля было больше возможностей фотофиксации близких, нежели, например, в рабочей семье Коржаковых.

Мы оставляем читателям самим судить о том, как в фотодокументальных рядах названный мемуаристов отразились их личности. Но, кажется, что всем им, исключая, может быть, Медведева, комфортнее демонстрировать себя в фотографиях не только и даже не столько в качестве участников известных и даже исторических событий, сколько в окружении выдающихся современников, к которым в разные жизненные периоды они могли иметь не самые лучшие чувства.

Таким образом, выбранные самими авторами мемуаров документальные фоторяды становятся и самостоятельными источниками, дополнительно к тексту мемуаров характеризующая их личности, и, конечно же, неся важную визуальную информацию о времени, в котором проходила их жизнь.

Выше, анализируя публикации визуальных документов, мы не раз говорили о том, что в подавляющем большинстве случаев фотокинодокументы по теме и проблематике документальной публикации рассматриваются не как свидетельства *среды* совершившегося факта, события, явления, процесса, а только как *иллюстрации* к ним. Одним из немногих позитивных исключений из этой практики являются, например, документальные публикации «Москва военная»⁵⁰ и «Все

⁵⁰ Москва военная. Мемуары и архивные документы. М., 1995.

мы несчастные сукины дети»⁵¹. В первой из них фотодокументы (несмотря на отвратительное качество их воспроизведения) не просто «вплетены» в сборник, они фактически включены в «ткань» публикуемых письменных документов. Содержательное (через письменный документ) и зрительное (через фотокинодокумент) восприятие одних и тех же фактов, событий, явлений, процессов в этой публикации оказались органически едиными, а оба вида документов *равноценными* для постижения прошлого. Во второй публикации визуальные документы органично поясняют и дополняют отрывки мемуаров гражданского поэта России Н. М. Коржавина и воспоминания о нем его современников.

Удачным примером *повидовой публикации* визуальных источников является издание «Иркутск на почтовых открытках». Как видим уже из ее названия, часть модели этой публикации носит четкий характер. Нам предлагаются, во-первых, видовой ряд фотодокументов Иркутска, во-вторых, этот видовой ряд связан исключительно с открытками, представляющими собой публичные тиражированные фотодокументы, и, в третьих, обозначены хронологические рамки их включения в публикацию. Все четко, понятно и приемлемо.

По способу воспроизведения первичной и вторичной информации в документальных публикациях визуальных источников мы наблюдаем в прикладной археографии совпадение их оболочек с публикациями текстовых источников.

По характеру среды подготовки документальных публикаций визуальных источников археографическая практика последних лет демонстрирует помимо их автономной, системной, трансграничной конфигураций авторскую и альбомную конфигурации.

⁵¹ Все мы несчастные сукины дети. Байки и истории про Эмку Мандела, собранные Лешей Перским. М., 2017.

Авторская конфигурация документальных публикаций визуальных источников предлагает пользователю визуальные документы, созданные конкретным физическим или юридическим лицом. Одним из примеров публикации такой конфигурации является публикация фотографий выдающегося российского фотографа М. Дмитриева под названием «В фокусе времени»⁵². Профессиональный фотограф, доморощенный философ, а главное, человек, понявший значение фотодокумента как запечатленного свидетельства времени, он старательно и с большим художественным и историческим вкусом фиксировал проявления человеческой жизнедеятельности своего времени.

Альбомная конфигурация документальных публикаций визуальных источников представляет собой обнародование сформированных по разным признакам подборок визуальных документов в стадии их оперативного бытования и оформленных в виде особых кодексов – альбомов.

Говоря о конфигурации публикаций визуальных источников следует упомянуть издание «Военная летопись России в фотографиях»⁵³. Во-первых, эта публикация фотодокументов основана на документальных отложениях нескольких российских архивов – РГАКФД, ГА РФ, РГВИА, РГВА, РГАСПИ, ЦГАКФФД СПб., РИА «Новости», Союза фотохудожников России, частных коллекций российских граждан и визуальных документов из архивов ряда зарубежных стран. Иначе говоря, это межархивная документальная публикация в системной конфигурации. Во-вторых, это трансграничная документальная публикация, в которой использованы фотодокументы Союза ветеранов Анголы, архива венгерского Института 1956 г., Библиотеки Конгресса США, зарубежных частных коллекций и информационных

⁵² В фокусе времени. Н. Новгород, 1996.

⁵³ Военная летопись России в фотографиях. 1850-е – 2000-е. Альбом. М., 2009.

агентств. Заметим сразу, что в современной археографической практике России перед нами документальная публикация, беспрецедентная по масштабам использования документальных отложений межархивного и трансграничного характера.

Еще одно документальное издание⁵⁴ визуальных документов, относящихся к истории Первой мировой войны, демонстрирует, как и рассмотренное перед этим издание, фундаментальность своего проекта и его трансграничное исполнение. При ее подготовке использованы фонды 20 российских архивохранилищ, архивохранилищ Австрии, Великобритании, ФРГ, Сербии, США, Франции, Чехии, а также частные коллекции 16 коллекционеров России, Беларуси, Великобритании, Литвы и Франции. Случай выдающийся в истории отечественной прикладной археографии визуальных документов, а с позиций ее теории демонстрирующий нам не только трансграничный, но и системный (т. е. охвативший все основные фонды кинофотодокументов России по истории Первой мировой войны) характер издания.

Обратим внимание и на то, что публикация включила кинофотодокументы противоборствовавших в годы Первой мировой войны сторон. Это значит, что перед нами издание, демонстрирующее многополярный характер документальной информации, т. е. разный взгляд участников боевых действий на события войны. И это приветствуется в современной теории археографии.

По степени коммуникативности документальных публикаций визуальных источников можно констатировать, что она определяется теми же признаками, что и публикации текстовых источников, за исключением их адаптированных и неадаптированных разновидностей в силу высокой степени доступности понимания визуальной информации.

⁵⁴ Великая война 1914-1918. Кинофотохроника. Т. 1. СПб., 2014; Т. 2. СПб., 2015.

Ниже приводится в виде таблицы типология документальных публикаций визуальных источников.

Основания (признаки) типологии	Родовое определение	Видовое определение	Подвидовое определение	Разновидность
– Степень утраты документальным источником первоначальной целевой функции	– Фокусировка документальной публикации	– Оперативная – Неоперативная – Комбинированная	– Служебная – Рекламная	
– По цели подготовки документальной публикации	– Тип документальной публикации	– Научная – Научно-популярная – Учебная – Представительская	– Портретная – Видовая – Событийная – Ситуационная – Совмещенная	
– По принципам отбора документальных источников для документальной публикации	– Вид документальной публикации	– Иллюстративная – Тематическая – Повидовая	– Тематическая целная – Тематическая каскадная – Повидовая регулярная – Повидовая каскадная	– Тематическая обогащенная – Тематическая небогащенная – Тематическая обогащенная – Тематическая небогащенная

<ul style="list-style-type: none"> - По способу воспроизведения первичной и вторичной документальной информации в документальной публикации 	<ul style="list-style-type: none"> - Оболочка документальной публикации 	<ul style="list-style-type: none"> - Типографская - Факсимильная - Техно- тронная 	<ul style="list-style-type: none"> - Книжная - Прикнижная - Внутри- книжная - Типографская факсимильная - Муляжная - Электронная - Кинематогра- фическая 	
<ul style="list-style-type: none"> - По характеру среды подготовки документальной публикации 	<ul style="list-style-type: none"> - Конфигурация документальной публикации 	<ul style="list-style-type: none"> - Авторская - Альбом- ная - Автоном- ная - Систем- ная - Трансгра- ничная 	<ul style="list-style-type: none"> - Высокодоку- ментальная - Низкодоку- ментальная - Высокодоку- ментальная - Низкодоку- ментальная 	
<ul style="list-style-type: none"> - По доступности пользования документальной публикацией 	<ul style="list-style-type: none"> - Коммуни- кативность докумен- тальной публикации 	<ul style="list-style-type: none"> - Публика- ция одинар- ной системы - Публика- ция двойной системы - Публика- ция тройной системы 	<ul style="list-style-type: none"> - Документаль- ный источник - Документаль- ный источник и его конвой - Документаль- ный источник и сигнальная система - Документаль- ный источник, конвой и сиг- нальная система 	

Нам остается только с помощью этой типологии охарактеризовать публикации визуальных документов, использо-

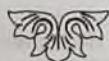
ванных выше в качестве примеров. Покажем это в виде специальной таблицы.

Название документальной публикации	Родовое определение	Видовое определение	Подвидовое определение	Разновидность
«Военная история России в фотографиях»	<ul style="list-style-type: none"> – Фокусировка – Тип – Вид – Оболочка – Конфигурация – Коммуникативность 	<ul style="list-style-type: none"> – Неоперативная – Представительская – Тематическая – Типографская – Системная – Неадаптированная тройной системы 	<ul style="list-style-type: none"> – Совмещенная – Тематическая цепная – Книжная – Высокодокументальная 	<ul style="list-style-type: none"> – Тематическая обогащенная
«В объективе война»	<ul style="list-style-type: none"> – Фокусировка – Тип – Вид – Оболочка – Конфигурация – Коммуникативность – Полярность 	<ul style="list-style-type: none"> – Неоперативная – Представительская – Тематическая – Типографская – Системная межархивная – Неадаптированная тройной системы – Двуполярная 	<ul style="list-style-type: none"> – Совмещенная – Тематическая цепная – Книжная – Высокодокументальная 	<ul style="list-style-type: none"> – Тематическая обогащенная

«Дневники императора Николая II» (т.2)	<ul style="list-style-type: none"> – Фокусировка – Тип – Вид – Оболочка – Конфигурация – Коммуникативность – Полярность 	<ul style="list-style-type: none"> – Неоперативная – Представительская – Повидовая иллюстративная – Типографская – Автономная – Неадаптированная тройной системы – Однополярная 	<ul style="list-style-type: none"> – Книжная – Высокодокументальная – Повидовая регулярная 	
«В фокусе времени»	<ul style="list-style-type: none"> – Фокусировка – Тип – Вид – Оболочка – Конфигурация – Коммуникативность Полярность 	<ul style="list-style-type: none"> – Неоперативная – Представительская – Тематическая – Типографская – Авторская автономная – Двойной системы – Смешанная одной и двухполярностей 	<ul style="list-style-type: none"> – Повидовая регулярная – Книжная – Высокодокументальная 	

Тип, вид, оболочка, фокусировка, конфигурация, коммуникативность, полярность документальной публикации находятся в сложных взаимосвязях. Например, научная документальная публикация возможна в любом виде и в лю-

бой форме, в то время как для учебной документальной публикации исключен ее пофондовый вид. Автономная конфигурация документальной публикации невозможна для академического ее типа, но бывает оправданной для повидовой или учебной документальной публикации. Эта взаимосвязь проявляется в еще большей степени в отношении отбора документальных источников для документальных публикаций разного типа, вида, формы, конфигурации, коммуникативности, воспроизведения в них текста, формирования конвоя.

Тут же обобщая документальную память в археографическом знании, можно сказать, что документальная память в археографическом знании — это способность археографа к восприятию, осмыслению и передаче информации, содержащейся в документах, с целью ее сохранения и использования в будущем.

ГЛАВА 3

МОДЕЛЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

ПОДГОТОВКА любой документальной публикации представляет собой процесс, состоящий из восьми этапов: разработка модели документальной публикации – выявление документов для реализации этой модели из документальных отложений – фильтрация из этой выявленной совокупности или среды документов документальной публикации документальных источников, подлежащих включению в документальную публикацию – систематизация документов в документальной публикации – передача текста документа в документальной публикации – конвоирование документа в документальной публикации – создание сигнальной системы документальной публикации – выбор оболочки документальной публикации и ее применение.

И теоретическая, и прикладная археография должны отвечать на вопрос, какой должна быть документальная публикация вообще и конкретная публикация в частности. И в том, и в другом случае ответ на этот вопрос означает формирование представлений о модели документальной публикации. Модель документальной публикации включает в себя ее тему, тип, вид, оболочку, фокусировку, конфигурацию, коммуникативность, полярность, обеспечивающие

с разной степенью полноту, точность и доступность транслируемой через публикацию части документальной памяти.

Таким образом, если мы согласимся с тем, что модель документальной публикации есть система названных выше ее параметров, то неизбежно возникает вопрос: что является если не главным, то связующим звеном в этой системе, что в первую очередь вносит в нее естественную объективную или субъективную упорядоченность?

Тема документальной публикации — это стержневое звено, определяющее ее модель во всех ее составляющих элементах. *Что* хотят составители конкретной документальной публикации осветить в ней, используя документальные источники, является важнейшим признаком, определяющим ее роль в формировании документального знания о прошлом.

Выбор темы документальной публикации определяется, прежде всего, ее различными возмущающими силами, о чем мы будем говорить далее. Но в любом случае заданная этими силами тема подлежит раскрытию на основе *проблематики документальной публикации*, т. е. совокупности конкретных вопросов, связанных с тем или иным фактом, событием, явлением, процессом, подлежащими документальному освещению. Любые тип, вид, оболочка, конфигурация и коммуникативность документальной публикации испытывают на себе воздействие ее проблематики. Она особенно ярко проявляется в тематических документальных публикациях. Например, была или нет «трагедия» советской деревни в годы коллективизации и раскулачивания? Историки как угодно могут отвечать на данный вопрос, опираясь на известные им документы. Археографы не имеют права исходить из заданности того или иного ответа, они обязаны показать «советскую деревню» в это время. Тем не менее заданность темы («трагедия») обуславливает заданность проблематики («в чем сущность этой трагедии»), что, в свою очередь, предопределяет критерии фильтрации документов по теме доку-

ментальной публикации в ее научном типе, характер содержания конвоя в научно-популярной или учебной документальной публикациях и т. д.

На первый взгляд, такая связь отсутствует при подготовке повидовой и пофондовой документальных публикаций. Однако это не так. Повидовая документальная публикация, предлагая пользователю определенный вид документальных источников, изначально рассчитана на то, что пользователь получит в свое распоряжение всю совокупность проблематики фактов, событий, явлений, процессов прошлого, отразившихся в конкретном виде документальных источников. Аналогичным образом обстоит дело и с пофондовой документальной публикацией: в ней пользователь имеет дело со всем многообразием проблематики фактов, событий, явлений, процессов прошлого, отразившихся в документальных источниках конкретного фонда. И в том, и в другом случае проблематика документальной публикации не является сколь угодно разнообразной. Она «связана», определяется видами документов, их происхождением, функциями и рангами фондообразователей.

Таким образом, несмотря на разнообразие проблематики, повидовая и пофондовая документальные публикации, исключая необходимость применения критериев фильтрации для них документальных источников, изначально обладают тематической и проблемной заданностью, обусловленной происхождением входящих в них документальных источников.

При реализации проблемной заданности модели документальной публикации, в первую очередь тематической, археограф сталкивается с рядом трудностей объективного и субъективного порядка.

Прежде всего они связаны с характером документальных отложений, имеющихся в распоряжении археографа. Такие отложения, как уже говорилось выше, могут быть представлены как видимым множеством, так и ненаблюдаемым мно-

жеством. Наличие ненаблюдаемого множества документальных отложений разрушает принцип максимума использования документальных отложений, соблюдение которого обеспечивает и полноту освещения проблематики, и объективность документальной публикации.

Рассмотрим на нескольких примерах раскрытие проблематики модели документальной публикации.

Важнейшей особенностью серийной документальной публикации «Россия: XX век. Документы и материалы»¹ является фактически абсолютная новизна опубликованных документов преимущественно по политической истории России XX в., позволяющая изучать ранее неизвестные или фальсифицировавшиеся на протяжении десятилетий факты, события, явления и процессы советской истории. С этой точки зрения в мировой и отечественной археографической практике XX в. можно найти лишь несколько серийных документальных публикаций, сравнимых по значимости и информационной ценности документов с названной серийной документальной публикацией. Документальные публикации, составляющие эту серию, позволяют теперь историкам анализировать события и явления прошлого, в отношении которых ранее в отечественной и зарубежной историографии имелись лишь предположения, догадки и домыслы. В этом смысле для современного этапа изучения отечественной истории XX в. ценность этой документальной серии является непреходящей.

Однако с позиций требований и норм археографии серия выглядит очень неравнозначной. Одна из первых публикаций серии «Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г.» вызвала резкую и справедливую

¹ Серия основана в 1997 г. под общей редакцией бывшего члена Политбюро ЦК КПСС, отвечавшего в нем на протяжении последних лет существования КПСС за идеологию, академика РАН А. Н. Яковлева. Финансирует подготовку документальных изданий этой серии Международный фонд «Демократия».

критику². По мнению И. И. Кудрявцева, «в сборнике не нашло отражение и даже не упомянуто участие в подготовке восстаний в Петрограде, Кронштадте и других городах советской России партии кадетов, группировки Б. В. Савинкова, монархистов, эсеров, меньшевиков, народных социалистов, анархистов... В то же время в сборник включены материалы, не относящиеся к теме издания, вызывающие большие сомнения в их ценности для публикации». Далее Кудрявцев отмечает «некорректность» помещения в этой публикации так называемых «конспектов показаний» лидеров кронштадтских событий Петриченко, Путилина и др. «неизвестно когда и кем подготовленные», а также выводов введения к этой публикации «о замышлявшемся советским руководством и ВЧК открытом судебном процессе над главными руководителями восстания, которые бежали в Финляндию и были недосыгаемы... без ссылок на подлинные документы и другие веские доказательства». Его общий вывод относительно этой документальной публикации сводился к тому, что «подобные публикации с тенденциозно подобранными документами, ошибочными комментариями, крупными недостатками в передаче текста источников и археографическом оформлении... только засоряют информационную среду вместо того, чтобы очищать ее от недостатков предшествующих изданий». Подготовленный Росархивом двухтомный сборник документов на эту же тему показал насколько сложнее были кронштадтские события 1921 г. в сравнении с тем, как они были представлены в публикации «Кронштадт 1921». Здесь, в частности, обозначена роль зарубежных спецслужб в этих событиях.

Негативную оценку со стороны того же Кудрявцева получил и другой сборник серии «1941 год. Документы»³. Он,

² См. рецензию одного из крупнейших современных отечественных археографов-практиков И. И. Кудрявцева в «Отечественных архивах» (1997, № 5. С. 107-110).

³ См.: «Отечественные архивы». 1999. № 1. С. 100-104.

в частности, отмечает: «Всего для сборника выявлено около 10 тыс. документов, однако это богатство использовано очень нерационально — лишь часть их привлечена в комментариях. Во многих случаях отбор документов для публикации оставляет желать лучшего. Так, в сборнике отсутствуют постановления Комитета обороны при СНК СССР, на которые неоднократно делаются ссылки... Поражает также количество дублирующих друг друга документов... Археографическая подготовка документов к печати проведена непрофессионально, нарушены все основные требования как к выбору и передаче текста документов, так и к их оформлению... Не прокомментированы важные факты и данные, встречающиеся в тексте...». Насколько известно, и эта рецензия не была оспорена составителями сборника «1941 год. Документы».

В книге «Теоретические основы археографии» приведены многочисленные примеры неудачного использования документальных отложений при реализации модели документальной публикации в ряде других публикаций этой серии⁴. Так, сборник документов «Экология и власть. 1917–1990» несмотря на широту постановки проблемы, показал неспособность составителей отразить в документальной публикации масштаб и сложность обозначенной в его названии проблемы. Далее, говоря о типичных ошибках в современной практической археографии публикации документов по отечественной истории XX в., связанных с нарушением равновесности документальной публикации (включение в текст документа текста резолюций, заголовка составителей, включение в оглавление перечня публикуемых документов и т. д.), мы констатировали: «Большинство названных смещений характерно для документальной публикации «Экология и власть». Возвращаясь к этой публикации в другом

⁴ Подробнее см.: Козлов В. П. Основы теоретической и прикладной археографии. М., 2008. С. 50, 61, 71, 86, 88–89, 94, 107–108, 111–112 и др.

месте, мы писали: «На фоне названных подчас непреодолимых объективных и субъективных факторов, ограничивающих видимое множество документальных отложений, трудно дать позитивную оценку случаям, когда такие ограничения ничем не мотивированы. Документальная публикация «Экология и власть», несмотря на фундаментальность постановки темы, оказалась основанной на достаточно случайных документальных отложениях фондов ВСНХ, Госплана, министерств и ведомств СССР экономического профиля, отдельных организаций низового звена и случайных документах партийно-государственного происхождения, что изначально ограничило информационную ценность издания»⁵.

Следует отметить, что последние документальные публикации серии в археографическом отношении менее уязвимы. Более того. Начиная приблизительно с издания «Очистим Россию надолго...»⁶, серия обрела академический характер. Одна из последних публикаций серии, посвященная голоду в СССР в 1929–1934 годах, является особо заметным ее археографическим успехом.

Но и последние тома серии не всегда блещут археографическим успехом в части освещения проблематики заявленных тем. Несомненно, одной из важнейших книг этой серии, стала публикация т.н. «дела Берии»⁷.

Вызывающее отсутствие в публикации элементарного археографического предисловия рождает у читателя хаотическое представление о «деле Берии» в историческом смысле, ходе следствия и суда над ним и его сотрудниками. Как можно понять, основу сборника составили копии протоколов допросов Л. П. Берии и его сотрудников, направляв-

⁵ Там же. С. 48.

⁶ «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 - начало 1923 г. М., 2008.

⁷ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. Документы. М., 2012.

шиеся для ознакомления некоторым членам ЦК КПСС, а также ряд документов, присылавшихся в ЦК КПСС по собственной инициативе или подсказке людьми, так или иначе имевшими с Берией дело на разных этапах его партийной и государственной деятельности.

Конечно же, это первостепенные по своей источниковой ценности документы. Они передают драматизм ситуации, связанной с судьбой Берии, predeterminedенной не результатами следствия, а Указом Президиума Верховного Совета СССР «О преступных антигосударственных действиях Берии» и Постановлением Президиума ЦК КПСС от 29 июня 1953 г. об организации следствия «по делу Берия», в котором его деятельность уже до следствия была названа «враждебной антипартийной и антигосударственной», а самому следствию вменялось действовать «с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний». Публикация, как и ряд предшествующих ей изданий, в очередной раз показывает, что следствие носило заданный характер и судьба Берии сразу же после его ареста была predeterminedена. В этом и сам он убедился очень скоро, перестав обращаться с жалостливыми письмами к своим бывшим соратникам и заняв твердую позицию отрицания по подавляющему большинству предъявляемых ему обвинений.

Публикация в очередной раз демонстрирует нам, что история, реальная, запечатленная в документах, ничуть не уступает художественным произведениям в жанрах романа, трагедии, комедии, фарса. Только в отличие от художественного произведения в документальных источниках мы видим не вымышленное случившееся, а реальное произошедшее. И когда понимаешь, что реальность не уступает художественному вымыслу, невольно, с одной стороны, восхищаешься силе художественного вымысла, а с другой — скорбишь над ни в чем не уступающей подчас ему правде случившегося, запечатленной в документах.

Но опубликованные документы по своему содержанию шире «дела Берии» в его историческом смысле. Мы узнаем из них много новых и важных фактов из истории страны, связанных не только с ее политической историей, но и, например, с созданием атомной бомбы, с уникальными фактами истории архивного дела и т. д. Именно выдающаяся источниковая значимость публикуемых документов, их высокая политическая заданность требовали от составителя тщательной археографической работы, чтобы исключить любой намек на недобросовестность, а через это не скомпрометировать и очевидные исторические вещи, открывающиеся из публикации.

К сожалению, высокий источниковый уровень документов не подтвержден в этой публикации стремлением по возможности полно раскрыть ее проблематику. Всего один пример важности этого. В принципе публикацию составили два подкласса документов: документы официального происхождения, созданные в ЦК КПСС, Генеральной прокуратуре и т. д., и документы личного происхождения, прежде всего письма в ЦК КПСС разных лиц о Берии. На некоторых из них, как сообщается в публикации, имеются пометы «К делу Берии». Возникает вопрос: приобщались ли такие документы к следственным материалам или они оставались в делопроизводстве ЦК? Ответа на него из публикации мы не находим. Подозрение в том, что тогда формировались как бы два «дела Берии» — одно в ЦК КПСС для избранных и другое — в Генеральной прокуратуре для формальной демонстрации расследования — остается неизбежным и это подозрение сформировано публикацией.

Подтверждением неравноценности этой серии является еще одна вошедшая в нее документальная публикация, посвященная подготовке иностранных студентов и специалистов в СССР в 1956–1965 годах⁸. На самом деле, проблема-

⁸ «Возвратить домой друзьями СССР...». Обучение иностранцев в Советском Союзе. 1956-1965. Документы. М., 2013.

тика этого сборника оказалась намного шире, отразив часть советской внешней политики в условиях противостояния двух мировых политических систем. В документах сборника мы находим подтверждение того, что культурные, научные, образовательные связи с капиталистическими, социалистическими и развивающимися странами, особенно освобожденными от колониализма, в эти годы руководство СССР рассматривало как важный инструмент продвижения идей социализма, укрепления позиций СССР на международной арене. В этом смысле подготовка иностранных студентов и специалистов в вузах СССР также являлась не жестом благотворительности, не только простым желанием помочь странам народной демократии и развивающимся странам подготовить специалистов, начиная от археологов и библиотекарей и кончая математиками и физиками-ядерщиками, но и способом, как теперь часто говорят, воспитать «агентов влияния» СССР или, как мягко сказано в названии публикации, по меньшей мере «возвратить домой друзьями СССР» иностранных выпускников вузов СССР.

Документы сборника, с одной стороны, однозначно показывают, что для многих освободившихся и освобождавшихся от колониальной зависимости стран Азии, Африки, Латинской Америки СССР с постановкой в нем высшего образования являлся носителем подлинного, глубокого и важного теоретического и практического знания о мире, человеке и обществе, крайне необходимого для укрепления независимости и развития этих стран. Наверное, среди обучающегося контингента студентов, аспирантов и преподавателей из этих и других стран было немало «блатных», попавших в СССР на учебу по протекции ради престижа. Некоторые документы сборника или намекают или прямо указывают на это. Но одновременно сборник показывает, что подавляющая часть иностранного контингента, обучающегося в вузах СССР, едва ли не с остервенением осваивала здесь свои профессии.

С другой стороны, сборник показывает, что обучение иностранных студентов для СССР представляло известную головную боль. Далеко не для всего иностранного студенческого контингента была присуща сдержанность китайцев или сирийцев в выражении своего отношения к происходящему в СССР и мире. В связи с событиями 1956 г. в Венгрии и Польше часть студенчества из этих стран и из других стран народной демократии не то чтобы бунтовала, но по крайней мере требовала объяснений, демонстрировала разные формы недовольства и протеста. Тревожила потенциальная опасность через иностранный обучающийся контингент легализации агентов разведок зарубежных государств. Настораживала раскованность в стиле поведения, одежде иностранных студентов из капиталистических стран и многое другое, что не вписывалось в советский жизненный стандарт и что могло послужить «негативным примером» для советских студентов. Было и другое — конфликты между советскими и иностранными студентами, особенно из африканских стран, компрометировавшие идею интернационализма.

И тем не менее, несмотря на последние обстоятельства советское руководство не без опасений, но шло даже на постепенное расширение контингента обучающихся в стране иностранных студентов. К большому сожалению, из сборника невозможно понять, кому пришла идея создания Университета Дружбы народов и как происходил начальный этап его организации. На страницах издания он появляется внезапно, словно известный персонаж из известного предмета, в перепечатке информации газеты «Правда» от 24 февраля 1960 г. о выступлении Н. С. Хрущева в национальном университете Индонезии «Гаджа Мада». Некоторые документы сборника услужливо связывают идею его создания с именем Хрущева. Очень даже возможно, что это была одна из очередных его импровизаций. И однозначно, одна из самых удачных импровизаций, оправданных временем. Но

нам остается только гадать по этому поводу. И это большой недостаток рецензируемой документальной публикации.

Сборник раскрывает явление под условным названием «подготовка в СССР иностранных специалистов высшей квалификации», его роль в истории СССР и в истории тех стран, представители которых получали образование в СССР, и одновременно объясняет, почему до сих пор бывшие иностранные студенты не только ностальгируют по своей молодости, но и говорят об искренней благодарности к стране, давшей им знание и открывшей тем самым перспективы их профессиональных успехов на родине.

К сожалению, не всегда и не во всем полно сборник раскрывает нам это явление в проблематике его модели. Можно понять верхнюю хронологическую грань сборника — 1965 г. Она связана, конечно же не столько с тем, что к этому времени произошла смена советского руководства, но главным образом, потому что документы по этой проблеме после 1965 г. в своей массе пока недоступны. Однако нижняя хронологическая грань — 1956 г. — вызывает недоумение. Уже первые документы сборника за этот год говорят о том, что по крайней мере с 1952 г. обучение иностранных студентов, прежде всего из стран народной демократии, в СССР начало набирать обороты. Для еще сталинского руководства политическое значение этой акции было очевидно. Другое дело, что оно не обрело тех организационных форм и методологических основ, которые были выработаны в СССР к началу 60-х годов XX в.

Издание представляет собой тематическую документальную публикацию — самый сложный тип документальных изданий. Главная его проблемность, как уже не раз говорилось выше, заключается в выявлении и отборе документальных источников в соответствии с выработанной проблематикой издания. В принципе модель документальной публикации должна обеспечить более или менее полное освещение с помощью документов все разнообразие проблем заявлен-

ной темы этой публикации. Иначе утрачивается сам смысл такой публикации. С другой стороны, такая публикация должна исключить своего рода «информационный шум» — публикацию документов, прямо не имеющих отношения к проблематике документальной публикации.

Легко заметить, что в основе сборника находятся документальные отложения нескольких отделов ЦК КПСС и Министерства образования СССР, а также информационные сообщения газеты «Правда». Это т.н. документы официального происхождения. Очевидно, что не все. В сборнике практически отсутствуют отчеты вузов о подготовке иностранных специалистов и о работе с ними. Здесь нет ни одного документа личного происхождения, например, воспоминаний иностранных студентов о своей учебе в СССР или советских преподавателей и студентов о своей работе с ними. Печально, что сборник не содержит никаких данных об учебе в СССР иностранных военных специалистов. И одновременно нельзя не заметить очевидную избыточность документов этой публикации. В ней мы встретим немало документов, имеющих не только косвенное отношение к проблематике документальной публикации, но и вообще не имеющих к ней никакого отношения. Здесь, например, опубликованы 1 и 2 части программы КПСС 1961 г., связанные с характеристикой международного положения. Понятно стремление составителей показать проблематику своей публикации на широком общеисторическом мировом фоне. Но этому нет предела, не говоря уже о том, что раскрытие такого фона является задачей других документальных публикаций.

Таким образом, мы видим определенную недостаточность и одновременно избыточность документального наполнения этой публикации, что отразилось на неполноте и расплывчатости раскрытия проблематики ее модели.

Составители документальной публикации «Голод в СССР»⁹ при реализации ее модели исходили из нескольких принципов. Принцип первый: представить адекватный документальный массив, отразивший во всей своей совокупности все многообразие процессов, связанных с темой «голод в СССР» — его причины, развитие событий, способы преодоления, последствия. Принцип второй: не допустить своего рода «изоляциялизма» в документальном освещении проблемы, сводя ее либо к конкретным регионам, либо к отдельным аспектам темы, например, роль центральных или местных властей в создавшейся ситуации, неурожай в отдельных регионах и т. д. Принцип третий: показать многоступенчатую «цепочку» развития событий, связанных с изучением явления, приблизительно по схеме: инициация решения — обсуждение и принятие решения — выработка механизма реализации решения — реализация решения — полученный результат — последствия этого результата. Принцип четвертый: показать связи, а иногда и взаимосвязи процессов, объединенных общей темой продовольственного обеспечения населения СССР с другими процессами, прежде всего с коллективизацией и индустриализацией страны, борьбой за устойчивость рубля, учитывая при этом общемарксистские фундаментальные постулаты о строительстве социализма и коммунизма, дающие возможность более объемно понять причины и последствия голода. Как нам представляется, следование этим принципам обеспечило высокую степень информативности и объективности названной публикации.

Хорошо зарекомендовавшая себя серийная документальная публикация «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД» завершена с выходом в свет ее четвертого тома, документы которого раскрывают ситуацию в советской деревне в 1935—1939 годах, когда колхозы в ней стали состояв-

⁹ Голод в СССР. 1929-1934. Т. 1. 1929 - июль 1932: В 2 кн. М., 2011; Т. 2. Июль 1932 - июль 1933. М., 2012; Т. 3. Лето 1933-1934. М., 2013. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

шейся реальностью и основным источником продовольственного обеспечения страны¹⁰.

Как документальный исторический источник информационные сводки, помещенные здесь, обладают высокой степенью субъективности. Отметим две их очевидные особенности.

Первая – это терминология. «Помещики» и «кулаки» в советском публичном и тайном документальном новоязе фигурируют с 1917 г и вплоть до 1939 г., разбавляясь, правда, после 1932 г. иными понятиями. По нашим подсчетам, только в 1924–1932 годах было проведено не менее 12 волн их выселения с параллельным, далеко не всегда связанным с выселением, привлечением к уголовной ответственности, вплоть до расстрелов, крестьян. Казалось бы, к 1935 г. классовая метла ничего от них не должна была оставить. А они, оказывается, находились в деревне и в 1939 г. Понятно почему: «помещик» и «кулак» как экономические понятия превратились в политические категории, и, продолжая оставаться «контрреволюционными элементами», плавно перетекали в понятия «антисоветские» и «вредительские».

Вторая – это явная трансформация где-то на рубеже 20-х – 30-х годов методологии подготовки информационных сводок. Смысл ее заключался в постепенном выдавливании передачи всего многообразия спектра крестьянских мнений по поводу происходящего в советской деревне, характерных для сводок второй половины 20-х годов, и замене его исключительно сообщениями о «негативе» – проявлениях недовольства политикой советской власти в деревне. И это можно объяснить не только тем, что власти стремились получить истинную картину отношения крестьян к происходящему. Власти нужно было оправдать свои сило-

¹⁰ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918-1939: Док. и материалы: В 4 т. Т. 1. М., 1998; Т. 2. М., 2000; Т. 3. Кн. 1. М., 2003; Кн. 2. М., 2005; Т. 4. М., 2012.

вые действия в деревне, а для этого здесь должен был быть перманентно враг.

Эти два обстоятельства создают впечатление о всеобщем негативном отношении советского крестьянства к коллективизации в той форме и теми методами, которыми она проводилась. На самом же деле были и устойчивые крестьянские группы, которые проявляли свое недовольство лишь отдельными решениями советской власти.

Выбранный составителями повидовой тип модели документальной публикации вполне приемлем при трансляции такого субъективного документального источника. Но применительно к теме настоящей главы важно отметить другое. Например, в документах сборника крайне редко встречаются сведения об отрицательном отношении колхозного крестьянства к обязательным натуральным поставкам сельхозпродукции государству. Как это объяснить: выступал ли колхозный крестьянин если не государственным, осознающим необходимость таких поставок, то покорным исполнителем воли власти, или же составители просто не обратили внимания на это явление? Зато протест против обязательных продаж сельхозпродукции по твердым и заниженным государственным ценам был всеобщим и, что особенно важно, коллективным, выражавшемся в соответствующих решениях общих собраний колхозов. Колхозники дружно и твердо считали: все, что остается после обязательных поставок, после создания семенного и страхового фондов является их законной собственностью, которую они вправе либо распределить по трудодням, либо продать по рыночным ценам. Иначе говоря, в рамках колхозной системы они отстаивали свои очевидные интересы. Документы сборника фактически не отражают и этого явления. Или, например, почему так скуден набор документов о ситуации в деревне в существовавшей в это время огромной Московской области, включавшей по существу в свой состав большую часть Центральной России?

Другое хорошо зарекомендовавшее себя серийное издание «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)», девятый том которого увидел свет в 2013 г.¹¹, изначально задумывалось как повидовое издание информационных материалов ОГПУ–НКВД СССР не в их хронологической последовательности, как в публикации «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», а с определенной тематической группировкой. Таких тем и соответствующих им разделов в девятом томе публикации выделено 7: 1) Антисоветские выступления на территории СССР; 2) Борьба с бандитизмом в СССР; 3) Город. Рабочий класс; 4) Деревня. Крестьянство; 5) Антисоветские партии, националистические организации и группировки в СССР; 6) Красная Армия; 7) Социально-политическое и экономическое положение в Дальневосточном крае.

Таким образом, перед нами срез жизни СССР в 1931 г. фактически по 5 параметрам, поскольку тематические разделы 1 и 2 близки и даже почти совпадают друг с другом, а раздел 7 включает те же темы по одному, самому большому региону СССР – Дальневосточному краю.

Для понимания того, насколько публикация раскрывает проблематику этих разделов, рассмотрим четвертый и пятый из них.

Знакомство с четвертым разделом публикации производит впечатление только сплошного сопротивления крестьянства политике советской власти в деревне. Но разве не было докладов Лубянки Сталину о ходе выполнения карательных операций против крестьянства, о реальных просчетах в коллективизации и ее грубом администрировании? Были, и очень многие из них опубликованы. Только не в рассматриваемой публикации. Последнее обстоятельство составители могут назвать в качестве оправдания своей

¹¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 9. 1931 г. М., 2013. Далее ссылки на эту публикацию даются в тексте настоящей главы.

подборки документов и для этого раздела. Но его принять невозможно — ведь читателю в этом разделе обещана документальная новелла о деревне и крестьянстве, а не только о сопротивлении крестьянства политике советской власти, о достоверности которого мы еще поговорим особо.

Но еще большее недоумение вызывает 5 раздел публикации. Среди прочих документов здесь помещена «справка с докладом руководству по делу «Русского ЦК РСДРП» от 26 декабря 1930 г. Справка содержит более чем серьезные обвинения: ее члены создавали в стране «вредительские организации», противодействующие «хозяйственному строительству» в СССР (с. 432—433). В комментарии к этому документу составители указали: «По приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 9 марта 1931 г. все обвиняемые были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Часть из них погибла в ссылках и лагерях, очень немногие вернулись. В 1991 г. все осужденные по делу были реабилитированы» (с. 807). Что значит этот комментарий? Он говорит, о том, что в СССР не существовало «Русского ЦК РСДРП» и помещенные о нем в этом разделе документы являются недостоверными.

Пойдем дальше. В этом же разделе помещена «Докладная записка ОГПУ об окончании следствия по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» от февраля 1931 г. Этот «Союз», якобы, возглавлявшийся академиком историком С. Ф. Платоновым, был монархической организацией, ставившей «своей целью свержение советской власти при помощи вооруженного восстания и иностранной военной интервенции и установление конституционной монархии во главе с бывшим великим князем Андреем Владимировичем» (с. 458). В отличие от документов, связанных с «Русским ЦК РСДРП», к этому документу нет комментария, даже тогда, когда он был формально необходим к фразе: «Полагаем целесообразным дело «Всенародного союза» рассмотреть на судебном заседании Кол-

легии ОГПУ» (с. 460). Получается из публикации, что такая организация существовала и хорошо известные наказания ее членов были справедливы, вопреки специально проведенным исследованиям последних двух десятилетий, показавшим фальсификацию «Всенародного союза борьбы».

Возникает вопрос: какое отношение имеют опубликованные в сборнике документы о «Русском ЦК РСДРП» и «Всенародном союзе борьбы» к теме 5 раздела, если они по своей природе недостоверны и далеки от проблематики раздела? Ровным счетом никакого. Они были бы хороши в публикации под условным названием «Формы, способы и методы фальсификации ОГПУ–НКВД СССР политических процессов в СССР». Не больше.

Тема и проблематика модели документальной публикации «Украинские националистические организации»¹² в современных условиях неизбежно выходит за рамки ее научно-познавательного значения. Этот более чем двухтысячестраничный двухтомный сборник документальных источников открывает нам в очередной раз ранее неизвестную страницу не только российской, но и общеевропейской истории. Это горький отголосок имперской истории Европы и одновременно ее своеобразный «привет» всей истории XX в. и нашего времени. Это документальное свидетельство печального наследия европейской истории, с которым приходится разбираться нам, ныне живущим, и, увы, с которым придется не раз и не два еще проводить разбор нашим потомкам.

Европейская история XX в. — история создания и разрушения больших и малых империй, внутри которых словно в кипящем котле варилось варево разных культур и разных национальных общностей, стремившихся не только к самоидентификации, но и к собственной государственности.

¹² Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: Документы: В 2 т. Т. 1: 1939-1943; Т. 2: 1944-1945. М., 2012.

В XX в. для многих народов Европы эта цель была достигнута. И теперь гордая когда-то Сербия склонила свою выю перед Европейским союзом, а четырежды униженная историей Польша дивит нас своей особой ролью в этом союзе. Одинок, но смело, идет в будущее Беларусь. Мучительно, бросаясь из крайности в крайность, выбирает свое будущее Украина. Безвозвратно свой выбор в него сделала Грузия. Богатая Каталония желает идти в будущее без остальных провинций Испании. Стоит ли продолжать дальше? Сегодня все мы являемся не только свидетелями, не только очевидцами, но и участниками, подчас не замечая этого, некоего нового исторического явления — объединения народов, в основе которого — не всегда действует сила оружия, как когда-то, а экономическая привлекательность. Что это: распутывание неудачно завязанных в прошлом узлов или создание новых, пока еще не очень видимых противоречий — ответа на этот вопрос сегодня не сможет дать никто.

Национальные движения XIX—XX веков в Европе были либо реакцией на имперское поглощение народов, либо просчитанным ответом на развал империй. Но в любом случае своими корнями они уходили глубоко в прошлое — либо действительно состоявшееся, либо мнимое, придуманное идеологами того или иного национального движения. В этом смысле украинскому национальному движению, балансиравшему на грани национализма, прошлого придумывать не было необходимости. Культурная и этническая особенность Украины заслуживали государственной самостоятельности и были ею освящены еще Древней Русью. Поэтому на обломках разных европейских империй, кажется, украинскому национальному движению в XX в. историческими судьбами была отведена особая роль. Оно опиралось на давнюю традицию, сначала придушенную Речью Посполитой, затем заглушенную подкупами лидеров Украины со стороны имперской России. Распад Российской империи давал шанс украинскому национальному движению обрести государст-

венность так, как это случилось с бывшими Королевством Польским и Княжеством Финляндским. Однако пуповина почти трехсотлетней совместной истории с Россией, укрепленная после 1917 г. идеями интернационализма, «мировой революции» и всеобщего социального равенства, остановили тогда процесс ухода Украины от России.

Остановили, но не заглушили украинское национальное движение. Оно возродилось как раз именно в те годы, когда идеи коммунизма обрели лицо сталинизма. Важнейшим толчком к этому возрождению стала всеобщая коллективизация советской деревни, приобретающая в Украине, как и в ряде других регионов СССР, не только особо уродливые, но и трагические формы, повлекшие смертный голод. Сборник показывает, что уже в 30-е годы прошлого века движение за создание украинского национального государства несмотря на его разнородность, а затем и раскол, приобрело разнообразные формы и имело мощную народную подпитку. И вместе с тем, его националистическая составляющая вовлекла это движение в сотрудничество с фашизмом.

Возрождавшееся в это время украинское национальное движение оказалось меж трех огней. С одной стороны — амбициозная Польша, мечтавшая восстановить себя по крайней мере в границах Речи Посполитой, а потому тайно и жадно поглядывавшая на украинские земли в границах СССР и жестко пресекавшая национальное движение на доставшихся ей украинских землях. С другой стороны — бесплощадная гитлеровская Германия, для которой третий рейх существовал минимум в границах Европы, а потому в этих границах «самостийная Украина» была обречена. С третьей стороны — СССР, уже отказавшийся от идеи мировой революции, но ставший огромным пространством для величайшего социального эксперимента, ради свершения которого нужна была мирная Европа, на худой конец — Европа, государства которой дерутся друг с другом в соответствии с ленинским учением об империализме как высшей, пожирающей

шей себя, стадии капитализма. «Самостийная Украина» для него была привлекательна только в рамках части польской территории.

В этих условиях во имя государственной идентичности украинское национальное движение было вынуждено маневрировать. Рецензируемый сборник показывает формы, методы и результаты этого маневрирования накануне и в годы Второй мировой войны. Если угодно, этот сборник является откровенным документальным пособием по политологии. Почти каждый его документ — это голос одного из минимум четырех оркестров, игравших свою музыку. И эта разная музыка, увы, не остается ушедшей в прошлое. Знакомясь с включенными в сборник документами, невольно задаешься вопросом о цене любого национального движения, в данном случае — украинского. Одно дело интересный, сфальсифицированный еще в XVIII в. один из первых программных документов этого движения под названием «История руссов». Он заслуживает не только изучения, но и уважения как некий интеллектуальный продукт. И совсем другое дело — винтовки, пулеметы, гранаты и тротил, старательно укрывавшиеся в схронах боевых подразделений украинских националистов для их прямого назначения — сначала против польских властей, потом с некоторым замедлением и в тяжких противоречиях — против гитлеровской Германии, и, наконец, против СССР. Любое оружие — это смерть. Сначала она уготована для врага, затем незаметно переходит на соотечественников и единомышленников. Так случилось и с украинским национальным движением: борьба за украинскую государственность сменилась в конце концов сотрудничеством с фашистской Германией и борьбой с соотечественниками. И это грозный урок для любого национального движения, урок цены человеческих жизней, которая никогда не может оправдываться даже самой благородной целью.

В этом сборнике много проходных, так сказать, технических, документов об украинском национальном движении.

которые интересны для микроистории Украины, России, Германии, Польши, Беларуси. Ну не принимала, не желала принимать украинская деревня ни польского засилья, ни фашистского угрюмого гнета, ни большевистского эксперимента. Отсюда сопротивление всем и вся, красноречиво запечатленное в опубликованных документах. Оно не было законным по законам тогдашних государств, но ныне понятно по человеческим законам. Однако, есть здесь и опорные, основополагающие документы, которые не вычеркнешь из истории современных государств и народов. Среди них письмо одного из руководителей украинского национального движения А. Мельника министру иностранных дел Германии И. Риббентропу от 2 мая 1939 г. о сотрудничестве с Германией (1, с. 74–75), «Акт провозглашения Украинского независимого государства» (1, с. 340–341), документы, связанные с созданием и деятельностью организации «Роланд», дивизии СС «Галичина», приказ бригаденфюрера СС Бреннера о взаимодействии УПА и германской армии (11, с. 38–39), докладные записки НКВД о деятельности оуновского подполья против Красной Армии и др.

Выше мы говорили о незначительных, но знаковых отличиях в типологии документальных публикаций текстовых и визуальных источников. Эти различия проявляют себя и в моделях публикаций визуальных документов. Они связаны в первую очередь с тем, что визуальный документ, если не брать его художественную сторону, не обладает *свойством ретроспекции*. В самом деле, визуальный документ одновременно фиксирует мгновение действительности, тогда как текстовой документ всегда возникает с некоторой задержкой в фиксации такой действительности. Говоря об этом, мы сознательно исключаем рассуждения о достоверности фиксации такой действительности и в том, и в другом случаях.

Важно иное. Разрабатывая и реализуя модель публикации визуальных источников, если такая публикация не име-

ет иллюстративной разновидности, а претендует на тематический тип, археограф сталкивается с гораздо большими трудностями в раскрытии проблематики темы публикации визуальных источников.

Покажем это на нескольких примерах.

Уже само заглавие публикации «Фотографическая история. 1840–1950»¹³ вызывает недоумение неясностью ее проблематики. Правда, подзаголовок одной из статей этого издания, написанной И. Чмыревой, обещает нам продемонстрировать «произведения русских и иностранных фотографов». Однако уже первый абзац этой статьи запутывает читателя. Автор, играя словами, пишет: «История в фотографиях. История фотографии. История с фотографиями. Игра двух слов, история и фотография, создает множество уровней понимания. Исходный текст пьесы в театре каждый режиссер трансформирует по-своему, но остается присутствие двух исходных величин: Истории и Фотографии, остальное – палимпсест интерпретаций» (с. 27). Из этого рассуждения невозможно понять, какую цель поставили перед собой составители публикации. Если все же фотограф – своего рода театральный режиссер, по своему прочитывающий время, то почему «исходными величинами» объявляются история и фотография, т. е. все же отражение в фотографии времени, прошлого? Это же противоречие мы обнаруживаем и в статье Т. М. Горяевой, символично названной «В наших руках – время». В самом ее тексте автор предлагает читателю «фотопутешествие в прошлое» и одновременно говорит о важном значении фотодокументов в воспитании художественного вкуса и научению «видеть красоту нашего мира» (с. 21). Конечно, фотокинодокумент как исторический источник может обеспечить и путешествие по времени, и воспитание художественного вкуса. Но далеко не всегда он мо-

¹³ Фотографическая история. 1840-1950. Из фондов Российского государственного архива литературы и искусства. М., 2013. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

жет формировать настоящий художественный вкус, а в наше время даже иногда и наоборот.

Вот эта неопределенность понимания составителями модели документальной публикации отразилась на составе вошедших в нее документов. В обеих сопроводительных статьях нет даже намека на критерии их отбора. Правда, два критерия обозначены в названии публикации – это история России в 1840–1950 годах и это документальная фотосреда фондов исключительно РГАЛИ. Но ведь из этой документальной среды составители проводили отбор по каким-то признакам. В статье И. Чмыревой нам обещан большой круг проблем, который раскрывает сборник, начиная от отмены крепостного права и кончая сталинскими репрессиями. Однако его содержание разочаровывает, не подтверждая обещанного. В самом деле, разве можно признать хоть как-то раскрытой тему крестьянской жизни на основе двух опубликованных здесь фотографий женщин и семьи, болеющей тифом. Или можно ли удовлетвориться раскрытием темы Русской православной церкви без фотодокументов, связанных с изъятием церковных ценностей. А Великая Отечественная война в публикации не обозначена даже ассоциативно – ни единого документа.

Более или менее удачно «фотографическая история» страны передана через выразительную галерею портретов людей и фотофиксацию преимущественно истории художественных процессов. Найдем мы здесь и яркие образцы различных стилей, жанров художественной и документальной фотографии.

Совсем иначе реализована проблемная часть модели в автономной разновидности представительского типа документальной публикации «В объективе война. 1941–1945»¹⁴, основанная на фотодокументах РГАКФД. Ее основные те-

¹⁴ В объективе война. 1941–1945. Фотографии советских и иностранных корреспондентов из собрания Российского государственного архива кинофотодокументов. СПб., 2009.

матические разделы («Блицкриг», «В противостоянии: 1942--1943», «Фронтовые будни», «На оккупированной земле», «На Запад») адекватно ориентируют читателя на восприятие основных событий и явлений истории Великой Отечественной войны

Зная исход войны и рассматривая эти и другие фотодокументы, легко пофантазировать и обнаружить в них на самом деле не существующую символику. Но в этом и проявляется одна из особенностей фотодокументов как исторических источников. Фиксируя мир событий, природы, вещей, действий в их реальном состоянии, они одновременно вольно или невольно придают им образность, которая является сестрой символического.

Тематическую разновидность представительского типа публикаций фотодокументов рассмотрим на примере трехтомного издания «Челябинская область в фотографиях»¹⁵. Перед нами, пусть и пунктирно, проходит история региона на протяжении почти столетия. Например, первый том включил документы по восьми разделам: «На границе со Степью», «Опорные города державы», «Челябинск. Новая ступень», «Дорога к Океану», «В поисках «Земли обетованной», «Конец мирной жизни», «У пьедестала свободы», «К будущему — через пламя». В своем подавляющем большинстве названия этих в высшей степени пафосных разделов имеют лишь отдаленное отношение к содержанию помещенных в них документов. Пожалуй, лишь фотодокументы раздела «Опорные города державы» соответствуют его названию. Впрочем, не будем в нашей критике в адрес этой публикации слишком строги к названиям ее тематических разделов — фотопубликации рассчитаны среди прочего на эмоциональное восприятие ушедшего времени и составители, учитывая это, вправе быть менее академичными.

¹⁵ Челябинская область в фотографиях. Т. 1-3. Челябинск, 2001-2005.

В публикации «Российская империя накануне крушения»¹⁶ тематические разделы публикации по крайней мере ориентируют читателя в проблематике, которой руководствовались составители при первичном отборе документов. Таких разделов оказалось 5: «Лицо империи: власть и могущество», «Москва — Петербург: столичные будни», «Православные святые государства», «Портрет провинциальной России», «Окраины Российской империи». Можно, конечно, поспорить с тем, насколько такая проблематика способна адекватно показать состояние Российской империи накануне ее крушения. Например, трудно согласиться с тем, что публикация обошла вниманием хорошо фотодокументированные факты 1905—1907 годов. И уж совсем странно выглядит отсутствие фотодокументов об участии России в Первой мировой войне, также прекрасно документированной на всех уровнях и во многих проявлениях этого события, сыгравшего главную роль в крушении империи.

Однако не будем в этой части излишне строги. Художественная выразительность визуальных источников часто совершенно неожиданно расширяет и углубляет проблематику их документальной публикации.

Раздел первый демонстрирует нам не богатство России, а роскошь жизни ее правящей помещичье-буржуазной и бюрократической элиты. Характерен портрет председателя III и IV Государственных Дум М. В. Родзянко. Он поражает самодовольством и упоением властью, а заодно золотой цепочкой карманных часов из-под приоткрытой небрежным жестом левой руки полы сюртука демонстрирует нам еще одну составляющую силу Российской империи — богатство ее правящего слоя.

Публикация показывает нам милитаризацию жизни империи. Из 118 помещенных в этом разделе фотодокументов

¹⁶ Шелаев Ю. Б., Шелаева Е. П. Российская империя накануне крушения. Альбом. СПб., 2014.

более половины (68) фиксируют нам события, портреты и жанровые ситуации с присутствием людей в военных мундирах. И это не в военное время, а в мирные годы. Неужто это было состоянием души и смыслом жизни правящей элиты страны? И ведь скорее всего так и было и привело к тому, что и форма, отражавшая содержание, и само содержание в конце концов соединились, чтобы дать старт Первой мировой войне.

Последний документ этого раздела случайно, но символично перекликается с первым. На нем императорская семья участвует в торжествах в Московском Кремле по случаю 300-летия династии Романовых. Наследник престола находится на руках у здорового дядьки — не потому, что болен, а для того, чтобы хорошо видеть происходящее. Глядя на снимок, осознаешь его, конечно же, случайную символику: наследник престола всего через четыре года уже никогда не проедет через главные ворота Зимнего дворца, изображенные на первой фотографии этого раздела.

Второй раздел публикации открывается прекрасной панорамой Москвы с Воробьевых гор, которая как бы приглашает посмотреть на город поближе, с ее улиц и площадей. А тут перед нами предстает Москва извозчицья, отчаянно и бесперспективно борющаяся с московской конкой и первыми трамваями, Москва торговая с ее рынками, базарами и ярмарками, строгими и деловыми купцами, старательно распивающими чай, Москва трудовая с выразительными портретами сапожников, маляров, плотников. Она демонстрирует свою благотворительность, гордится своими выдающимися гражданами И. В. Склифосовским и Н. Е. Жуковским, старинными храмами и, конечно же, Московским Кремлем в его многообразных видах.

Случайно или в соответствии с жизненными реалиями Москве словно бы ненавязчиво оппонирует Санкт-Петербург. Он показывает свой прогресс перед старой столицей не только трамваями, но и автомобилями, газовой резкой

металлов, зданием Пассажа, разукрашенным баннерами 14 банков, фирм, компаний. Санкт-Петербург спорит с Москвой числом и красотой своих храмов, веротерпимостью, современными ночлежками для бедных, комфортными условиями содержания заключенных в женских тюрьмах, своими выдающимися жителями В. М. Бехтеревым, Д. И. Менделеевым, И. П. Павловым. Вообще, утверждает Санкт-Петербург на фотографиях, он город «на воде», т. е. на реке и море, тогда как Москва всего лишь город «на реке». Все новое и прогрессивное идет по стране из ее столицы. И, как гвоздь, подтверждающий это, последняя фотография раздела — «французский» бокс, соперники в котором используют не только руки, но и ноги в борьбе друг с другом ради удовольствия петербургской элиты.

Третий раздел публикации застывшему благополучию жизни, зафиксированной в первом разделе, и динамизму жизни раздела второго, предлагает пышный, суровый, страдальческий, поразительный по красоте мир жизни Русской православной церкви.

Красота — это изумительные по архитектуре виды храмов и монастырей, интерьеры для торжественных молебнов, величественные крестные ходы. Невольно возникает вопрос: кто, почему и как построил такую красоту, сплетенную с природой. И, кажется, что можно найти ответ на этот вопрос, глядя на опубликованные фотодокументы раздела: красота православных храмов — это мечта о жизни ведомой, но недоступной, это протест против жизни реальной, это надежда на лучшее.

Суровость — это монашеское добровольное отграничение от мира, которое при особо твердом состоянии духа превращалось в отшельничество. А оно в свою очередь, пусть не всегда, рождало дар пророчества и облегчения, а то и избавления от страданий. Поэтому-то фотопортреты схимников, опубликованные в книге, независимо от их художественной ценности, всегда являются образами для нас, сегодняшних.

Мы узнаем этот мир суровости и аскетизма по опубликованным фотодокументам и не можем им не только не удивиться, но и не уважать его.

Мир страдания в публикации предстает перед нами как мир утешения и поиска, с одной стороны, и как мир реальной надежды, с другой. Мир утешения и поиска в публикации — это прежде всего персонажи странников. Странник — это не нищий, т. е. это не экономическая категория. Странник — это душевное состояние человека, однажды понуждающее его отправиться к православным святыням, чтобы не искать, а найти там ответы на вопросы о несовершенстве мира и человека и способах преодоления этого несовершенства.

Сильная и волнительная струна этого поиска, ответы на вопросы которого со стороны церкви уже явно не могли удовлетворить страждущих, отчетливо видна из опубликованных в разделе фотодокументов. Нередко этот духовный поиск соседствовал с надеждой на избавление от физических страданий. И церковь поддерживала эту надежду своими чудотворными иконами и старцами-психотерапевтами, пока успешно конкурируя с только становящимся на ноги земским здравоохранением. О том, насколько сильна была эта надежда на церковь у больных и калек, свидетельствует потрясающая фотография на с. 240–241. На ней зафиксированы «больные и увечные богомольцы», подходящие к Свято-Успенской Саровской пустыни летом 1903 г. Этот фотодокумент носит явно постановочный характер, о чем свидетельствуют пешие и конные полицейские, отсекающие основную массу богомольцев от ее первого ряда. Но эта постановка сделана исключительно ради удобства фотографирования. Перед нами — прошедшие длинный пеший путь усталые, хромяе, глухие, слепые люди. Точка их надежд, а значит, возможного разрешения своих болезней уже совсем близка. Их лица устремлены к этой точке, они хотят быть первыми в ней, чтобы искупить лишения жизни и долгого пути чудесным исцелением. Только эта фотография могла бы украсить весь раздел,

но их совокупность тем более свидетельствует, что одна из проблем публикации раскрыта успешно и убедительно.

Вполне содержательным можно признать и четвертый раздел. Здесь показаны природные и архитектурные красоты провинциальной России, дворянский усадебный быт, становление индустриальной мощи страны, распространение образования, труд в его разных проявлениях, начиная от бурлаков на Ладоге и кончая сельским трудом. В последнем случае интересным и символичным оказался фотодокумент, опубликованный на с. 334—335 — молотьба в дворянском имении с использованием паровой молотилки.

Нам показался наиболее слабым пятый раздел публикации, оказавшийся вымученным и всего лишь преимущественно этнографическим, а не ситуационным и событийным. Хотя обычные и праздничные одежды, лица народов Российской империи, особенно редчайших национальностей, и впечатляют, раздел статичен и формален.

Оценивая в целом содержание публикации, невольно задаешь себе вопросы и о причинах ухода в небытие российской правящей элиты после крушения империи, и о разрушении создававшегося столетиями ее сословно — имущественного слоя, а также духовного, архитектурного богатства. И тот факт, что публикация подталкивает к таким и другим мыслям, говорит о том, что ее составители поработали не напрасно.

Такая визуальная информация определяет содержательный элемент модели документальной публикации визуальных источников. Красноречивым позитивным примером этого элемента модели является публикация «Военная летопись России в фотографиях»¹⁷. Он впечатляет. Читателю предлагаются разделы, фотодокументы которых должны показать Кавказскую войну 1817—1864 годов, Крымскую

¹⁷ Военная летопись России в фотографиях. 1850-е - 2000-е. Альбом. М., 2009.

войну, военные походы в Среднюю Азию второй половины XIX в., Русско-турецкую войну 1877—1878 годов, Русско-японскую войну 1904—1905 годов, Первую мировую, Гражданскую войны, вооруженные конфликты СССР в 1929—1940 годах, Великую Отечественную войну, вооруженные конфликты во время «холодной войны», вооруженные операции России на Северном Кавказе, участие России в миротворческих операциях 1991—2008 годов и т. д.

Итак, перед нами без какого-либо преувеличение обещающие предложить не просто по-своему уникальный, но еще и грандиозный проект. Чтобы понять его исполнение, нам придется привлечь и специальные методы анализа. Для начала используем статистический метод.

№ раздела/годы	Характер информации фотодокументов и их количество					Всего
	Ситуационный	Портретный	Видовой	Предметный	Событийный	
№1/ 1817-1909 гг.	16	47	11	2	3	79
№2/1899/1913 гг.	30	18	10	6	2	66
№3/1914-1918 гг.	38	24	3	7	3	75
№4/ 1917-1922 гг.	36	20	4	1	5	66
№5/1929-1940 гг.	42	15	12	10	5	84
№6/ 1941-1945 гг.	88	9	13	11	8	129
№7/1946-1991 гг.	45	8	17	15	2	87
№8/1994-2009 гг.	18	4	4	1	Нет	27
№9/1991-2008 гг.	14	7	1	1	1	24
ИТОГО:	327	152	75	54	29	637

Из этой таблицы мы видим, что количество фотодокументов публикации приблизительно одинаково по 7 временным периодам, колеблясь от 66 до 87. Одновременно мы видим два временных периода, по одному из которых число опубликованных документов наивысшее (период Великой Отечественной войны) и наименьшее (1991–2009 годы). Понятен максимум документов (129) – он связан с самой большой войной, которую вела Россия и СССР за все время своей истории. И трудно объяснить минимум документов (51), относящийся к боевым действиям во время массового фотодокументирования, когда каждый участник боевых действий имел возможность личного фотодокументирования, не говоря уже об официальном документировании.

Далее обратим внимание на характер информации опубликованных фотодокументов. Подавляющее их число (327) дает нам информацию ситуационного порядка. Далее следуют фотодокументы портретного (152), видового (75), предметного (54) и событийного (29) характера. Показательно, что в целом такое соотношение присутствует и внутри каждого раздела публикации. Из этого ряда выпадает лишь первый раздел, в котором фотодокументы портретного характера превосходят все другие группы, в том числе группу фотодокументов ситуационного характера. Вероятно объяснение этому следует искать в том, что вторая половина XIX – начало XX в. было временем всего лишь становления репортажного фотодокументирования, требующего работы «в поле» и соответствующей удобной для такой работы техники. Публикация отразила эту реальность, восполнив недостаток других информационных групп, портретным рядом, как правило, создававшимся в стационарных условиях.

Таким образом, составители публикации представили нам некую информационную модель своего продукта с определенным соотношением разной по характеру информации. В сопроводительных статьях к публикации об этом не сказано ни слова – составители традиционно о критери-

ях отбора фотодокументов молчат. Но наш статистический анализ показывает, что они, скорее всего невольно, эти критерии использовали, сделав основной упор на фотодокументы ситуационного и портретного характера. При этом в последнем случае они постепенно от помещения фотопортретов известных людей перешли к фотопортретам людей, условно говоря, рядовых. Поэтому фотопортретный ряд публикации — это, грубо говоря, не «иконостас», всегда раздражающий своей привычностью, а действительно галерея людей на войне. Иначе говоря, за исключением двух последних разделов, мы должны признать вполне удачным и репрезентативным отбор фотодокументов для этой публикации.

Итак, научный позитив рассматриваемой документальной публикации очевиден.

Эта публикация визуальных документов РГАКФД вместе с документальной публикацией «Иркутск на почтовых открытках» в нашем понимании есть ничто иное как попытки перехода от представительского типа публикаций визуальных документов к их публикации академического типа, главный смысл которого заключается в представлении визуальных документов как самостоятельных документальных источников

Проблематика модели документальной публикации «Великая война. 1914—1918»¹⁸ как и в предшествующем случае поддается статистическому анализу. По относительно условным подсчетам ее первый том включил 187 кинофотодокументов видового характера, 141 — ситуационного, 98 — портретного, 27 — событийного и 34 — смешанного. Всего 487 документов. Второй том составили соответственно 166 кинофотодокументов видового, 138 портретного, 111 ситуационного, 43 смешанного и 21 событийного характера.

¹⁸ Великая война 1914-1918. Кинофотохроника. Т.1. СПб., 2014; Т.2. СПб., 2015. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

Всего 475 документов. Напомним, что под видовым кинофотодокументом мы понимаем фиксацию любого вида, предмета без присутствия людей или с их присутствием на заднем плане (здания и другие сооружения, общие планы сражений, оружие, техника и т. д.). Под портретным кинофотодокументом мы понимаем специальную фиксацию человека или группы лиц, сознательно позирующих перед объективом, либо выразительную фиксацию человека или группы лиц, без их сознательного позирования. Под событийным кинофотодокументом подразумевается фиксация действий исторически значимых лиц, точно идентифицированных фактов прошлого. Под ситуационным кинофотодокументом имеется в виду фиксация постановочного или независимого от автора кинофотодокумента действия человека или группы лиц. И, наконец, под смешанным кинофотодокументом подразумевается кинофотодокумент, в котором трудно выделить преобладающий характер визуальной информации, когда, например, портрет сочетается с ситуацией, ситуация — с видом, вид — с событием и т. д.

Наши последние пояснения не случайны. Они могут служить основой для определения информационной значимости рассматриваемой документальной публикации. В ее двух томах помещено 353 видовых, 252 ситуационных, 236 портретных, 77 смешанных и 48 событийных кинофотодокументов. В этой статистике прежде всего обращает на себя внимание незначительное число событийных кинофотодокументов и подавляющее преобладание над всеми другими группами видовых кинофотодокументов. Разумеется, современному читателю и зрителю интересны изображения кораблей, пушек, могил, переправ, взрывающихся снарядов. Важны и даже сегодня могут быть практически полезны виды зданий и сооружений, особенно не сохранившихся. Но все же фиксация событий для историка выглядит предпочтительней, а их, как мы могли убедиться, явное меньшинство как в первом, так и во втором томах. Отражает ли это

обстоятельство положение с сохранившимся комплексом кинофото документов, или стало результатом отбора составителями, мы сказать не можем, т. к. составители не сообщили нам критериев отбора и не предложили общей характеристики выявленных документов.

Публикацию вырывают группы документов ситуационного и портретного характера, которых оказалось 588, т. е. больше половины от всех вошедших в сборник кинофото документов. И тут война предстает перед нами в подлинном виде – как беда, когда видишь раненых и пленных (напр., 1, №№ 90, 184), как трагедия погибших (напр. 1, № 15), как тяжкий труд при дальних переходах (напр. 1, № 17, рытье окопов и траншей (напр. 1, № 238), наконец, как огромный механизм, все более и более втягивающий в свою работу для войны людей и институции разных стран и народов. Повседневность войны, привычность действий прямо причастных к ним людей, их поразительная изобретательность рождает уважение, восторг и одновременно тревогу перед желанием победить с помощью изумляющих воображение машин смерти.

Информационно значима и портретная галерея отдельных лиц и их групп. Независимо от принадлежности к воюющей стороне съемки 1914 г. демонстрируют не просто оптимизм или веру в победу, но даже радость от происходящего (напр. 1, №№ 2, 10). Помешательство торжествовало свое превосходство над здравым смыслом. Но вот кинофото документы 1915 г. запечатлели уже иные лики людей. Они сдерживают свои чувства, в них сквозит напряженность и тревожное ожидание (напр., 1, №№ 226, 233). А в 1917 г. лица российских воинов уже полны злобы и презрения (напр., 2, №№ 32, 37). Ушли в прошлое их военная выправка, боевитость, совсем даже неплохая амуниция. Вместо этого – помятые картузы и расстегнутые шинели, вагоны, забитые дезертирами (напр., 2, № 46).

Конечно, можно было бы поговорить об информационном раскрытии кинофотодокументами каждого раздела рецензируемой публикации, отразивших, по замыслу составителей, ее проблематику («Медицина, милосердие и благотворительность», «Окопная» жизнь», «Война на море», «Машины для убийства. Техника и вооружение в 1914–1918 годах», «Тыл в годы войны», «Военнопленные Великой войны», «Герои Великой войны», «Военные мемориалы Первой мировой» и др.). За исключением двух последних разделов соотношение характера информации кинофото документов приблизительно соответствует их соотношению в рамках всей документальной публикации, что означает лишь относительную полноту раскрытия содержания каждого раздела. Зато документы двух последних разделов почти со стопроцентной полнотой раскрывают их содержание. Кстати говоря, именно эти два раздела дают значительный прирост в публикации в целом кинофото документов видового и портретного характера.

В российских архивах сохранился значительный массив писем граждан во власть и в СМИ за XX в. Каковы его количественный, региональный, предметный разрезы, социальные портреты авторов, последствия поставленных в письмах вопросов, да еще их временная динамика — ответить на эти и связанные с ними другие вопросы сегодня никто не в состоянии. Для этого необходим соответствующий общероссийский или хотя бы несколько региональных проектов.

К настоящему времени мы имеем несколько попыток приблизиться к реализации такого проекта (проектов).

В ряду первых из них можно назвать книгу «Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.»¹⁹.

¹⁹ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998.

В повидовых документальных публикациях проблематика их моделей раскрывается как бы независимо от воли археографов. Она определяется лишь их намерениями опубликовать тот или иной видовой комплекс документальных источников. Он, конечно же, всегда имеет также определенные тематические параметры. Например, переписка историков Е.Н. Кушевой и Б.А. Романова²⁰ тематически задана их профессией, поэтому здесь мы видим проблематику, связанную с послевоенной историей советской исторической науки. Переписка Романова и Кушевой — это два пласта документальной информации — личный и научный. В ней на чисто отсутствует, или пробивается лишь намеками третий пласт — видение современности, жизни в которой они живут. Так и хочется ожидать, что вот-вот в очередном письме корреспондентов, скажем, 1949 г. мы что-то узнаем об их мнении о борьбе с «космополитизмом», в мартовских и апрельских письмах 1953 и 1956 гг. — размышления о смерти Сталина или XX съезде КПСС. И — почти ни слова об этих эпохальных событиях, тем более о других, проистекавших из них, в переписке мы не встретим. Только лишь однажды горько вскрикнет Романов в 1949 г.: «сколько злобы накопилось над нами и, в сущности, чем скорее мы истребимся, тем лучше будет для страны» (с. 79). И только однажды, в середине марта 1953 г. Кушева сурово-официально напишет своему корреспонденту: «В такой степени была выбита из колеи последними серьезными и тяжелыми событиями, что я до сих пор не отозвалась на Ваше письмо...» (с. 287).

Завершая эту главу, отметим, что трансляция документальной исторической памяти есть ничто иное как ответ на ее многочисленные общественные запросы. В этом процессе архивный документ вновь трансформирует свою ценность в совсем иную полезность — в способность обеспечи-

²⁰ Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов: Переписка 1940-1957 годов. СПб., 2010.

вать самопознание общества в интересующей и необходимой ему ретроспективе. Такая трансляция встречает немало сложностей объективного и субъективного характера, но в конечном счете она оправдывает формирование и сохранение документальной исторической памяти, воплощенной в архивных документах и сберегаемой в разных типах и видах архивов.

Предложенная типология документальных публикаций и рассмотрение их разных моделей имеют не только познавательный интерес. Открывая формальную возможность охарактеризовать любую документальную публикации, они одновременно позволяют дать общее представление об источниковой значимости раскрытия ее проблематики. Однако в конечном итоге сама модель документальной публикации и ее реализация зависят от соблюдения ряда важнейших требований, к рассмотрению которых мы и перейдем в следующей главе.

ГЛАВА 4

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

ЗНАЧЕНИЕ любой документальной публикации в трансляции документальной памяти, ее место в формировании документальной источниковой базы, доверие к ней, связаны с ответами на вопросы о полноте, точности и беспристрастии раскрытия ее проблематики. В предшествующих главах мы постарались показать, что приступом к такой оценке являются определенные типологические признаки документальной публикации, позволяющие формально установить ее полезность и ценность в познании прошлого. Полезность и ценность документальной публикации определяются ее моделью.

О модели документальной публикации и заданном поиске для нее документов как первых двух этапах ее подготовки мы также говорили в предшествующих главах. В настоящей главе речь пойдет о последующих этапах реализации такой модели, связанных с фильтрацией документов для документальной публикации, их систематизацией в ней, передачей текста, конвоированием документов и созданием сигнальной системы документальной публикации.

Вместе с тем в условиях интенсивного освоения в последние десятилетия ранее недоступных документальных

комплексов и неизвестных документальных систем официального документирования, существовавшего в России и СССР в XX в. (партийной, служб охраны порядка и безопасности, карательной и др.), а также, как теперь становится все более известно, продолжавшегося и в XX в. неофициального документирования, традиции которого восходят в России к XVIII – XIX векам, имеется потребность проанализировать одну из сторон этого важного современного историографического процесса, связанную с подготовкой документальных публикаций, прежде всего по отечественной истории XX в. Что и как издается, насколько научно подаются документальные исторические тексты, комментарии к их отбору, воспроизведения текстов, комментирование и другого археографического сопровождения? Иначе говоря, насколько можно верить документальным публикациям последних двух десятилетий, насколько можно доверять им, не проводя собственных архивных разысканий, при подготовке исторических исследований? Об этом также пойдет речь в настоящей главе.

Документ в документальной публикации. Благодаря документальной публикации прежде всего происходит возбуждение документа, т. е. он демонстрирует свою актуальность в качестве документального исторического источника или носителя важной для практических нужд современной жизни информации, одновременно и в этом случае выступая в качестве исторического источника. Классическим примером последнего может служить документальная публикация «Иркутск на почтовых открытках»¹. Почтовые открытки, помещенные в этом издании, воссоздают исторические виды Иркутска на протяжении 1897–1917 гг., и вместе с тем являются ценнейшими документами при реставрации сохранившихся конкретных зданий города. Другим примером

¹ Медведев С. Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917. Историко-библиографический альбом-каталог. М., 1996.

является многотомное документальное издание «Полное собрание законов» Российской империи, готовившееся как оперативная документальная публикация, ныне утратившая свою полезность, но сохранившая ценность как собрание законодательных источников по истории Российской империи.

Во-вторых, на основе определенных критериев оценки документ выделяется из совокупности других документов или их системы в качестве особо значимого. Кроме того, он персонифицируется элементами конвоя, в частности самозаголовком или заголовком, даваемым ему публикатором.

В-третьих, документ в подавляющем большинстве случаев переходит из одной документной системы (архивного фонда, архивной коллекции, а также системы книжной, журнальной, газетной, файловой, если ранее уже был опубликован) в другую — систему документов документальной публикации, а также ее конвоя и сигнальной системы. Этот запрограммированный и неизбежный переход сопровождается, с одной стороны, потерей документом некоторых своих информационных свойств, поскольку он вырывается очень часто из естественно сложившейся документной системы, утрачивает связь с другими находящимися в ней документами. Например, повестки дня заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б), помещенные в документальной публикации «Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б)»², были извлечены из протоколов соответствующих заседаний, содержавших, главным образом, не только решения по тем или иным вопросам, но и подготовительные материалы по каждому вопросу в виде приложений к протоколам. В отрыве от решений и приложений протоколов повестки дня как бы «провисают», становятся изолированными от других, подчас не менее важных документов.

² Политбюро ЦК РКП(б) - ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. М., 2000; Т. 2. М., 2001; Т. 3. М., 2001. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

Однако, вливаясь в систему документов документальной публикации, всегда строго и особо упорядоченную и подчиненную проблематике документальной публикации, сопровождаясь конвоем, документ может раскрыть новые информационные возможности — как свои, ранее скрытые, «связанные», так и других документов, входящих в документальную публикацию. Те же самые повестки дня Политбюро ЦК РКПб) — ВКП(б), извлеченные из протокольной документальной системы Политбюро и включенные в систему документальной публикации, приобрели дополнительные информационные свойства, а именно раскрыли характер воздействия этого партийного органа на факты, события, явления, процессы российской и советской истории.

В-четвертых, документ в документальной публикации часто демонстрирует многостадийность своего возникновения, т. е. предстает в обрамлении вариантов и редакций, возникших в процессе его создания. Это дает пользователю новый информационный пласт, позволяющий глубже проникнуть в замысел автора документа при его подготовке, а значит, получить дополнительную информацию о документальном факте, событии, явлении, процессе прошлого.

В-пятых, документ в документальной публикации раскрывает все перипетии второй — оперативной фазы своего бытования. Всевозможные пометы, резолюции, зафиксированные на нем, представляют подчас чрезвычайно важный информационный ряд, в том числе позволяя определить диффузный пучок документов, т. е. документы, созданные в результате исполнения инициативного документа.

В-шестых, документ в документальной публикации благодаря конвою и в первую очередь заголовку, указанию на место хранения его копий или дубликатов с соответствующими резолюциями обретает признаки особой упорядоченности. Она связана прежде всего с усилением коммуникативности документа, в результате чего понимание его содержания пользователем документальной публикации прибли-

жается к тому пониманию, которое предусматривал автор документа при его создании.

В-седьмых, документ в документальной публикации получает наивысшую степень публичности: становится свободным, равнодоступным для интерпретаций, источниковедческого анализа и исторического исследования. Зафиксировав факт, событие, явление, процесс прошлого, он сам становится фактом этого прошлого и одновременно, с момента его опубликования, — фактом настоящего мгновения бытия. Начинается сложное взаимодействие документа с общественным сознанием, на рассмотрении которого мы остановимся в главе 5.

Основные проблемы трансляции документальной памяти в документальной публикации. Возбуждение или актуализация, синтез, генерация, упорядоченность документального источника в документальной публикации и реализация ее модели являются результатом разрешения ряда важнейших проблем, приводящих к обнародованию документального источника в документальной публикации.

Такое обнародование связано с соблюдением принципа необходимого и достаточного при реализации модели документальной публикации, о котором в общих чертах мы говорили в главе 1.

Этот принцип проявляет себя в пяти важнейших блоках любой документальной публикации: фильтрация документов, их систематизация внутри документальной публикации, воспроизведение их текстов, их конвоирование и разработка сигнальной системы.

Необходимое и достаточное при фильтрации документов для документальной публикации определяется в первую очередь типом документальной публикации, а он диктует выбор для нее документальных отложений и отбор из документальной среды подготовки документальной публикации наиболее информационно значимых для раскрытия ее проблематики документов.

При подготовке пофондовой документальной публикации необходимое и достаточное в отборе для нее документальных источников полностью совпадает с документальными отложениями. Заданная модель пофондовой документальной публикации определяется только одним – сохранностью документов архивного фонда. В этом случае никакого отбора быть не может: состав документов документальной публикации изначально определяется ее моделью.

При подготовке повидовой документальной публикации ее модель также исключает какой-либо отбор документальных источников из документальных отложений: публикуются либо документы одного вида и одного происхождения, например, официальные протоколы какого-то юридического лица или письма физического лица, либо один документ юридического или физического лица, например, отчет, обзор, доклад, дневник, мемуары. И в этом случае никакого отбора не происходит: повидовая модель документальной публикации полностью совпадает с документальными отложениями и с необходимым и достаточным предоставлением в публикации документальных источников. Но не всегда. Для повидовой тематической документальной публикации, тем более имеющей дело с массовой документацией, критерии их включения в документальную публикацию обязательны не менее чем при подготовке тематической публикации.

Проблемность отбора необходимого и достаточного количества и видов документальных источников из документальных отложений возникает при реализации тематической модели документальной публикации.

Любая модель тематической документальной публикации определяется через три параметра: тема, хронология и география. Два последних из них ограничивают документальные отложения, из которых может осуществляться выявление документальных источников и их отбор из сформир-

рованной документальной среды подготовки документальной публикации.

Проблемность в этом случае связана с самим отбором из документальной среды документальных источников в соответствии с проблематикой документальной публикации. Их необходимое и достаточное количество, во-первых, должно убедительно свидетельствовать о том, что каждая проблема тематической документальной публикации освещена полно и, во-вторых, каждый новый документальный источник в ее освещение ничего нового не добавляет. Иначе говоря, в данном случае необходимое и достаточное есть ничто иное как обоснованный предел отобранных документальных источников – не меньше и не больше для изучения той или иной проблемы.

Реализация принципа необходимого и достаточного при отборе документальных источников для документальной публикации осуществляется с помощью общепринятых критериев. Ниже мы не раз будем говорить о том, что в большинстве современных документальных публикаций формулировок таких критериев не имеется, чаще всего они подменяются перечислением их проблематик. Но перечисление проблематики документальной публикации есть ничто иное как ограничение ее тематической заданности – такое же как географическое или хронологическое. Далее мы специально остановимся на критериях отбора документов для документальной публикации.

Соблюдение принципа необходимого и достаточного важно и при стабилизации документального источника в документальной публикации, т. е. при их систематизации внутри ее. В данном случае смысл этого принципа заключается в том, чтобы, во-первых, обеспечить определенную логическую упорядоченность документальных источников, включенных в документальную публикацию, и, во-вторых, усилить ее коммуникативность.

Необходимое и достаточное при воспроизведении текстов документальных источников проходит, во-первых, по линии разумного сохранения важных особенностей текста, имеющих самостоятельное познавательное значение, и осторожных его поправок, исключающих текстовую модернизацию и разрушение текста без соответствующих оговорок. В современной археографической практике эти нормы, как правило, соблюдаются, хотя, как мы увидим ниже, имеются случаи и их игнорирования. Во-вторых, в целях доведения до пользователей однотипной информации массовых документов, касающихся важных сторон проблематики документальной публикации, допустима специальная и оговариваемая обработка такой информации и ее предоставление в табличной форме — регесте. Регестирование дает возможность представить пользователям однотипную информацию всех массовых документальных источников в любом региональном или хронологическом разрезе. Ниже мы можем убедиться в том, что в современной археографической практике регестирование как один из способов реализации необходимого и достаточного при воспроизведении текстов документальных источников практически не используется, заменяясь ничем не обоснованным выборочным воспроизведением текстов однотипных массовых документальных источников.

Необходимое и достаточное при комментировании помещенных в публикацию документальных исторических источников означает, что в процессе разработки и реализации ее модели обязательно объясняются абсолютно все их неопознанные пробелы, касающиеся упоминаемых в них лиц, фактов, событий, предметов, вышедшей из современного употребления терминологии, дается перевод текстов на иностранных языках и др. Каждое такое объяснение, во-первых, должно носить формализованный со стороны составителя характер, по возможности обходиться без цитирования других источников и специальной литературы, имею-

щих оценочные характеристики. Во-вторых, комментарий должен быть ясным и кратким, без претензий на энциклопедичность, раскрывать только суть любых неопознанных пробелов источников. Иначе говоря, комментарии должны лишь помогать читателю публикации понять тексты источников, избавить его от любых сторонних интерпретаций и оценок, оставить читателя наедине с источником. Как будет показано ниже, современная археографическая практика в этом смысле во многих случаях носит вкусовой характер и крайне небрежна, оставляя без объяснений многие неопознанные пробелы документальных источников, либо, наоборот, чрезмерно многословна и энциклопедична в их раскрытии.

Необходимое и достаточное проявляют себя и в сигнальной системе документальной публикации. Через нее публикация более эффективно демонстрирует свою коммуникативность. Элементы этой системы напрямую связаны с ее моделью. Например, публикация дневника или воспоминаний человека, много путешествовавшего в жизни и общавшегося со многими людьми, невозможна без географического и именного указателей и, наоборот, дневник или мемуары рядового человека, прожившего всю жизнь в одном месте, приобретет большую коммуникативность при наличии предметного указателя. И при публикации документов официального происхождения все такие указатели необходимы, хотя предметные указатели в современной археографической практике — вещь чрезвычайно редкая. Обычно это указатели отдельных предметов, например, фабрик и заводов, кораблей и воинских частей, колхозов и совхозов и т. д. Необходимое и достаточное в сигнальной системе документальной публикации, таким образом, связаны, во-первых, с выбором адекватных содержанию публикации ее всех элементов, во-вторых, с недопущением лакун в словниках указателей и, в третьих, с исключением подмены указателей их суррогатами, вроде «перечней» географических

наименований, встречающихся в публикации, без указания на страницы их упоминания. Как мы убедимся ниже, современная археографическая практика в части сигнальных систем документальных публикаций часто допускает разрушение принципа необходимого и достаточного в археографии в части сигнальных систем документальных публикаций.

С учетом сказанного рассмотрим действие этого принципа в отношении каждого из пяти блоков документальной публикации и его практическую реализацию в прикладной археографии последних лет.

Фильтрация документальных источников для документальной публикации. Фильтрация, т. е. отбор документальных источников из всей выявленной их совокупности для включения в документальную публикацию является главной проблемой теоретической и прикладной археографии, имеющей дело с большим массивом документов по проблематике конкретной документальной публикации. Она основывается на выработке и применении специальных критериев включения в нее документальных источников из документальной среды подготовки документальной публикации. При подготовке любой документальной публикации составители-археографы имеют дело со значительно большим объемом документальных отложений, относящихся к теме, и к проблематике документальной публикации, нежели включенных в издание. Следовательно, они все же сознательно или бессознательно использовали определенные критерии фильтрации. Анализ документальных публикаций показывает, что это действительно так.

Подавляющее число документальных публикаций последних лет в таком элементе конвоя, как археографическое предисловие, старательно обходит вопрос о критериях фильтрации, хотя во многих из них и прослеживаются попытки обосновать причины, мотивы той или иной подборки документов. К сожалению, эти критерии очень часто

подменяются характеристикой проблематики темы документальной публикации³.

О важности и обоснованности таких критериев свидетельствует добротная документальная публикация «Украинские националистические организации»⁴. К сожалению, о количестве и характере выявленных документов по теме и о критериях отбора из этой выявленной совокупности документов в ее археографическом предисловии не найдем не только каких-либо размышлений, но даже и намек на них. Читателям предлагается верить отбору документов, проведенному составителями.

Но придиричивый археограф в наше время никогда с таким подходом не согласится. Не будем говорить о неясных критериях отбора в публикации польских или германских оперативных документов об украинском национальном движении. Остановимся на документах из российских архивов. Первый документ отсюда датирован 21 сентября 1939 г. — это докладная записка Л. П. Берии И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову о мероприятиях органов НКВД в Западной Белоруссии и в Западной Украине (1, с. 80–82). Напомним, что хронология документов сборника начинается с января 1939 г. Из этого следует, что ситуация в этих регионах, а также в советской Украине руководство СССР до сентября 1939 г. не волновала, и оно ничего не делало в отношении украинского национального движения, включая территорию, отошедшую к Польше после 1921 г., не говоря уже об украинских землях в составе СССР.

Да неужто так и было? Неужели руководство СССР было столь беспечно в январе-августе 1939 г.? Ответить на эти вопросы по опубликованным источникам непросто, а истори-

³ Примеры таких подмен см. в кн.: Козлов В. П. Основы теоретической и прикладной археографии. М., 2008. С. 71–78.

⁴ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: Документы: В 2 т. Т. 1: 1939–1943. М., 2012; Т. 2: 1944–1945. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

ческое и археографическое предисловия к сборнику об этом молчат. Безмолвствуют и опубликованные повестки дня заседаний Политбюро ЦК ВКП (б). Первое отчетливое упоминание о действиях СССР в Западной Украине и Западной Белоруссии относится только к 1 октября 1939 г. В повестке дня заседания Политбюро оно звучит так: «О военнопленных» (2, с. 1086). Однако трудно представить, чтобы докладная записка Берии от 21 сентября появилась вне важных политических решений, принимавшихся Политбюро после хотя бы 1 сентября, тем более после того, как Красная Армия перешла восточные границы агонирующей Польши. С 1 по 20 сентября 1939 г. Политбюро трижды рассматривало «Вопрос НКВД» с отправлением решения по каждому из них в «Особую папку». Что это были за «вопросы»? Читателям рецензируемого сборника предложено поверить в то, что СССР с января по конец сентября 1939 г. не имел никакого отношения к украинскому национальному движению. Не верим, но не вдаваясь в дальнейшую детализацию наших размышлений, скажем, что ни историческое предисловие, ни документы не раскрывают нам политические решения руководства СССР в отношении украинского национального движения. То же самое относится и к политическим решениям Польши и Германии. И это плохо, т. к. подрывает доверие к публикации.

Понятно, что ее составителей интересовала прежде всего событийная картина происходившего. Поэтому в большинстве случаев они ограничились взглядом на нее из «мелкокопа». Получилось живо и убедительно, но только в рамках разрешающей величины прибора. Все, что происходило вне этого, осталось неизвестным. Разумеется, такая модель документальной публикации имеет свой научный и оправданный смысл, точно соответствуя ее названию. Но осадок от некоторой недоговоренности, от неполноты включенных в нее документов все же остается.

Не кажется бесспорным отбор документальных источников в последнем томе публикации ««Совершенно секретно». Лубянка – Сталину»³. В «Историко-археографическом предисловии» ни слова не говорится о критериях включения в публикацию документальных источников, хотя ее составители, разумеется, их использовали. Первый критерий очевиден – публиковались документы, которые ОГПУ регулярно направляло Сталину и его ближайшему окружению – этот критерий обозначен в самом названии документальной публикации. Хотя из публикации понять невозможно, какие из включенных в нее документов вообще посылались Сталину: расчеты рассылки, указанные в них, говорят о том, что они вращались только внутри руководящего состава ОГПУ. Более того, документы, опубликованные в 7 разделе, как и некоторые в других разделах, вообще не имеют расчета рассылки, направляясь конкретным руководителям ОГПУ. Получается, что составители проигнорировали установленный ими же самими основной критерий отбора документов – те, которые направлялись Сталину. Тогда понятна переменная достоверность многих из них: в своем корпоративном кругу можно было и пофантазировать, например, на тему «контрреволюционных организаций» в СССР. Если мы ошибаемся в нашем предположении, тогда заметим, что Сталину направлялись информации, сводки и аналитические записки, не только связанные с «контрреволюционными проявлениями», но и по более широкому кругу вопросов – экономических, организационных, советских, партийных, кадровых и т. д. Ни одного такого документа в публикации мы не встретим. Потому-то основные разделы, связанные с жизнью в 1931 г. города и деревни, эту жизнь раскрывают крайне однобоко, сводя ее в этих социальных стратах только к сопротивлению советской власти. И с большим преуве-

³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 9. 1931 г. М., 2013. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

личением такого сопротивления в неких организационных формах. Другие критерии отбора документов для читателей публикации остаются неизвестными. Например, раздел 2 («Борьба с бандитизмом») составили ежедневные спецсводки Особого отдела ОГПУ за июль-октябрь 1931 г. Опубликованы спецсводки № 44–63, 105–109, 111–115, 117–120, 123. Почему нет остальных? Они не сохранились, или по каким-то причинам составители не сочли нужным включить их в публикацию? Ответов мы не находим.

Выше мы говорили о том, что проблема фильтрации документальных источников для их публикации в той или иной степени присуща и повидовым документальным изданиям. В этом смысле характерен пример с последним томом документальной публикации «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД»⁶.

Перед нами публикация массовых документов, т. е. однотипных источников, дошедших до нас в большом числе и достаточно устойчивыми формулярами в виде спецсводок, спецзаписок, спецсообщений, докладных записок, донесений, рапортов, записок по прямому проводу, справок, бюллетеней, шифртелеграмм и просто телеграмм. Некоторые из этих видов источников отличаются от других большей степенью обобщений, другие, наоборот, носят исключительно конкретный фактологический характер. Собственно говоря, по этой причине мы можем говорить о двух группах документов, объединенных характером информации – обобщающих и конкретно-фактологических. В них больше общего, чем отличия, если сравнить их с третьей группой опубликованных здесь же документов – судебных приговоров, жалоб, обзоров содержания перлюстрированных писем и др.

⁶ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 4. 1935-1939. М., 2012. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

Такие массовые документы при их публикации требуют разрешения нескольких вопросов и первый из них — это выбор из их тысячной совокупности некоторой части. Иначе говоря, речь идет о формировании выборки документов, которая могла бы быть не случайной, а репрезентативной ко всей этой совокупности. В нашем случае такая выборка могла быть основана, во-первых, на годовой совокупности документальных источников, во-вторых, на их территориальном происхождении, в-третьих, на их видовой составляющей и, в-четвертых, на их содержательной заданности.

В практической плоскости это означает включение в публикацию, например, каждого десятого или каждого сотого документа одного вида и одной тематической заданности, созданных в каждой региональной организации НКВД в течение года и поступивших в НКВД СССР.

Возможно, составителям публикации и кому-то из читателей эти наши предложения покажутся не просто спорными, но и ошибочными. Тогда заметим, что и для повидовой тематической документальной публикации, тем более имеющей дело с массовой документацией, критерии их включения в документальную публикацию в ряде случаев обязательны не менее чем при тематической публикации. К сожалению, в археографическом предисловии рассматриваемой публикации мы не встретим даже намека на них. И хочешь не хочешь, но возникает в этой связи впечатление о субъективной иллюстративности сборника, о стремлении его составителей не к отбору, а к подбору документов.

В принципе понятен главный критерий отбора документальных источников в наиболее сложном случае — при подготовке тематической документальной публикации. Это понимание информационной значимости документа, отражившего факт, событие, явление, процесс прошлого. Он позволяет установить полноту информации документального источника для раскрытия проблематики документальной публикации. Эта полнота связана с отражением в докумен-

тальном источнике характера и сути факта, события, явления, процесса прошлого, динамики их развития, результатов и их последствий. В соответствии с этим из публикации исключаются источники с дублирующей и повторяющейся информацией. Составители тематических документальных публикаций последних лет в большинстве случаев следовали этому критерию, хотя не всегда говорили о нем в археографических предисловиях.

Однако информационная значимость документа — понятие достаточно неопределенное, а в реальном измерении оно приобретает существенный отпечаток субъективизма. Поэтому в процессе отбора документа для документальной публикации при определении его информационной значимости используются определенные формализованные критерии.

Критерий кумулятивности документа предполагает определение степени его воздействия на факт, событие, явление, процесс прошлого. Чем сильнее оказалось такое воздействие, тем более значим документ и тем больше шансов у него попасть в документальную публикацию.

Можно говорить по крайней мере о двух формальных признаках определения степени кумулятивности. Первый из них связан с установлением объема *диффузного пучка документов*, т. е. массива документов, возникших под воздействием документа с более высокой степенью кумулятивности и проникших в различные документальные отложения. Вторым признаком кумулятивности документа обусловлен его принадлежностью к категории *быстрых документов*, т. е. документов, исполнение которых должно быть оперативным и особо ответственным.

Любопытно, что этот критерий отбора находит свое применение и в качестве критерия выбора текста документа для документальной публикации, применительно к документам, сохранившимся лишь в списках. Например, в правилах издания средневековых латинских документов, по словам

С. М. Каштанова, «проводится мысль, что следует публиковать текст, имевший наибольшее распространение». Самому С. М. Каштанову такая норма кажется «расплывчатой и неясной»⁷, нам же она представляется вполне обоснованной: наиболее распространенный вариант или список недошедшего подлинника свидетельствует и о его большем, чем другие варианты и списки, воздействии на реальные процессы действительности, а значит, для их изучения он и представляет первоочередной интерес при подготовке документальной публикации.

Документальные публикации последних лет свидетельствуют о том, что их составители широко использовали критерий кумулятивности при фильтрации документов. В публикациях по истории СССР решения Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, СНК (СМ) СССР составляют ядро их подавляющего большинства. Так, составители публикации «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года» включение в нее документов ЦК КПСС объясняют тем, что они позволяют дополнить картину событий новыми существенными фактами и сведениями, подтверждающими или опровергающими «существовавшие ранее гипотезы — в первую очередь относительно роли советского фактора на различных этапах развития событий»⁸.

Рассмотрим применение этого критерия в публикации «Голод в СССР»⁹. В архивах России, в архивах других республик бывшего СССР сохранились миллионы документов, отразивших голод в СССР в начале 30-х годов прошлого века в разных регионах большой страны. Имеется едва ли не подневная фиксация событий в документах органов НКВД

⁷ Каштанов С. М. *Актовая археография*. М., 1998. С. 72-73.

⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года: *Документы*. М., 1998. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

⁹ Голод в СССР. 1929-1934. Т. 1. 1929 - июль 1932. М., 2011; Т. 2. Июль 1932 - июль 1933. М., 2012; Т. 3. Лето 1933 - 1934. М., 2013. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

СССР, сохранились все документы, связанные с разработкой и принятием политических и организационных решений верховного и низового партийного и государственного руководства страны, их мотивациями, часто подкрепленные аналитическими материалами. Посевные, уборочные кампании, заготовки продовольствия, экспортные операции с зерновыми и другими сельскохозяйственными продуктами, собственно голод в деревне и в городе, попытки его преодоления, статистика того или иного явления — и все это на фоне колхозного строительства, можно проследить и во временном и в региональном разрезе по архивным документам с высокой степенью детальности и полноты.

В распоряжении составителей этой документальной публикации оказалось несколько тысяч основополагающих документов о голоде, охватывающих своей проблематикой все республики бывшего СССР. Прежде всего необходимо было осуществить их формальную классификацию. В основу такой классификации был взят принцип уровня происхождения документов. Исходя из него были выделены четыре группы документальных источников.

Первая группа — это политические решения, принимавшиеся руководством страны по вопросам коллективизации, организации посевных, уборочных, хлебозаготовительных кампаний, обеспечения населения продовольствием, экспорта и импорта продовольственных культур. Такие решения принимались исключительно структурами ВКП(б) на пленумах партии и на заседаниях Политбюро (непосредственно в ходе обсуждения и опросом, заочно), а также отдельными лидерами партии — как правило, Сталиным, реже В. М. Молотовым и Л. М. Кагановичем, либо этой тройкой совместно, и представляли собой четыре подгруппы документов по обозначенным выше вопросам: 1) стратегические решения, принимавшиеся, как правило, на год и касавшиеся всего СССР; 2) оперативные решения, корректировавшие эти стратегические решения в течение года, либо представ-

лявшие оперативное вмешательство в то или иное развитие ситуации; 3) стратегические решения, относящиеся к конкретным регионам СССР по вопросам коллективизации, организации посевных, уборочных, хлебозаготовительных кампаний, обеспечения населения конкретных регионов продовольствием, его экспорта и импорта; 4) оперативные решения, корректировавшие их, вносявшие в них организационно-административные элементы и часто выражавшиеся телеграммами на места.

Вторая группа — это документы общесоюзных органов и организаций, отразивших выработку механизмов реализации принятых политических решений. Во многих случаях они просто дублируют политические решения в целом или в зависимости от компетенции органа или организации в части их касающейся — конкретизируют их, содержат дополнительные административно-организационные действия. Это в первую очередь относится к документам, выходящим из СНК СССР и находящихся при нем структур, наркоматов, трестов, общественных организаций типа Колхозцентра СССР и т. д. В этой системе документирования обозначенной проблемы несколько особняком стоит документация Совета труда и обороны СССР, явно обладавшая высокой степенью самостоятельности.

Таким образом, применение критерия кумулятивности позволило включить в документальную публикацию «Голод в СССР» основополагающие источники, относящиеся к ее теме и проблематике. Решения партийного руководства в этом смысле по силе своего воздействия являются вне конкуренции с другими документами, а потому в своем подавляющем большинстве включены в документальную публикацию в качестве опорных, т. е. основных, за исключением небольшой части, носящих технологический характер, а потому использованных в комментариях к опорным документам.

Критерий кумулятивности документального источника использовался составителями публикации «Военнопленные

в СССР»¹⁰. В результате публикация включила постановления Верховного Совета и СНК СССР, приказы, директивы, распоряжения, нормативно-методические документы НКВД–МВД СССР и, к сожалению, оставила вне своего состава партийно-политическую документацию ВКП(б).

Составители публикации «Атомный проект СССР»¹¹ имели большие возможности для изучения различных документальных отложений, отразивших историю атомного проекта в СССР. Однако все, что оказалось в их распоряжении, опубликовать было невозможно.

Формально для составителей основополагающим критерием фильтрации являлся официальный характер документов. Но они не все включены в публикацию. Составители попытались конкретизировать понятие «официальный документ» за счет использования ряда критериев, которые они, впрочем, не называют, но они становятся понятными при анализе состава документов, включенных в публикацию. Это прежде всего критерий кумулятивности документа. В соответствии с ним в публикацию включены все документы, связанные с политическими и организационными решениями по атомному проекту. Более того, вопреки Указу Президента, предполагавшему публикацию только официальных документов, в серию оправданно включены и документы неофициального происхождения, степень кумулятивности которых в истории создания атомного оружия оказалась чрезвычайно высокой. В первом томе, например, опубликованы докладные записки ряда ученых страны в ЦК ВКП(б), сигнализовавшие о силе атомной энергии и тем самым инициировавшие принятие важных решений о развертывании работ над атомным проектом.

¹⁰ Военнопленные в СССР: 1939–1956: Документы и материалы. М., 2000. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

¹¹ Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. Т. 1. 1938–1945. М., 1998; Т. 2: Атомная бомба: 1945–1954. Саров, М., 1999; Т. 3: Волородная бомба: 1945–1956. Саров, М., 2008. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

Критерий подлинности документа подразумевает включение в состав документальной публикации его оригинала. Важность применения этого критерия объясняется тем, что в процессе бытования документального источника в оперативной фазе как регулятора жизнедеятельности происходит нарушение его неприкосновенности за счет резолюций, подчеркиваний, отчеркиваний и других вмешательств. Такие нарушения неприкосновенности имеют важное источниковое значение. По существу это дополнительный к основному содержанию источника пласт информации, представляющий самостоятельный познавательный интерес.

К сожалению, археографическая практика последних лет показывает, что этот критерий фильтрации применяется при подготовке документальных публикаций далеко не всегда. Во-первых, в некоторых ситуациях автономные документальные публикации изначально в своей значительной части ориентированы на обнародывание документальных источников по их копиям, сохраняющимся у автора-фондообразователя. Во-вторых, для документирования деятельности ряда юридических лиц присуще свойство *документального коллапса* — запрограммированного и обязательного возвращения их в места создания или их обязательного уничтожения после реализации возложенных на них функций. Это правило в первую очередь распространялось на партийную документацию высшего уровня ее происхождения и документацию силовых структур, в частности, разведки и контрразведки. Например, составители документальной публикации «Секреты Гитлера на столе у Сталина» следующим образом объясняют свойство документального коллапса: «В ходе подготовки к публикации документов данного сборника установлено, что их первые экземпляры в соответствующих архивах, как правило, не сохранились... в то время имела место практика, когда присланные в инстанции записки после ознакомления с ними руководителей СССР и ведомств, возвращались в НКГБ СССР и в интересах конспи-

рации уничтожались, так как в оперативных отделах контрразведки источники информации были известны¹².

Свойство документального коллапса документальных систем и документальных комплексов – объективное явление, с которым сталкивается археограф при публикации документов нового и новейшего времени. Оно существенно обедняет источниковый потенциал документальной публикации, вынуждая публиковать документы по их отпускам, почти в обязательном порядке сохранявшимся в архивах организаций, их создавших. Например, так были вынуждены поступить составители документальной публикации «Лубянка – Сталину». Ее документальной основой стали фонды Центрального архива ФСБ. Это значит, что в сборнике публикуются отпуска документов (по терминологии составителей – «заверенные копии»), оригиналы которых направлялись согласно расчетам рассылок. Какова судьба оригиналов – хотя бы тех, которые поступали, например, руководству ОГПУ согласно расчетам рассылок, мы не знаем, а значит, остаются неизвестными резолюции их адресатов. Куда делись эти оригиналы? Они уничтожены? Их не смогли обнаружить? К сожалению, на эти вопросы мы не находим ответов в этой публикации.

Критерий подлинности документального источника, таким образом, в современной археографической практике, как видели мы выше, часто не принимается в расчет, тем самым лишая пользователей целых пластов информации, например, резолютивной составляющей источников.

Этот критерий по нескольким причинам не во всех случаях последовательно использовали составители документальной публикации «Голод в СССР». Во-первых, сказались недостатки в организации выявления документов по теме. Во-вторых, составители столкнулись с недостатками и ошибками в экспертизе ценности документов, допущен-

¹² Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 221.

ными архивистами в разные годы и повлекшие уничтожение оригиналов. В-третьих, сложность, даже запущенность системы партийного делопроизводства, привела к тому, что не всегда точно бывает отделить оригинал (подлинник) документа от его копии.

Под критерием достоверности документа имеется в виду установление подлинности его носителя и реквизитов, а также в большинстве случаев — степени соответствия содержащейся в нем информации действительно случившемуся в прошлом факту, событию, явлению, процессу. Чем точнее документ отражает их, тем целесообразнее его включение в документальную публикацию. Составители сборника «Кронштадтская трагедия 1921 года» выявили множество публикаций по теме в белоэмигрантской прессе. «Однако, — пишут они, — большинство газетных материалов из эмигрантской прессы о кронштадтских событиях использовать практически невозможно из-за искажений и прямой фальсификации хорошо известных событий и фактов, а также фантастических сообщений об успехах восставших, потерях красных войск и т. д.»¹³.

При применении этого критерия следует, однако, учитывать два обстоятельства. Если случай, когда подлинный документ может содержать недостоверную информацию, отражает некие типичные явления, процессы прошлого, то может возникнуть необходимость включения соответствующего документа в документальную публикацию. Такая необходимость иногда бывает оправданной. Речь идет, например, о протоколах допросов участников политических процессов в СССР, как примерах фальсификации этих процессов.

Такая же логика использования этого критерия применима и к подложным документам, т. е. документам, сфальсифицированным сознательно в каких-либо целях. Если

¹³ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. М., 1999. С. 30.

они представляют интерес как отражение некоего явления, их включение в документальную публикацию может быть допустимо. Разумеется, и в том и в другом случаях подобные решения должны быть объяснены в таком элементе конвоя документальной публикации как комментарии.

Существовавшие и реализованные в СССР система и схемы реализации властных политических решений предусматривали: а) простое дублирование их в документах в системах органов государственной власти; б) дублирование в документах с дополнением установок на организацию принятых решений; в) без дублирования с созданием документов с перечнем организационных мероприятий по реализации политических решений. Поэтому критерий полноты информации позволяет нам документы группы «а» и «б» исключить из числа опорных документов документальной публикации, используя их только в комментариях как документы второго порядка, либо документы группы «б» опубликовать в извлечениях, а документы группы «в» отнести к опорным. Критерий полноты информации документа предполагает определение характера и степени отражения в нем факта, события, явления, процесса прошлого. Чем полнее и всестороннее отражает их документ, тем предпочтительнее его видеть в документальной публикации. Этот критерий часто встречается в прикладной археографии последних лет. Например, составители сборника «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД» в первую очередь поместили в нем «аналитические документы: обзоры, докладные записки...» (т. 1, с. 54). Кажется, именно данный критерий в первую очередь использовали в комплексе с другими составители публикации «Рязанская деревня в 1929—1930 гг.»: «В числе ключевых критериев (фильтрации документов. — В. К.) — репрезентативность комплекса публикуемых источников... Другим ведущим принципом является... степень информативной ценности источников... Важно и то, что выбранные для публикации документы являются политематическими, т.е.

поднимающими не одну или несколько, а широкий круг проблем»¹⁴. Критерий полноты информации документа наряду с другими критериями фильтрации использован при подготовке сборника «Кронштадтская трагедия 1921 года»: «Из многочисленных оперативных, политических, агентурных, информационных и разведывательных сводок и донесений, как пишут составители, в публикацию включены те, «в которых освещаются наиболее важные события, явления и факты с широким территориальным охватом...» (1, с. 31–32).

Под *критерием самосогласованности документа с другими документами документной среды документальной публикации* понимается определение его места в освещении последовательности развития факта, события, явления, процесса прошлого. Чем с большей ретроспективой и перспективой он отражает их, тем выше у него вероятность быть включенным в документальную публикацию. Например, в публикации «Военнопленные в СССР» помещена докладная записка МВД СССР И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берия, Г. М. Маленкову, А. Я. Вышинскому о враждебных действиях некоторой части военнопленных в связи с перенесением срока окончания репатриации на 1949 г., характеризующая их недовольство, и прогноз дальнейшего развития ситуации на 1949 г. (с. 1039). Справка органично продолжает предыдущие документы, касающиеся репатриации военнопленных, и связывает их с документами последующими.

Критерий типичности документа предполагает определение однообразия его формуляра и содержания с другими документами среды документальной публикации. Иначе говоря, речь идет об установлении отражения в этом содержании многократно повторяющихся однообразных фактов, событий, присущих документам определенного вида. Как правило, такое однообразие фиксирует конкретные явле-

¹⁴ Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения: Документы и материалы. М., 1998. С. XIV–XV. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

вия и процессы прошлого. Это так называемые массовые документы, из которых на основе критерия типичности документального источника в документальную публикацию включается выборка документов, либо они могут быть опубликованы в особой форме передачи их текстов — регесте.

Использование критерия типичности документа при фильтрации из среды документальной публикации предполагает обоснованность его применения в таком элементе конвоя как археографическое предисловие с демонстрацией того, что, во-первых, это действительно массовый документ, во-вторых, этот документ имеет единый формуляр с другими массовыми документами и, в-третьих, информация таких документов является типичной, т. е. фиксирующей события, одинаковые по своей содержательной составляющей.

Критерий типичности документа был применен составителями сборника «Кронштадтская трагедия 1921 года» при фильтрации заявлений о выходе из ВКП(б). Как сообщают составители, «при отборе к публикации заявлений о выходе из партии выбирались такие, которые исходили от представителей разных социальных слоев и в разное время» (1, с. 30). Он был использован в публикации «Голод в СССР», при включении в нее обзоров ситуации на местах, составленных ОГПУ и его полномочными представительствами в регионах, оперативных директив Центра на места в виде шифртелеграмм.

Критерий системности документа предусматривает определение его места среди других документов среды подготовки документальной публикации как носителя информации, раскрывающей различные детали случившегося в прошлом факта, события, явления, процесса. Новая, оригинальная, необычная информация документа в отличие от информации других документов обеспечивает его предпочтительную публикацию.

В публикации последних лет, посвященных истории XX столетия и основанных на ранее недоступных документах,

этот критерий используется особенно широко. Составители сборника «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года» сообщают: «Пока оставались недоступными материалы из архивов бывшего СССР, невозможно было ответить на многие конкретные вопросы истории венгерского кризиса» (с. 10). О высокой «степени новизны» включенных в публикацию документов пишут и составители сборника «Рязанская деревня в 1929–1930 гг.».

Названные критерии фильтрации документов для документальной публикации применяются исключительно в комплексе, обеспечивая преодоление субъективности отбора. Однако и их использование не всегда оказывается бесспорным. Например, об одном и том же факте, событии, явлении, процессе прошлого в разных документальных источниках может быть противоречивая информация. Определить, какой документ точнее отражает их, — задача документального источниковедения. Иногда бывает важным показать реальное или символическое значение случившегося в прошлом факта, события, явления и даже процесса, зафиксированных в документальных источниках. В таких случаях используется критерий многополярности документов, предполагающий включение в документальную публикацию всех противоречащих друг другу своей информацией документов, при условии, что каждый из них является подлинным, либо документов, отражающих разные состояния развития факта, события, явления, процесса.

С точки зрения оценки произошедшего факта, события, явления, процесса критерий многополярности фильтрации документального источника для документальной публикации считается одним из наиболее интересных и важных для преодоления субъективности документальной публикации. Применение этого критерия должно быть обязательным, например, при фильтрации документов для трансграничных документальных публикаций с записями бесед международных переговоров. Он был использован при подготовке доку-

ментальной публикации «Кронштадская трагедия 1921 г.», в которой наряду с документами советской власти, помещены документальные источники ее противников. Составители этой публикации особо подчеркивают это: «Поскольку документы повстанцев имеются в российских архивах в небольшом количестве, то они почти все вошли в сборник» (1, с. 31–32).

Критерий многополярности эффективно использовался при подготовке первого тома документальной публикации «Между молотом и наковальней», посвященной деятельности Союза советских писателей СССР в предвоенные годы¹⁵. В чреде имен литераторов, чьи мысли и поступки в эпоху предвоенного сталинизма отражены в документах сборника, и в принципе в той или иной степени уже ставшие известными ранее, поражают дневниковые записи писателя, драматурга и театроведа А. К. Гладкова (1912–1976 гг.) и поэтессы О. Ф. Берггольц (1910–1975 гг.). Оба документа объединяет абсолютная искренность восприятия происходящего. И разделяет непреодолимая стена отношения к нему, его понимания. Умный и наблюдательный Гладков в происходящем видит большую беду не только для писателей, но и страны. Внешне бесстрастная фиксация им фактов литературной борьбы, а фактически политических кампаний, прорывается негодованием и точными оценками, которым и сегодня может позавидовать исследователь. Например, 20 апреля 1937 г. он записал: «В № 2-м «Молодой гвардии» стихи Владимира Луговского о последнем процессе. Там есть такие строки: «Душно стало? Дрогнули колени? Ничего не видно впереди? К стенке подлецов, к последней стенке! Пусть слова замрут у них в груди»... Чтобы после ни писал Луговской, ничего не смоем подлости этого стихотворения, невиданного в традициях русской поэзии» (с. 652). Гладко-

¹⁵ Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР: Документы и комментарии. Т. 1: 1925 - июнь 1941. М., 2011. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

ву понятен глубинный смысл происходящего, он раздражается лишь тем, что «закулисная сторона темна и неясна, а видимость часто отвратительная» (с. 656). Для себя выход из обстоятельств времени он видит в осторожной самоустрашенности от происходящего в литературном мире, в желании быть ее наблюдателем-летописцем, а не активным участником.

Совсем иная О. Ф. Берггольц. Этот долгое время оставшийся «беспартийным коммунистом» человек, буквален в восприятии своего времени, несомнителен в правильности происходящего. В дневниковой записи за 24 августа 1936 г., комментируя процесс по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра», она фиксирует свои чувства: «Нельзя собственно назвать то, что испытываю, негодованием, в данном случае это ничего не выражающее слово. Поднимается какая-то холодная и почти эмоциональная ярость, которая физически душит... Надо выработать в себе холодность и жестокость к людям наряду с доверием» (с. 535, подчеркивания сделаны самой Берггольц). Другая запись комментирует судьбы земляков — коллег Берггольц: «Арест Майзеля и Старчакова. Самые смешанные чувства. Т. е. одно определенно: изымать, так до конца! А М/айзель/ — плотва или сверхестественная сволочь? Вспоминая его в Коктебеле — с его деликатной фигурой, изнемогающей от жары, с отношениями к Е. М., столь нежными и содержательными, с его смехом от моих острот — трудно представить его как контрреволюционера. Но глубокую брезгливость возбудил он во мне своей «саморазоблачительной» статейкой, деликатной и трусливой и с этой стороны нет никакой жалости. Жаль (если можно так выразиться) за очки, за Е. М., за его внешний облик...» (с. 539). В отличие от Gladкова Берггольц активна едва ли не до пассионарности, стремясь, где возможно, сказать слова восхищения и осуждения происходящим. Но уже спустя несколько лет, пережив арест и лагерь, перед нами предстанет

совершенно иная Берггольц — беспощадный критик сталинского режима¹⁶.

Выдающийся российский художник-фотограф Дмитриев о своем времени создал тысячи фотографий. Любая из них сегодня достойна обнаружения. Но составители документальной публикации «В фокусе времени»¹⁷ были вынуждены выбирать из этого множества нечто особо значимое. Оно касалось жизни нижегородской земли на рубеже XIX–XX веков. Именно здесь применен критерий многополярности.

Этот критерий был подсказан составителям публикации самим Дмитриевым, вернее, его стремлением к осмыслению событий. Среди прочего в документальной публикации «В фокусе времени» друг за другом помещены две фотографии. Первая названа «Группа служащих городской (Нижегородского Новгорода — В. К.) управы. 1890-е гг.». И следующая за ней фотография, озаглавлена как «Участники XIII Конференции Российской компартии. 1921–1922 гг.» (с. 34–37).

Дмитриев сделал эти две фотографии в одном и том же зале и практически с одной и той же точки. Содержание обеих фотографий одинаковое — люди (чиновники городской управы и участники конференции РКП(б)). Они составляют передний, главный, план и той и другой фотографий. На первой из них — 97 персон администрации дореволюционного Нижнего Новгорода, на второй — 141 персона активистов, по всей видимости, советской власти всей Нижегородской губернии (комментарий ко второй фотографии, к сожалению, не выдерживает критики, поэтому приходится домысливать).

Различия первого плана этих двух фотографий — разительны и беспощадны. Ухоженные, одетые в строгие и элегантные сюртуки и платья мужчины и женщины — государ-

¹⁶ Ольга Берггольц. Блокадный дневник (1941–1945). СПб., 2015.

¹⁷ В фокусе времени. Нижний Новгород. 1996. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

ственные служащие императорской России — резко контрастируют с разношерстно одетым советским активом, большей частью в шинелях, пальто, шубах, шапках. На переднем плане второй фотографии уже отсутствует роскошный напольный ковер, украшавший парадный зал нижегородской городской управы. На заднем плане слева на «советской» фотографии нет также портрета императора, сохранившиеся от прежних времен люстры не горят, и из-за недостатка света фотография менее контрастна.

Эти две фотографии, несмотря на разное содержание, удивительно точно и зримо своей двуполярностью передали суть разительных перемен, случившихся в России за два десятилетия. Поэтому остается лишь поблагодарить Дмитриева и публикаторов альбома его фотографий, сумевших донести до читателей зрительный образ менявшегося времени.

Составители этой публикации использовали критерий многополярности и при отборе трех фотографий Георгиевской церкви Нижнего Новгорода, сделанных также с одной и той же точки: на первой из них она стоит величаво во всей своей красоте на Верхне-Волжской набережной, на второй изображен момент ее взрыва в 1932 г., на третьей видны ее руины (с. 88–89). Разрушение былой красоты под флагом антирелигиозной борьбы — таков смысл этих трех фотографий Дмитриева.

Итак, вольно или невольно составители документальной публикации «В фокусе времени» вслед за Дмитриевым продемонстрировали нам в визуальной форме важнейшее событие в российской истории — смену власти, государственного уклада страны и некоторые реальные последствия этого, связанные с ликвидацией церкви как государственного института. И в этом смысле опубликованный фотодокументальный ряд выглядит в высшей степени достоверным, ярким и убедительным сводом фотодокументальных источников.

Как уже говорилось выше, для многих документальных публикаций характерно наличие *опорных документов*, т. е.

документов, в наиболее концентрированном виде зафиксированных факт, событие, явление, процесс прошлого в соответствии с критерием полноты информации документа, а также обладающих высокой степенью кумулятивности, и других документов среды подготовки документальной публикации. Их рациональное соотношение в документальной публикации является одной из трудно разрешаемых археографических проблем. И лишь в определенной степени с позиции сегодняшнего знания мы можем говорить о том, что эта проблема может быть нейтрализована посредством использования *критерия усреднения фильтрации документов*, выявленных для документальной публикации. Он предполагает достижение разумного баланса между опорными документами и другими документами среды подготовки документальной публикации, в первую очередь на основе взаимодополняемости их информации о факте, событии, явлении, процессе прошлого.

Попытки применения этого критерия свойственны составителям практически всех тематических документальных публикаций, в том числе крупных серийных. Однако сформулировать обоснованность включения того или иного документа в публикацию на основе этого критерия, как кажется, не удалось никому. Одной из приемлемых формул использования критерия усреднения фильтрации можно считать показание составителей публикации «Трагедия советской деревни»: «В состав тома включены как обобщающие документы партийных, государственных, колхозно-кооперативных учреждений и организаций... так и документы местных учреждений и отдельных лиц, освещающие... осуществление решений Коммунистической партии и Советской власти о коллективизации и раскулачивании крестьянских хозяйств»¹⁸.

¹⁸ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. Т. 2. М., 2000. С. 30. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

Другим примером применения этого критерия является документальная публикация «Голод в СССР». В ней, как мы помним, широко использовался критерий кумулятивности. Критерий усреднения фильтрации здесь был важен для отбора документальных источников, раскрывающих реализацию принятых политических и организационных решений на союзном уровне, на уровне республик, краев, областей и других административных единиц, включая партийные, советские органы, структуры нижестоящих общесоюзных органов исполнительной власти. В своих исходных, главных параметрах эта группа документов в конкретном наполнении обладает высокой степенью специфичности зафиксированных решений и осуществлявшихся действий. Любопытно, что эта специфика решений и действий, как показывают документы обозначенной группы, далеко не всегда приветствовалась Центром, особенно в 1929 — начале 1931 годов, когда голод только подступал к стране, а Центр демонстрировал уверенность в непогрешимости принимавшихся им решений.

С помощью этого критерия в публикацию отбирались документы, отразившие результаты и последствия всех решений и действий, связанных с посевными, уборочными, заготовительными кампаниями, продовольственным обеспечением населения СССР, экспортно-импортными операциями, т. е. зафиксировавшие те реальности жизни, в которых оказывалась страна в каждый из годов постигшего её бедствия. Эта группа документальных источников делится на 4 подгруппы. Первая подгруппа — общие (по СССР в целом, по отдельным административно-территориальным единицам и т. д.) и предметно-тематические (площади засева, урожайность, объемы сбора урожая по сельскохозяйственным культурам, объемы заготовок зерна и т. д.), статистические документы с пояснительными и аналитическими записками к ним. Вторая подгруппа — отчетные и информационные документы, направлявшиеся в инициативном или

обязательном порядке «снизу — вверх» по «инстанциям» и содержащие как конкретные цифровые показатели, так и пояснения и анализ ситуации в каждом регионе. Третья подгруппа — обзорно-аналитические и информационные документы ОГПУ и его полномочных представительств в регионах, а также политотделов воинских частей о ходе коллективизации, посевных, уборочных, заготовительных кампаний, продовольственном положении, настроениях населения. И, наконец, на основе этого критерия определялась подгруппа документов традиционно называемая «письмами трудящихся во власть», в том числе в редакции газет и журналов. Они отразили непосредственно массовый и широкий спектр настроений населения на разворачивавшиеся в стране события, связанные с голодом.

Этот критерий удачно использован в публикации «Военнопленные в СССР». На его основе в публикацию включены справки, статистическая документация, характеризующие различные аспекты истории нахождения военнопленных в СССР. В результате мы имеем дело с публикацией, в концентрированном виде и с максимальной полнотой отразившей историю военнопленных в СССР после Второй мировой войны.

Следует отметить, что названные выше критерии не носят универсального характера. Они касаются в основном тематических документальных публикаций, более всего испытывающих внутренние деформационные воздействия. В связи с этим важно отметить, что иногда модель документальной публикации и в частности такие ее элементы как вид и тема, исключает необходимость использования каких-либо критериев фильтрации. Понятно, что фондовая документальная публикация предполагает публикацию всех документов фонда. Однако археографическая практика последних лет дает примеры иных мотивов отказа от фильтрации. В основе публикации «Политбюро и церковь» — четыре тематических дела фонда Политбюро ЦК РКП(б) —

ВКП(б). Опубликовав их, составители пишут: «Этим исчерпывается комплекс тематических дел фонда, посвященных организации в 1922–1925 гг. высшим руководством партии и государства беспощадной борьбы с верой и церковью в огромной крестьянской стране с тысячелетними православными традициями... В этих хронологических рамках публикуются все без исключения документы четырех названных дел... Сопроводительные письма к документам приводятся в помещенных в конце каждого дела приложениях в сокращенном виде...»¹⁹.

То же самое мы встречаем при подготовке повидовых документальных публикаций. Примером может служить сборник произведений Марины Цветаевой «Неизданное»²⁰. Аналогичным образом публикации «Реввоенсовет Республики. Протоколы»²¹, «Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний» заданностью своих моделей не требовали применения критериев фильтрации. При их подготовке фигурировали не они, а фактор ограничения темы — исторически сложившийся рукописный кодекс в первом случае, и хронология — во втором (1920–1923 гг.) и третьем (1919–1953 гг.) случаях.

Выявленные для документальной публикации документы бывают иногда настолько интересны и важны, что составители вынуждены использовать при их фильтрации *критерий сложения и разложения документов*. Под этим критерием понимается общая оценка информационной значимости всего массива документальных источников среды подготовки документальной публикации с точки зрения открывающихся возможностей освещения в нем факта, события, явления, процесса прошлого, а затем распределение этого массива на документы первого, второго и третьего порядков. Доку-

¹⁹ Политбюро и церковь: 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 1997. С. 4.

²⁰ Цветаева М. Неизданное: Сводные тетради. М., 1997.

²¹ Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923 гг. М., 2000.

менты первого порядка являются безусловной принадлежностью документальной публикации, документы второго порядка используются в конвое, документы третьего порядка привлекаются в качестве подсобного справочно-информационного массива. Этот критерий широко применен в сборниках «Кронштадтская трагедия 1921 года», «Политбюро и церковь», «Совещания Коминформа»²², «Следственное дело патриарха Тихона»²³, «Атомный проект СССР».

Критерий сложения и разложения документов использован и в публикации «Голод в СССР». Составители исходили из того, что кумулятивные документы первого (высшего) уровня порождали своеобразный «веер» – некий диффузный пучок других разнообразных по виду документов разного уровня происхождения, отражающих разные стороны исполнения и реализации принятых решений. Критерий сложения и разложения документов такого пучка документов позволил отобрать для этой документальной публикации из всей их совокупности документы: а) наиболее концептуально отразившие суть, ход и последовательность развития событий; б) наиболее полно зафиксировавшие некие результаты развития событий; в) дающие возможность сравнительного сопоставления хода и результатов событий по различным регионам СССР. Все такие документы включены в документальную публикацию в качестве опорных, другие – с информацией промежуточного характера – либо исключены из документальной публикации, либо использованы в ней в комментариях.

Использование этого критерия в публикациях по истории XX в. легко объяснимо: этот период пока не обеспечен фундаментальными справочными пособиями, к которым можно было бы отослать читателей, почти каждая публи-

²² Совещания Коминформа: 1947, 1948, 1949: Документы и материалы. М., 1998.

²³ Следственное дело патриарха Тихона: Сборник документов. М., 2000.

кация поднимает новый пласт документальных отложений с огромным числом неопознанных пробелов, восстановить которые можно только благодаря привлечению документальных источников второго и третьего порядков.

Мы рассмотрели критерии фильтрации для документальной публикации вербальных документов. Они в той или иной степени применимы и к аудиовизуальным документам. Но в последнем случае наряду с ними имеются и специфические критерии. Важнейшим, общим для аудиовизуальной документации критерием является *критерий полноценности качества изображения и звука*. В прикладной археографии последних лет этот критерий наиболее точно охарактеризован в публикации «Иркутск на почтовых открытках»: «Так как разные дореволюционные издательства часто выпускали почтовые открытки с одних и тех же негативов, для каталога отобраны оригиналы лучшей сохранности и из тех серий, полиграфический уровень которых был наиболее высоким. При выборе между открытками многоцветными и черно-белыми предпочтение в большинстве случаев отдано первым» (с. 36).

Таким образом, критерии фильтрации являются важным инструментом реализации модели документальной публикации. Они позволяют обеспечить раскрытие ее темы и проблематики и практически всегда применяются в полном комплексе или в их разных сочетаниях.

Принципы стабилизации документов в документальной публикации. Археографическая практика последних лет предлагает разнообразные принципы стабилизации документальных источников в документальной публикации, призванные так или иначе упорядочить в ней положение документального источника относительно других источников. Эти принципы по замыслам составителей должны способствовать усилению познавательной роли документальной публикации, в которую документальный источник попадает из естественной первичной среды документаль-

ных отложений. Стабилизация документа в документальной публикации обеспечивает его переход из первичной структуры упорядочения, сложившейся в процессе оперативного бытования документа, во вторичную структуру упорядочения — уже в документальной публикации.

В соответствии с *номинативно-хронологическим принципом стабилизации документов в документальной публикации* группировка документов осуществляется по их видам (разновидностям), а внутри групп каждого вида (разновидности) — по хронологии их создания. Это достаточно редкий принцип, встречающийся в документальных публикациях.

Номинативно-хронологический принцип обеспечивает возможность концентрации информационного потенциала определенного вида (разновидности) документов о конкретном факте, событии, явлении, процессе прошлого либо о некоей их совокупности. Однако он неизбежно разрывает хронологию их развития, лишает документальную публикацию возможности показать динамику развития факта, события, явления, процесса. Номинативно-хронологический принцип является по этой причине единственно оправданным лишь в повидовой документальной публикации.

Примером неудачного применения этого принципа является серия «Атомный проект СССР». В первом томе этой серии был использован вполне оправданно хронологический принцип. Зато в книге первой второго тома составители заменили его номинативно-хронологическим. Тем самым был резко снижен информационный потенциал публикации. Она лишилась не только динамизма в освещении темы и ее проблематики, но и драматизма. Здесь, например, в разных разделах оказались «Письмо П. Л. Капицы И. В. Сталину об организации работ по проблеме атомной бомбы и своем освобождении от работ в Специальном комитете и техническом совете» от 25 ноября 1945 г. (2, 1, с. 613–620) и последовавшее затем Постановление СНК СССР «Об освобождении Капицы П. Л. от работы в Специальном комитете при

Совнаркомом СССР» (Т. 1, с. 419). Не говоря о том, что при такой систематизации пользоваться документальной публикацией невероятно сложно, она серьезным образом затрудняет понимание хронологии развития событий, связанных с атомным проектом СССР.

Пространственно-хронологический принцип стабилизации документов в документальной публикации предусматривает их группировку по географии случившегося факта, события, явления, процесса, а внутри каждой из групп — по хронологии создания документов.

Пространственно-хронологический принцип открывает возможность сконцентрировать информационный потенциал документов о факте, событии, явлении, процессе на определенной территории в динамике развития каждого из них. Он может подойти как для тематической, так и для повидовой документальной публикации. Однако при определенных ситуациях его использование создает сложности, поскольку, во-первых, иногда требуется включить в документальную публикацию общие, имеющие отношение ко всем пространственным (административно-территориальным) объектам документы и, во-вторых, он может привести к дублированию отдельных документов в документальной публикации. В первом случае этот принцип разрушает сам себя, во втором — снижает коммуникативность документальной публикации.

Группировка по определенным темам, а внутри каждой из таких тем — по хронологии создания документов основана на *тематико-хронологическом принципе стабилизации документов в документальной публикации*. Это один из самых распространенных принципов в прикладной археографии последних лет. Он, например, был применен в публикации «Голод в СССР». При ее подготовке можно было избрать универсальный принцип стабилизации — механическое расположение всех документов по хронологии их создания. Однако в этом случае потребовался бы сложнейший тема-

тико-предметный указатель — по существу детальный конспект будущего исторического исследования по изучению обозначенного явления, что не является задачей археографии. Предварительные, в том числе монографические исследования проблемы, дали возможность составителям использовать тематико-хронологический принцип стабилизации документов в документальной публикации. В данном случае при всей его условности этот принцип позволил показать проблематику избранной темы документальной публикации на уровне современного научного знания о голоде в СССР на рубеже 20-х — 30-х годов XX в.

Аналогичный принцип положен в основу стабилизации документальных источников в публикации «Военнопленные в СССР». Здесь выделено 9 проблемных разделов, внутри которых документальные источники расположены по датам их создания: режим содержания военнопленных; зарождение, развитие и свертывание системы ГУПВИ; учет и содержание военнопленных; материальное обеспечение военнопленных; медицинское обслуживание, смертность и захоронение военнопленных; трудовое использование военнопленных; оперативная работа в лагерях для военнопленных; репатриация военнопленных; «Некоторые итоги». Лишь на первый взгляд формулировка последней проблемы — «Некоторые итоги», где помещен всего один документ, — может вызвать вопрос. Однако, если обратить внимание на то, что в этом разделе помещена докладная записка С. Н. Круглова членам Правительства СССР об итогах работы НКВД—МВД СССР с военнопленными и интернированными, такой вопрос должен быть снят.

Тематико-хронологический принцип стабилизации документов, являясь органичным для некоторых тематических документальных публикаций, в ряде случаев встречается и в повидовых документальных публикациях. Он, например, использован в 9 томе публикации «Совершенно секретно». Лубянка — Сталину».

Принцип несвободы выбора стабилизации документов в документальной публикации предполагает их размещение в той последовательности, в какой они оказались организованы (сознательно или стихийно) в процессе оперативного бытования: в деле (делах), комплексе и т. д. Он основан на понимании важности сохранения для пользователя такой организации как некоего знакового и дополнительного информационного элемента. Принцип несвободы стабилизации документов может использоваться и в тематической, и в повидовой документальной публикациях.

Следует иметь в виду, что данный принцип снижает коммуникативность документальной публикации, серьезно усложняя пользование ею. Так, в сборнике «Политбюро и церковь» использование этого принципа усложнило понимание динамики, последовательности развития фактов, событий, явлений, процессов, связанных с политикой партии в отношении церкви в 1922–1925 гг., в результате чего пользование публикацией затруднено.

Этот принцип был использован при подготовке «Дневниковых записей» советского режиссера А. Довженко²⁴. Они представляют собой, условно говоря, 25 тетрадей, старательно пронумерованных самим Довженко. Часть их включает строго хронологическую фиксацию событий и размышлений Довженко, другая часть представляет собой разновременные записи даже за разные годы. В этой связи перед составителями имелись два варианта: либо опубликовать реконструированную хронологию дневниковых записей Довженко по всем тетрадям, либо просто воспроизводить их по тетрадям в соответствии с установленным самим автором порядком. Авторы пошли по второму пути. Однако, на наш взгляд, этот путь был проделан не до конца. Из-за небрежного архивного описания каждой из 25 тетрадей с

²⁴ Довженко Александр. Дневниковые записи. 1939-1956. Харьков, 2013. Далее ссылки на эту публикацию даются в тексте настоящей главы.

большим трудом воспринимается хронология записей Довженко. Публикации явно не хватило их хронологического указателя.

Принцип гармоничности стабилизации документов в документальной публикации распространяется только на пофондовые документальные публикации. В них сохраняется та систематизация документов, которая существует в архивном фонде после его обработки. Этот принцип по своей сути близок к тематико-хронологическому, обладая всеми его достоинствами и недостатками. Однако если во втором случае тематико-хронологический принцип систематизации касается в большинстве случаев документов разной фондовой принадлежности, т. е. или ослабляет, или усиливает информационный потенциал публикации, то в первом случае принцип гармоничности всегда приводит к консервации такого потенциала.

Этот принцип в последние годы нашел широкое применение в пофондовых технотронных документальных публикациях как наиболее простой и удобный способ трансляции документов фондов. Примером публикации с использованием принципа гармоничности систематизации служит изданная фирмой «Primagy Source Microfilm» серия «Russian Archives».

Как видим, за исключением принципа несвободы выбора стабилизации все остальные принципы упорядочения документов в документальной публикации неизменно имеют хронологическую составляющую, что свидетельствует о том, что хронологический принцип стабилизации документов в документальной публикации является универсальным и применим к любой документальной публикации. Обеспечивая представление о динамике развития факта, события, явления, процесса прошлого, он наиболее предпочтителен, а для документальной публикации академического типа в целом всегда обязателен. Именно по этой причине в большинстве публикаций, вышедших в последние годы, стабилиза-

ция документов осуществлена на основе хронологического принципа.

Из приведенных выше примеров мы могли убедиться, сколь важным бывает правильный выбор того или иного принципа стабилизации документального источника в документальной публикации и строгое следование ему. Иные попытки такой стабилизации приводят к неудачным результатам. Примером этого можно считать публикацию «История в письмах»²⁵. Она оказалась непоследовательной, чрезмерно сложной с использованием то тематического, то географического, то именного признаков, «смазывая» хронологию развития событий и затрудняя комментирование. Сплошное последовательное чтение документов этой публикации оставляет впечатление запутанности «истории в письмах». Нам представляется, что строгая хронологическая упорядоченность писем в этой документальной публикации открыла бы большие возможности для понимания событий, связанных с судьбами русской эмиграции и Православной церкви в Латвии 20-х – первой половины 30-х годов XX в.

Неубедительность составителей публикации «Фотографическая история»²⁶, продемонстрированная, как показано в главе 3, в неопределенности ее модели, особенно ярко проявилась в систематизации включенных в нее фотодокументов. Вернее, в полном отсутствии таковой. Складывается впечатление, что составители наугад брали из кучи фотодокументов первый попавшийся и закрепляли его место в никак не упорядоченном фоторяде своего издания. Здесь разрушен самый универсальный принцип систематизации – хронологический. Не применены принципы жанровой, авторской, событийной упорядоченности и любые дру-

²⁵ История в письмах: из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). Т. 1-2. Тверь, 2015.

²⁶ Фотографическая история. 1840-1950. Из фондов Российского государственного архива литературы и искусства. М., 2013. Далее ссылка на это издание даются в тексте настоящей главы.

тие, которые избавили бы пусть частично эту публикацию от документального хаоса. Элементарным признаком любой систематизации, в том числе хаотической, является нумерация фотодокументов. В издании она отсутствует, равно как и хронологический перечень опубликованных фотодокументов.

Принципы передачи текста документа в документальной публикации. Передача текста документа в документальной публикации связана с двумя проблемами. Первая ставит вопрос о выборе текста документа для издания в случаях, когда документ представлен списками, вариантами и редакциями. Вторая касается передачи собственно текста документального источника.

Выбор текста документа для документальной публикации — один из ответственных этапов ее подготовки. Для древних документальных источников он важен прежде всего потому, что многие из них сохранились в позднейших списках и разных редакциях, исказивших недошедший оригинал. От обоснованности выбора в качестве основного текста того или иного списка зависит источниковая ценность документальной публикации. Для документов нового, новейшего времени и современности характерно наличие многовариантности и неопределенно большого числа списков документов. И в том, и в другом случаях стоит задача оптимального, обоснованного с помощью общепринятых норм и правил, выбора текста документа. Такой выбор основывается на ряде специальных принципов.

Принцип подлинности документа означает обязательность включения в документальную публикацию оригинала документа, т. е. документа, оформленного в установленной документной системе (автограф — для документа личного происхождения; имеющего подпись, бланк, печать и т. д. — для документа официального происхождения), который всегда имеет большую информационную значимость, нежели копии или дубликаты, так как содержит не только подлинную

подпись, удостоверяющую подлинность документа, но и всевозможные резолюции и пометы, отражающие оперативное бытование документа. Как говорили мы выше, этот принцип одновременно является и критерием фильтрации документального источника для документальной публикации. И только в исключительных случаях, когда оригинал, например, утрачен или его не удалось обнаружить, допускается включить в документальную публикацию документ из масс-медийного издания, по копии или дубликату.

Одной из важнейших закономерностей бытования документа является его вариативность, т. е. непременная изменчивость в момент создания, а также в процессе дальнейшего бытования в случае, если он по разным причинам не сохранился в виде оригинала. Следствием ее становятся либо конечные, либо разрывные разности текста документа. Под *конечными разностями текста документа* понимаются варианты, существенно не меняющие его концептуальную направленность и кумулятивность, но важные представлением о процессе подготовки окончательного текста документа. Наиболее ярким примером конечных разностей текста документа, с которым столкнулась прикладная археография последних лет, является так называемое «воззвание» патриарха Тихона от 7 апреля 1925 г.²⁷ В дошедших до нас вариантах текста этого документа имеются, на первый взгляд, несущественные отличия, которые тем не менее позволяют установить его истинного автора.

Под *разрывными разностями текста документа* понимаются такие его варианты, которые существенно отличаются друг от друга, а нередко могут резко противоречить по своему содержанию друг другу (редакции текста документа). В свое время Д. С. Лихачев, характеризуя редакции текста документа, т. е. разрывные разности его текста, обоснован-

²⁷ Подробнее см.: Козлов В. П. Основы теоретической и прикладной археографии. М., 2008. С. 105-106.

но выделил среди них различия идеологические, стилистические, фактологические. Д. С. Лихачев применил эту типологию к литературным произведениям, однако она в полной мере относится и к любым другим, с поправкой, возможно, в отношении аудиовизуальной документации, но лишь в деталях.

С классическим образом разрывных разностей текста столкнулись, например, составители сборника «Лаврентий Берия. 1953»²⁸, в котором опубликованы документы июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС (протокол Пленума, неправленная стенограмма и типографский стенографический отчет).

Поэтому при выборе текста (основного текста) документа в документальной публикации с учетом вариативной закономерности бытования документа используется принцип *приоритетности варианта текста документа*. Он предполагает включение в документальную публикацию последнего варианта текста документа как наиболее законченно отражающего замысел его автора. В большинстве случаев применение этого критерия по своим результатам совпадает с результатами применения критерия подлинности документа. Правда, при публикации древних памятников позднейший список-оригинал, наоборот, как правило, искажает текст недошедшего оригинала. Следует иметь в виду, что если варианты текста документа имеют существенное содержательное, филологическое или иное значение для понимания истории создания документа и характеристики его автора, они фиксируются в документальной публикации с помощью особых приемов, которые открывают нам принцип распределенности текста документа.

Принцип *распределенности текста документа* означает включение в документальную публикацию в качестве ос-

²⁸ Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.

нового текста документа одного из сохранившихся его списков, прошедших специальную классификацию по определенным признакам. Такая классификация обычно является результатом специального источниковедческого исследования, в ходе которого точно или гипотетически прослеживается история текста документа, не сохранившегося в оригинале, либо история текста документа, претерпевшего в процессе своего создания принципиально важные для изучения факта, события, явления, процесса прошлого редакторские изменения. При этом в ряде случаев признается целесообразность публикации всех известных редакций текстов документа и их списков²⁹. С учетом последнего замечания поэтому невозможно согласиться с избранной в документальной публикации «Георгий Жуков»³⁰ методикой передачи текстов документов октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС, в частности, стенограммы этого пленума. Составители отмечают, что эта стенограмма «дает наглядное представление не только о том, что на самом деле происходило на пленуме, но и о том, в каком направлении шла фальсификация действительности в угоду партийно-государственному руководству» (с. 13).

Перед составителями сборника оказались: а) неправленная стенограмма выступлений участников пленума, наиболее адекватно отразившая суть их выступления и понимания политического расклада сил в момент этого выступления; б) правленная стенограмма, в которой выступавшие «отшлифовали» свои выступления, уже зная развитие событий в течение определенного времени; в) стенограмма общего отдела ЦК КПСС, подправлявшая завизированные выступления участников пленума с учетом общей политической конъюнктуры; г) стенографический отчет, представ-

²⁹ Каштанов С. М. Актовая археография. М., 1998. С. 72-73, 80-83.

³⁰ Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001. С. 13. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

лявший собой поправленную помощниками Н. С. Хрущева стенограмму общего отдела, который затем был размножен для рассылки в партийные организации. Таким образом, если доверять информации составителей публикации, перед нами не меньше двух редакций документа (неправленная стенограмма пленума и стенографический отчет о нем), сопровождавшиеся не менее чем двумя списками каждой из редакций. Корректное, в соответствии с общепринятыми правилами, воспроизведение этих материалов пленума заключалось либо в отдельных публикациях каждой из этих редакций с приведением вариантов составивших их списков, либо общей публикации какого-либо списка со всеми вариантами по всем другим спискам. Составители выбрали, однако, прагматический, т. е. менее трудозатратный и некорректный способ. «Стенографический отчет, — пишут они, — в качестве отдельного документа не публикуется, однако в постраничных сносках к стенограмме воспроизводятся поправки, внесенные в текст выступлений при подготовке стенографического отчета к печати и рассылке в партийные организации. Исключение составляет подвергнутое кардинальной правке выступление Хрущева на четвертом заседании пленума. Оно дается дважды: первый раз в составе стенограммы, в том виде, как оно было произведено, второй раз как отдельный документ, воспроизведенный по тексту стенографического отчета пленума» (с. 13).

Прагматический подход составителей этой публикации в данном случае понятен — он освободил их от кропотливой текстологической работы, требующей времени и немалых интеллектуальных усилий. Но он не может быть оправдан с позиций археографии, если учесть, что читатель этого издания оказался лишенным возможности проанализировать динамику интерпретации событий, случившихся на пленуме, между их фиксацией в неправленной стенограмме и в стенографическом отчете (за исключением выступления Хрущева).

Важнейшим, определяющим принципом воспроизведения текста документа в документальной публикации признается принцип заданной точности передачи его текста. Он предлагает пользователю такую систему передачи текста документа, которая ему полностью известна, понятна, доказательна и проверяема в публикации. Использование этого принципа широко распространено в прикладной археографии последних лет. Об этом откровенно и правильно сообщают пользователям составители многих документальных публикаций. Составители публикации «Возвратить домой друзьям СССР»³¹ демонстрируют в ней бережное соблюдение этого принципа при воспроизведении текстов источников, указывая тщательно их оригинальные особенности и нарушения их неприкосновенности — подчеркивания, маргиналии известных и не известных читателей документов во время их оперативного бытования, а также в легендах сообщая о прохождении документов по бюрократическим структурам.

Этот принцип удачно использован в публикации дневника императора Николая II³². Составителям пришлось проделать большую текстологическую работу. Она была связана, во-первых, с воспроизведением в публикации вторжений в текст записей Николая II записей его жены, их расшифровкой и переводом. Во-вторых, публикаторы смогли на протяжении всего текста дневника соблюсти принцип заданной точности передачи текста, в том числе обеспечить единообразие сокращенных написаний, что подчеркивается большим и вполне обоснованным «Списком сокращений».

Принцип заданной точности предполагает установление предела погрешности при воспроизведении текста докумен-

³¹ «Возвратить домой друзьям СССР...». Обучение иностранцев в Советском Союзе. 1956-1965. Документы. М., 2013.

³² Дневники императора Николая II (1894-1918) / Отв. ред. С. В. Мироненко. Т. 1: 1894-1904. М., 2011. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

та в документальной публикации, т. е. обеспечения такой степени вмешательства в текст документа, которая не влияет принципиально на его содержание. Например, в сборнике «Советско-израильские отношения» предел погрешности характеризуется следующим образом: «Тексты печатаются по правилам современной орфографии, а сокращенные слова в основном даются полностью. Исправления очевидных неточностей (пропуски букв, опечатки, орфографические погрешности и т. п.), не имеющие смыслового значения, не оговариваются»³³.

Принцип неприкосновенности текста документа при его воспроизведении в документальной публикации означает исключение такого вмешательства в текст документа, которое бы нарушало его структуру, искажало оригинальность его языка, внешних особенностей, иными словами, лишало текст документа элементов, существенно важных для понимания факта, события, явления, процесса прошлого. Соблюдение принципа позволяет в какой-то мере представить документ в качестве памятника эпохи.

В наибольшей степени принцип неприкосновенности реализуется в технотронных документальных публикациях, способных факсимильно воспроизвести все особенности оригинала. Однако в прикладной археографии последних лет встречаются образцы применения этого принципа и в типографских документальных публикациях. Наиболее яркий пример — сборник «Политбюро и церковь». В публикации, посвященной истории деятельности Союза советских писателей СССР, этот принцип реализован с помощью современных компьютерных технологий. В передаче текста документов эта документальная публикация использует пока редкую, но перспективную практику их применения, позволяющую во многих случаях отказаться от подстрочных текстологических пояснений, подчас сложных не только

³³ Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 1. М., 2000. С. 11.

для публикатора при их передаче, но и для восприятия текста читателем. Компьютерный набор сборника позволил в основных текстах документов удобно и наглядно представить все нарушения их неприкосновенности: зачеркивания, подчеркивания и т. д.

Сложная, но оправданная система передачи текста документа с соблюдением принципа неприкосновенности предложена в публикации «Краткий курс истории ВКП(б)»³⁴. Здесь широко использованы различные варианты шрифтов (курсив, разрядка, жирный шрифт, жирный шрифт в разрядку), подчеркивания, зачеркивания, угловые скобки и др. для передачи вставок в текст источника, зачеркиваний и подчеркиваний его текста авторами и другими лицами. Публикация демонстрирует прекрасные возможности использования современных электронных технологий в типографской документальной публикации.

С другой стороны, встречаются и неоправданные нарушения принципа неприкосновенности. На первый взгляд, кажется малозначимым такой элемент документа как гриф его секретности. Например, в публикации «Реабилитация: как это было»³⁵ вопреки нормативным требованиям и общепринятой практике отсутствуют указания на грифы секретности публикуемых рассекреченных документов. Чтобы продемонстрировать, насколько важны такие указания в документальной публикации академического типа, приведем всего лишь один пример из этой публикации. В ее первом томе опубликовано «Постановление Президиума ЦК КПСС «Об амнистии». В нем говорилось: «1. Одобрить внесенный МВД СССР тов. Берия прилагаемый проект Указа Президи-

³⁴ «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история. В 2 частях. Ч. 1: История текста «Краткого курса истории ВКП(б). 1931-1956. М., 2014.

³⁵ Реабилитация: как это было. Март 1953 - февраль 1956. Документы. Т. 1. М., 2000. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

длуума Верховного Совета СССР об амнистии, разработанный с участием Министерства юстиции СССР и Генерального прокурора СССР. 2. Указ опубликовать в газетах за 28 марта 1953 г.». (1, с. 2).

Знающий читатель, конечно, поймет, что в делопроизводстве ЦК КПСС этому решению был обязательно присвоен какой-то гриф секретности. Но вот уже документ номер три, опубликованный в сборнике как «Приказ Министра Внутренних дел СССР, Министра Юстиции СССР и Генерального прокурора СССР «О порядке исполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии»» уже вызывает принципиальный для его понимания вопрос – кому был известен этот приказ: всему народу СССР, компетентным лицам, допущенным к государственной тайне, или лицам, бывшим только его непосредственными исполнителями. Публикация «Реабилитация: как это было», проигнорировав указание на грифы секретности публикуемых документов, лишила ее пользователей понимания характера бытования этих документов в реальной действительности 50-х годов прошлого столетия.

Игнорирование принципа неприкосновенности не только снижает информационный потенциал публикуемого документального источника, но и приводит к его искажению и даже фальсификации. Примером такого искажения стала публикация «Записок» первого председателя КГБ СССР И. А. Серова³⁶.

При знакомстве с этой публикацией возникают два вопроса: что и как здесь опубликовано?

Поиски ответа на первый вопрос заставляют нас внимательно прочитать тексты предисловий и комментариев к публикации, большая часть которых принадлежит перу ее составителя А.Е. Хинштейна. В предисловии он пишет:

³⁶ Серов Иван. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

«Иван Серов вел дневники с момента прихода на Лубянку в 1939 году. Наиболее важные события и впечатления он записывал всю жизнь: и в войну, и после, и даже став председателем КГБ (1954—1958), а затем начальником ГРУ — вплоть до своего увольнения в 1963-м» (с. 3). Несколькими строками ниже Хинштейн сообщает новую важную информацию: «Выйдя на пенсию, Серов о содержимом тайников не забывал. Примерно с 1964 года он начал работать над мемуарами, дополняя, а подчас переписывая старые дневники» (с. 3). Итак, Хинштейн определенно дает понять, что «Записки» Серова представляют собой дневники и мемуары. Это находит подтверждение и в цитируемом им письме председателя КГБ Ю. В. Андропова от 12 февраля 1971 г. в ЦК КПСС: «Комитетом госбезопасности получены данные о том, что бывший председатель КГБ при СМ СССР Серов И.А. в течение последних 2-х лет занят написанием воспоминаний о своей политической и государственной деятельности... При работе над воспоминаниями Серов И.А. использует свои записные книжки... Свои воспоминания Серов И.А. еще никому не показывал, хотя его близкому окружению известно об их существовании» (с. 4).

Однако в дальнейшем Хинштейн не раз пишет о нескольких иных параметрах «Записок» Серова. В конце своего предисловия он замечает: «В основной массе — это дневниковые записи, переработанные и дописанные после отставки. Очевидно, что Серов возвращался к старым материалам многократно, поскольку одни и те же события излагаются им сразу в нескольких вариантах с разной степенью подробности» (с. 10). В другом месте, характеризуя «Записки» Серова за май-декабрь 1945 г., Хинштейн замечает: «Очевидно, автор почти не трогал свои старые дневниковые записи, сделанные по горячим следам (за исключением нескольких добавленных впоследствии примечаний)» (с. 285). Иногда Хинштейн упоминает «другой вариант Записок Серова» (с. 78), его «записи и дневники» (с. 171), «записи и воспоми-

вания Серова», просто «записи», «другой вариант записок» (с. 227), «другой вариант воспоминаний» (с. 233), «один из вариантов записок» (с. 254), «из поздних записей» (с. 311), «из более поздних записей» (с. 386), «воспоминания» Серова (с. 402), «дневниковые записи» и тут же, через две строки, «мемуары», «более поздний вариант записок» (с. 525), «как законченные фрагменты, так и наброски, посвященные работе разведки» (с. 534).

Таким образом, как можно понять, в распоряжении Хинштейна находились не менее трех совершенно разных по своему функциональному назначению документа, вышедшие из-под пера Серова. Первый документ — это дневники с синхронными или чуть позже случившихся событий записями (впрочем, из публикации Хинштейна невозможно понять, имел ли дневник Серова датированные записи). Второй документ — это мемуары, представляющие собой дополненные много позже дневниковые записи. Третий документ — это собственно мемуары как более или менее цельные отрывки о разных событиях его жизни и деятельности, существующие в разных вариантах и написанные уже после ухода Серова в отставку. Кроме того, в распоряжении Хинштейна оказался еще один важный документ — подробный план цельного мемуарного произведения, которое Серов написать не успел (с. 590—591).

Общепринятые и общеизвестные правила издания документальных источников в таких ситуациях требуют отдельных изданий каждого из четырех документов, с приведением их вариантов в третьем случае. Для Хинштейна этих правил не существует. Перед нами даже не контаминация, т. е. соединение текстов источника, существующего в разных редакциях, а создание нового, особого документа, который и предлагается читателям. Для придания целостности этому документу Хинштейн публикует к нему «послесловие» Серова, на самом деле имеющее отдаленное отношение к «Запискам» Серова, поскольку представляет собой всего лишь

духовное завешание этого человека своим близким, датированное 22 апреля 1964 г. (с. 588–589).

Заметим, что публикация Хинштейна внешне выглядит вполне академично. Однако это впечатление обманчиво. Уже отсутствие в предисловии описания рукописей «Записок» рождает недоуменный вопрос: а что, собственно говоря, издается: дневниковые записи, мемуары или то и другое?

Теперь посмотрим, как воспроизводится текст «Записок». На первый взгляд, это выглядит также вполне академично. Здесь имеются помешенные в угловые скобки многоточия, указывающие на исключения текстов при публикации, правда, по не совсем понятным причинам. Указаны непрочитанные слова, в квадратных скобках восстановлены слова, написанные Серовым в сокращении или же пропущенные им. И вместе с тем, мы встречаем здесь такие самопризнания публикатора о методике работы им с текстом «Записок», которые не могут не поразить историка и археографа. В своем предисловии Хинштейн, например, пишет: «Весь массив записей мы выстроили в хронологическом порядке, разбив на главы, устранив повторы, проверили и исправили имена собственные. Однако и в таком виде рукопись оставалась крайне сложной для восприятия, поэтому мы взяли на себя смелость значительно ее сократить, вырезав то, что показалось нам несущественным и малоинтересным, дать названия главам и подглавам» (с. 11). В главе, названной Хинштейном «Депортации народов», он признается: «Мы сознательно нарушили хронологический порядок изложения, объединив в этой главе записи и воспоминания Серова о проведенных им «специальных операциях» с 1941 по 1944 год» (с. 182). Такое же признание встречаем в главе, посвященной событиям в Польше в 1944–1945 гг.: «Мы вновь позволили себе нарушить хронологический порядок книги, объединив в одной главе записи разных лет, посвященные покорению Польши» (с. 215). По признанию Хин-

штейна, в одну главу «объединены» «Записи» Серова о тайных операциях КГБ СССР (с. 534), «скомпонованы в единый текст» записи о деле О. В. Пеньковского (с. 576). Иначе говоря, публикатор не только по своему усмотрению компоновал тексты разных источников — дневника и мемуарных записей, он еще вольно обращался с текстом каждого из них, тасуя его части то в угоду хронологии повествования, то в угоду разных тематических подборок, которым он дает звонкие и подчас модернизированные названия типа «Слезы маршала Мерецкова», «Их надо сбросить с перевала...», «Информация к размышлению», «Дуэль в лагерном бараке», «Страсти в Президиуме» и т. д. И это несмотря на то, что здесь же опубликован действительный план мемуаров, составленный самим Серовым, который мог быть использован публикатором при формировании структуры «Записок».

При чтении «Записок» Серова такое обращение с их текстами производит впечатление самовластного распоряжения публикатором оказавшихся в его распоряжении текстов, особенно, если учесть, что разные источники тематически связанного текста никак не оговариваются. Например, глава «Границу не переходить» начинается явно дневниковой записью: «По-прежнему грузины, армяне и их прислужники дружат между собой, я один — как «варяг», приехавший из Украины, да к тому же еще и не чекист, а военный» (с. 80), а заканчивается записью мемуарной: «Как видно из сообщений ТАСС, голиковские и кузнецовские домыслы и дезинформация их в ЦК, я думаю, в значительной степени повлияли на это сообщение ТАСС» (с. 81) (Серов имеет в виду доклады о возможности начала войны с Германией, поступавшие от Голикова и Кузнецова, о которых он узнал только в 1954 г.). Глава «Начальник охраны Московской зоны» содержит явно мемуарную запись: «Правда, в дальнейшем ходе войны был приказ Верховного, определяющий за сколько километров должны находиться начальники и

штабы от переднего края...» (с. 115), а спустя буквально три абзаца мы читаем текст дневника: «Кстати сказать, на днях вызвал меня т. Сталин и в ходе разговора я ему тоже рассказал, как обстоят дела под Москвой» (там же). Еще один пример. Главка «За минуту до смерти» почти целиком представляет собой дневниковые записи. И вместе с тем она разбивается явно мемуарной записью: «Единственная надежда была — это, как предсказывали сваны, по ежегодным данным в конце сентября — в начале октября на перевалах появляется снег, следовательно, движение закрывается, и немцы удерут за перевалы... Как потом и оказалось, что в начале сентября немцы пошли в наступление, около полка той же дивизии «Эдельвейс», сбили наши подразделения и заняли перевал... И лишь в начале января 1943 года, когда в горах выпал обильный снег, немцы ушли сами» (с. 144–145).

Известно, что, например, мемуары многих советских государственных и военных деятелей имели как скрытое, так и открытое «двойное соавторство», когда их рассказы обрабатывались специально приглашенными журналистами и писателями. То была обычная практика, к которой можно относиться по-разному, но в целом воспринимать как данность, если учесть, что такие мемуары после литературной обработки перечитывались и при необходимости поправлялись их формальными авторами. В случае с «Записками» Серова дело обстоит совсем иначе. После смерти Серова у него появился литературный соавтор, которого Серов не мог поправить. Поэтому перед нами — документ со своего рода «принудительным двойным соавторством». Серов к нему не имеет никакого отношения, если не считать, что в основе такого документы все же лежат его «Записки».

Как отнестись к публикации Хинштейна? Вне какого бы сомнения, в их основе лежат подлинные тексты, написанные Серовым. Приписок самого Хинштейна, кроме заголовков глав и подглав, мы не обнаружили. И вместе с тем, из-за смешения в публикации текстов разных видов подлинных доку-

ментов, вышедших из-под пера Серова, перестановки, сокращения их текстов, перед нами новый документ, созданный Хинштейном и никогда не писавшийся Серовым. Поэтому, строго говоря, перед нами — фальсифицированный документальный исторический источник, имеющий подлинную основу. История фальсификаций документальных источников в нашей стране знает такие примеры. Глубина этой фальсификации может быть понятна только после текстологического сопоставления публикации с оригиналами подлинных документов, написанных Серовым и использованных Хинштейном. Тогда же можно понять и мотивы подготовки именно такой публикации «Записок». Мы знаем немало случаев, когда сокращения текстов подлинных документов при их публикации объясняются важными политическими и идеологическими соображениями, так же как и перестановки их текстов. Впрочем, в нашем случае дело, по всей видимости, обстоит проще. Хинштейн публиковал не тексты документальных источников, оказавшихся в его распоряжении, а создал своеобразный «информационный продукт», способный привлечь к себе внимание широкого читателя.

К этому «информационному продукту» нужно относиться с большой осторожностью.

Не очень внятно принцип неприкосновенности текста документа соблюден А.С. Черняевым в публикации своего дневника⁷. Черняев пишет, что в публикации «изъято интимное, но не личное» — и это полное право автора, хотя для корректности следовало бы отточиями в угловых или квадратных скобках отметить такие изъятия. Зато куда важнее возникающие подозрения о позднейших интерполяциях автора в свой дневник. Одни такие интерполяции явно связаны с непоследовательной системой комментирования дневника — в подстрочнике, что понятно, оправданно и об-

⁷ Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. М., 2010. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

шепринято, демонстрируя отсутствие вторжения в текст документа. Зато другие поправки без каких-либо оговорок присутствуют в самом тексте документального источника. Например, в записи от 15 ноября 1974 г., сообщая о возможных кандидатурах на пост секретаря ЦК вместо П. Н. Демичева, в том числе П. А. Абрасимова, автор в скобках поясняет: «(тогда посол в Париже)» (с. 116). Надо понимать, «тогда» могло появиться только позже 1974 г. Запись от 9 января 1977 г. рассказывает о подготовке большой группой специалистов доклада Л. И. Брежнева по случаю присвоения Туле звания города-героя. Автор перечисляет их и дает им откровенные характеристики, в том числе: Г. М. Корниенко – «тогда зав[едующий] американским отделом МИДа, хитрый хохол, знающий дело», Менделевич – «единственный еврей в МИДе, никогда не пытавшийся скрывать своего еврейства. Сохранился каким-то образом там на высоких должностях до конца своих дней... Знал не только, где и в каком дипломатическом документе была поставлена существенная запятая...» (с. 259). В этом пассаже мы видим не только прошедшее время («знал», «тогда»), но и удивительное предвидение автором дневника будущей судьбы Менделевича.

В этих и других явно позднейших авторских вторжениях в текст дневника мы склонны видеть не стремление к какому-то сознательным поправкам с учетом ставших позже известных событий, а некую неудачную по форме попытку комментирования – не вне текста, а внутри его, без каких-либо оговорок. И это, конечно, следует иметь в виду читая дневник Черняева не как литературное произведение, а как исторический источник. В свое время мы обращали внимание на эту особенность опубликованных фрагментов дневниковых записей Черняева в описании трех дней форосских событий 1991 г.³⁸ Скажем прямо, не вдаваясь в полемику, что

³⁸ Козлов В. П. Игра явлений в дневнике А. С. Черняева // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 159-166.

и новая публикация дневника в этой части наших вопросов не развеяла.

Вместе с тем археографическая практика последних лет показывает, что формальное следование этому принципу также приводит к негативному результату. Примером этого стала публикация дневника Нечкиной³⁹. Из небрежной археографической части общего предисловия к публикации можно понять, что в разные годы свой дневник Нечкина вела в четырех формах — в тетрадях, еженедельниках и календарях, на карточках и «отдельных листах». Составитель попытался объединить все эти формы записей в хронологической последовательности, называя это «реконструкцией» дневника. С таким археографическим приемом можно было бы согласиться, если бы он был реализован последовательно и до конца.

Однако внутри годовых записей, когда они велись, как можно понять, на карточках или отдельных листах, такой реконструкции по хронологии записей составитель не сделал. Он воспроизводил тексты в той последовательности, в которой они были закреплены в деле при архивной обработке. Но одно дело архивная обработка и совсем другое — «археографическая реконструкция» хронологии дневниковых записей.

Отсутствие такой хронологической реконструкции при чтении некоторых годовых частей дневника производит странное впечатление — будто жизнь Нечкиной протекала от конца года к его началу, а иногда бессистемно «прыгала» от более поздней даты к ранней, от неё вновь к более поздней и т. д. Приведем несколько примеров из дневника за 1974 г. в последовательности текста публикации. «21 июня 1974 г. получила письмо от Г.А. Невелева, что он убедился моим отзывом, что рукопись рано печатать и взял ее из

³⁹ «И мучилась и работала невероятно»: Дневники М. В. Нечкиной. М., 2013. Далее ссылки на это издание лаются в тексте настоящей главы.

издательства... Читать дальше Невелева, написать ему отзыв и замечания. 6 июня продолжала. 7 июня закончила отзыв и послала почтой, пакетом (простым) по его домашнему адресу. Посмотреть работу Невелева! (Пакет пока не распечатан!). Ок[оло] 3 июня распечатала, начала читать. Не нравится» (с. 516). Другой пример. «12 ноября 1974 г. Сдам Регине на перенос правки, подклейку и т. д. рукопись «Декабристы» (популярный очерк)... 11 ноября (день возвращения из «Узкого»). Работала над рукописью популярного очерка «Декабристы», кое-что вставляла, проверяла. 5 октября 1974 г. Сильно продвинула (близка к концу) рукопись «Декабристы», популярный очерк. Но еще есть работа над ним, кое-что осталось сделать. Еду с рукописью в «Узкое»... 31 августа 1974 г. Закончила работу над популярным очерком «Декабристы». Дод завтра во вторник 3 сентября 1974 г. сдаст рукопись машинистке» (с. 518). «16 августа 1974 г. (на Николиной Горе). Закончила для подготовки к 3-му изданию мою книгу «Грибоедов и декабристы»... 31 июля 1974 г. сдан в издательство XIII том «Восстания декабристов»... 17 апреля 1974 г. состоялось заседание группы по декабристам... «Узкое». С 29 марта по 5 апреля включительно с утра до ночи, по многу часов в день работала над XIII томом «В[осстания] Д[екабристов]» (с. 519–520).

Думается, что приведенных примеров, которые можно было продолжить, достаточно, чтобы осознать: перед нами новация современной археографической практики публикации документов XX в. В свое время эту новацию (публиковать «дело» в строгой последовательности составляющих его документов, а не по хронологии их создания) сознательно отстаивал академик Н. Н. Покровский. При этом он ссылался на практику публикации рукописных сборников Средневековья, в которых последовательность составлявших их произведений могла нести некий дополнительный источниковый смысл. Однако его попытки распространить практику публикаций средневековых сборников на темати-

ческие дела, созданные в делопроизводстве Политбюро ЦК РКП(б), например, на издание тематического досье об изъятии церковных ценностей нельзя признать удачной: элементарным небрежностям работников аппарата ЦК ВКП(б) он придал некий особый смысл, которого не существовало.

Автор этой книги допускает, что составитель публикации дневника Нечкиной придерживался точки зрения Покровского, использовав лишь частичную «археографическую реконструкцию» и по этой причине сохранил небрежности формирования дел архива Нечкиной. Но в таком случае он был обязан показать это в археографической части предисловия, чего, однако, не случилось. Это лишает нас возможности поспорить с ним, а дает основание просто заявить о недопустимости такого решения текстологических проблем документальных источников личного происхождения XX в. У археографа, конечно же, есть пределы вмешательства в текст документального источника. Но представлять читателю неизвестно когда и кем перепутанную грудку карточек и листов с дневниковыми записями, подчас носящими плано-отчетный и контрольный характер, без их хронологической упорядоченности, он просто не имеет права, каждый раз оговаривая это свое право текстуальными пояснениями.

Принцип неприкосновенности текста документа не является универсальным. Его дополняет *принцип точности воспроизведения текста документа*. В отличие от предшествующего, этот принцип универсальный, он предполагает исключение каких-либо поправок, «улучшающих» язык, «уточняющих», «поправляющих» информацию документа путем внесения изменений в его текст. Единственным ограничением его применения считается возможность исправления явных технических описок, опечаток, искажений качества изображения и звука.

Можно легко заметить, что каждый из трех названных выше принципов передачи текста документа легко вписывается в давнюю дискуссию между сторонниками «лингвис-

тической», «дипломатической» и «критической» документальных публикаций. С. М. Каштанов, характеризуя неприемлимое противоречие между «лингвистической» документальной публикацией, основанной на принципе неприкосновенности текста, и «дипломатической» документальной публикацией, использующей принцип заданной точности передачи текста, а также «критической» документальной публикацией, в основе которой лежит принцип точности передачи текста, отдает предпочтение «дипломатической» документальной публикации⁴⁰. При этом он со здоровым скептицизмом относится к «фототипическим» документальным публикациям, полагая, что они не в состоянии передать многие внешние признаки публикуемого документа. Соглашаясь с этим, смеем заметить, что современные электронные средства позволяют не только, например, с помощью сканирования передать все внешние признаки документа, но и освободить некоторые из них от воздействия времени. Иначе говоря, технотронные документальные публикации, основанные на современных электронных технологиях, способны уже сейчас оставить в прошлом споры между сторонниками «лингвистических», «дипломатических», «критических» документальных публикаций. Однако это не означает, что и тех, и других, и третьих не должно быть.

Принцип дифференцированного подхода к воспроизведению текста документа в документальной публикации в зависимости от авторов и эпох создания текстов предполагает обеспечение обоснованной и удобной для пользователей трансформации документа из его естественной прежней знаковой системы в современную. Использование этого принципа усиливает коммуникативную роль документа.

Принцип дифференцированного подхода к воспроизведению текста документа, корректируя в определенных ситуациях принцип неприкосновенности текста документа

⁴⁰ Каштанов С. М. Актовая археография. С. 242-243.

и принцип точности его воспроизведения, в свою очередь корректируется *принципом унифицированности воспроизведения текста документа в документальной публикации*. Этот принцип связан с неперенным единообразием передачи текста (текстов) документа (документов) в конкретной документальной публикации, которое не только придает ей строгость, но и заставляет составителей действовать в определенной, заданной ими же самими системе передачи текста. Принцип унифицированности использован в большинстве публикаций последних лет.

Наличие массовых документов создает возможность использования в документальной публикации *принципа регестирования текстов документов*, т. е. их воспроизведения в особой формализованной форме — таблице с исключением повторяющихся частей текста (клаузул). Непременное условие принципа регестирования текстов документов — тщательное обоснование того или иного способа его применения и его способность обеспечить трансформацию регесты в исходные документы⁴¹.

Археографическая практика последних лет крайне осторожна в применении этого принципа, даже тогда, когда он, на наш взгляд, очевиден. Регестирование документов, содержащих цифровую информацию, широко использовано в публикации «Военнопленные в СССР», в которой на их основе представлена таблица «Численность лагерей НКВД — МВД СССР для военнопленных в 1941—1950 гг.».

Составители четвертого тома публикации «Советская деревня глазами ВЧК—ГПУ—НКВД» пошли по общеизвестному и общепринятому пути издания не массовых источников — полному воспроизведению отобранных ими к изданию массовых документов. Здесь помещены выборки целых комплексов таких документов, которые при приложении определенных усилий могли быть трансформированы в ре-

⁴¹ Подробнее см.: Козлов В. П. Основы. С. 116—117.

гестовую форму передачи их текстов, причем, не выборочно, как это сделано, а по всем регионам СССР.

Покажем это на одном примере. В публикацию включены 4 шифртелеграммы УНКВД по Ивановской, Челябинской областям, Кабардино-Балкарской АССР и Западно-Сибирскому краю. Все они датированы 8 июля 1937 г. и представляют собой донесения о подготовке к исполнению приказа НКВД СССР №00447 об оперативном учете лиц, подлежащих репрессированию. Их воспроизведение в виде регесты табличной формы могло бы выглядеть следующим образом.

Регион	Учетные данные по: первой категории, второй категории, уголовникам, кулакам	Другие данные	Автор/ дата документа	Примечание
Ивановская обл.	342 1718 491 1569	Нет	Стырнэ / 8.08.37 г.	
Кабардино-Балкарская АССР	360 467 164 663	Создана тройка	Антонов / 8.08.37 г.	
Западно-Сибирский край	10924 15036 11117 14843	Для содержания арестованных подготовлены помещения емкостью 9000 человек	Миронов / 8.08.37 г.	В документе названа меньшая цифра взятых на учет: 25944 человека и около 6500 «хозяйств, самовольно осевших в Нарыме». Данные не сходятся с общим числом взятых на учет, указанным в документе: 7923 человека
Челябинская обл.	2522 5401 1686 6267	Нет	Блат / 8.08.37 г.	

Когда идет речь о публикации определенных видов документов или документов большого объема и разноплановых по содержанию своих частей, допустима их публикация в извлечении на основе принципа *неполного воспроизведения текста документа*. Этот принцип широко и оправданно используется в прикладной археографии последних лет, имеющей часто дело с полифоничным документом — документом со сложноструктурированными сообщениями, а потому с разнообразным, в силу своей природы, содержанием. По этой причине он не требует полного воспроизведения в документальной публикации с выбранной моделью. Принцип неполного воспроизведения текста документального источника обоснованно использован в сборнике «Кронштадтская трагедия 1921 года»: «Большинство документов публикуется полностью, исключая... протоколов и стенограмм заседаний Оргбюро, Политбюро и пленумов ЦК ВКП(б), Петербургского комитета, СТО, ВЦИК, Петросовета, из которых публикуются только те пункты, которые касаются петроградских и кронштадтских событий. Исключены также части документов, повторяющие известную кронштадтскую резолюцию от 1 марта...» (с. 35). Необходимо заметить, что принцип неполного воспроизведения текста требует каждый раз тщательного обоснования его применения.

Названные выше принципы иногда применяются в определенных сочетаниях. Например, в предисловии к изданию «СССР и германский вопрос» сказано: «Документы воспроизводятся, как правило, полностью. В случаях, когда какая-то их часть опускается, это отмечается многоточием и оговаривается в подстрочном примечании» (2, с. 27). Удачной формулой комбинированного применения нескольких принципов передачи текста можно признать их характеристику в первом тематическом блоке публикации «Военнопленные в СССР». Здесь составители сообщают: «Все документы публикуются полностью, без купюр... Тексты документов печатаются с сохранением их стилистических

особенностей, но в соответствии с правилами современной орфографии. Пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу части слов или слова заключены в квадратные скобки в том случае, если воспроизвести утраченный текст не удалось, в примечании к документу делается оговорка. Все погрешности текста, неправильно написанные фамилии, инициалы, слова и т. п. сохраняются в тексте и оговариваются словами «Так в документе» в примечании к документу. Все авторские и неавторские исправления: вставки или вычеркивания слов, предложений, абзацев—ограничиваются в тексте одинаковым количеством звездочек и оговариваются в примечаниях к документу. После подписей на документах воспроизведены все резолюции с указанием их расположения на листах, цвета карандаша или чернил» (с. 15).

Приведенная формула является емким выражением основных общепризнанных принципов воспроизведения текста документа в документальной публикации. Во-первых, она показывает, что составители следовали принципу заданной точности передачи текстов документов, т. е. предложили читателям такую систему передачи текста, которая ему была бы полностью известна, понятна, доказательна и проверяема на предмет установления предела погрешности. Во-вторых, составители учитывали принцип неприкосновенности текста при его воспроизведении, т. е. стремились исключить такое в него вмешательство, которое нарушило бы его структуру, исказило оригинальность орфоэпии, стремились к точному воспроизведению. В-третьих, публикаторы соблюдали принцип унифицированности воспроизведения текстов, т. е. единообразной передаче текстов всех документов, включенных в документальную публикацию.

Составители публикации «Атомный проект СССР» разумно старались установить предел погрешности воспроизведения текстов, удачно используя в зависимости от ситуации принцип заданной точности, принцип неприкосновенности, принцип дифференцированного подхода, принцип

унифицированности воспроизведения текстов различных документов, о чем обоснованно сказано в археографическом введении. Они стремились к публикации оригиналов, хотя и признаются, что часто из-за утрат «речь шла не о выборе текста документа, а о том, чтобы найти хотя бы один из его вариантов, в том числе и незавершенный» (1/1, с. 14–15).

Принципы конвоирования документа в документальной публикации. Как уже отмечалось, документальная публикация представляет собой систему взаимосвязанных элементов, в которой документ является хотя и главным, но лишь одним из таких элементов. Ее другим элементом выступает конвой — информационное сопровождение, призванное усилить коммуникативную роль документа, сделать его максимально доступным, понятным для пользователя. В конвое, в свою очередь, можно выделить элементы прямого и непрямого действия. В первом случае они непосредственно поясняют текст и содержание документа (текстуальные примечания, комментарии, заголовки и др.), во втором — опосредованно соотносят документ с другими документами (предисловие, археографическое введение, указатели, перечни и др.).

Конвоирование документа является сложнейшей, но не неразрешимой проблемой археографии. В публикациях последних лет эффективность, результативность конвоирования исключительно зависят от ответственности и профессионализма их составителей, что сказывается на ошибках и достоинствах конвоирования.

Составление конвоя основывается на нескольких принципах.

Принцип полноты конвоя документа в документальной публикации предусматривает наличие ряда его обязательных элементов, таких как историческое и археографическое предисловие, источниковедческое введение (иногда они бывают объединенными), комментарии по содержанию и текстуальные примечания. Этот принцип, например, выдержан в публикации «Военнопленные в СССР». Элементы конвоя

прямого действия здесь представлены редакторскими заголовками к документам, комментариями к документам по содержанию, текстуальными примечаниями, списком сокращений, легендами и 31 приложением. Элементы конвоя непрямого действия включили: обращение «К читателям» редактора издания М. М. Загорулько, введение, карту размещения в СССР лагерей военнопленных и интернированных, археографическое предисловие.

Однако соблюдение принципа полноты конвоя в части наполнения каждого из его элементов существенно разнится в прикладной археографии последних лет. Например, вызывающее отсутствие в публикации «Дело Берии» элементарного археографического предисловия рождает у читателя смутное представление о «деле Берии» в историческом смысле, ходе следствия и суда над ним и его сотрудниками. Отсутствие археографического предисловия с характеристикой источника как разновременного продукта творчества мемуаристки С. Буксгевден⁴² вносит некоторую сумятицу в историю создания этого интересного и ценного источника.

Археографическая практика последних лет показывает тенденцию к использованию принципа полноты конвоя при публикации и визуальных документов. Например, публикация «Великая война»⁴³ снабжена не только традиционными историческими очерками, но и двумя самостоятельными с высокой степенью новизны статьями о фотографии и кинематографе в годы Первой мировой войны. Традиционные географический и именной указатели дополнены здесь двумя важными указателями фотографов и кинооператоров и хроникально-документальных фильмов.

⁴² Буксгевден С. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы Всероссийской. М., 2006. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

⁴³ Великая война 1914-1918. Кинофотохроника. Т. 1. СПб., 2014; Т. 2. СПб., 2015. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

Однако в целом при публикации визуальных документов приведенный выше положительный пример является скорее исключением, чем правилом. Археография и источниковедение фотокинодокументов имеют свои особенности. Фотокинодокумент часто является результатом двойного соавторства – фотографа и объекта фотографирования – человека и людей. И сознательно, и бессознательно в этих случаях имеет место эффект режиссуры, так или иначе воздействующий на достоверность фотодокумента. При обнаружении этого эффекта она уменьшается, а в ряде случаев приобретает ничтожное значение. С другой стороны, фотокинодокумент может обладать высокой степенью аутентичности с изображаемым объектом, например в случаях с видовыми фотокинодокументами, вообще со статичными материальными объектами фотокинофиксации. Поэтому источниковедческий анализ визуальных документов при подготовке их к публикации является необходимым. Он обеспечивает качество отбора, комментирования и составления заголовков фотокинодокументов.

В предисловии к публикации «В объективе война» ее составители затрагивают вопрос о необходимости применения принципа полноты конвоя при публикации визуальных документов. Они пишут: «Представленные фотографии не нуждаются в комментариях – они говорят сами за себя, разворачивая перед нами правдивую и тягостную повесть о жизни человека на войне»⁴⁴. С такой позицией просто невозможно согласиться. Во-первых, читатель публикации должен по возможности иметь представление об авторах фотодокументов – это азы археографии текстовых документов. Во-вторых, читателю важно знать хотя бы о людях, изображенных на фотографиях, которых удалось идентифици-

⁴⁴ В объективе война. 1941-1945. Фотографии советских и иностранных корреспондентов из собрания Российского государственного архива кинофотодокументов. СПб., 2009. С. 9. Далее сноски на это издание даются в тексте настоящей главы.

ровать составителям. В-третьих, не менее важно пояснить читателю хотя бы очевидные ситуационные фотографии. Что за немецкое противотанковое орудие PaK-38, зафиксированное на с. 42–43, или советский танк Т-40 на с. 44? Что за линейный корабль «Октябрьская революция» и какова его судьба после попадания в него немецкой бомбы? (с. 83). Что за «Красногорский лагерь», в котором беспечно обедают немецкие военнопленные? (с. 296). И таких вопросов, требующих пояснений, не три, не пять, а десятки.

При этом и археограф, и источниковед должны понимать, что имеют дело со зрительным образом зафиксированного прибором объекта.

Наиболее ярко нарушение принципа полноты конвоя прослеживается в комментариях по содержанию и текстуальных примечаниях. В уже упомянутой публикации о Берии откровенно продемонстрировано нежелание публикатора сделать документы понятными для читателей с помощью их комментирования. Здесь имеются «Примечания», представляющие собой некие исторические эссе к содержанию документов. И то не ко всем: из 145 документов такие эссе даны только к 28. Возьмем для примера одно из небольших таких примечаний, относящееся к документу, небрежно названному в публикации «Запиской В.А. Махнева о деятельности Л. П. Берия в Спецкомитете» от 11 июля 1953 г. «Примечание» к нему сообщает: «Специальный комитет (в дальнейшем — Специальный комитет №1 при Совете Министров СССР) был создан решением ГКО 20 августа 1945 г., после взрывов атомных бомб США в Хиросиме и Нагасаки. Деятельность данного органа по созданию советской атомной бомбы контролировал Берия, а В.А. Махнев являлся членом и секретарем Спецкомитета. За активное участие в разработке атомной бомбы ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, дважды он становился лауреатом Сталинской премии» (с. 662). Это нужное пояснение к документу, даже несмотря на то, что из него не ясно, кто

стал Героем Соцтруда и Лауреатом Сталинской премии – Берия или Махнев. Однако в этом же документе имеются многочисленные, по нашей терминологии, неопознанные пробелы, требующие обязательного комментирования: «система «К»», «КБ-1», в котором работало 9000 человек,, «1-й Главк», «КБ-11», «изделия Р-5», «лаборатория Здродовского», «опасные работы под Москвой», «препарат «Т»», «комбинаты № 817 и № 813» и т. д.

Кто-то скажет, что эти места прокомментировать просто. Наверное, хотя далеко не всегда. Целые фильмы уже созданы, например, и про «изделие Р-5», и про «лабораторию Здродовского». Может кто-то возразить и иначе: специалисты и без комментариев все это знают. Например, зачем комментировать одно из мест документа № 10 (протокол допроса Б. А. Людвигова от 4 июля 1953 г.), в котором имеется фраза: «после издания Указа об амнистии Берия...». Конечно же, можно не комментировать этот важнейший акт послесталинского руководства. Но вот странно: в этом же издании прокомментированы еще более известные вещи – кто такие К. Е. Ворошилов, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин. Казалось бы: зачем? А потому что такова общепринятая в научном мире археографическая культура. И она требует соблюдения общепринятых археографических правил, среди которых комментирование неопознанных пробелов документов является одним из основных. В этой публикации практически на каждой странице имеются места, требующие комментариев, оставленные составителем без внимания.

9 том публикации ««Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину»⁴⁵ сопровождается блоком статей, обобщающих информацию документов сборника: А. Н. Сахарова и Г. Н. Севостьянова («Документальная летопись жизни советских

⁴⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 9. 1931 г. М., 2013. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте настоящей главы.

людей»), Ж.-П. Депретто («Краткий анализ документов Лубянки о положении в СССР в 1931 г.»), Ю. Л. Дьякова и Л. П. Колодниковой («Рассекреченные документы ОГПУ о «националистических партиях и организациях» в СССР»), Т. С. Бушуевой («Документы Лубянки об особенностях крестьянского движения в СССР в 1931 г.»), В. С. Христофорова («Историко-археографическое предисловие»). Как видим, среди них нет очень важной и необходимой — о достоверности опубликованных в сборнике документальных источников. Лишь бегло и как-то застенчиво на это намекается в статье Ж.-П. Депретто («Мне представляется, что вопрос надежности этих документов может быть удовлетворительно разрешен только при условии их систематического сравнения с другими источниками» (с. 27)). Во всех остальных статьях информационные сводки воспринимаются как объективные свидетельства происшедшего в 1931 г. А. Н. Сахаров, Г. Н. Севостьянов: «Власть хотела знать правду, а правда была очень тяжелой и горькой» (с. 22). В. С. Христофоров: «Борьба с вредительством в промышленности приобрела особый размах, в практику вошли публичные процессы в отношении вредителей на производстве. Вслед за «Шахтинским процессом» на протяжении 1928—1931 гг органами ОГПУ были раскрыты вредительские организации в ряде отраслей промышленности и на транспорте... В 1930—1931 гг. органами ОГПУ была раскрыта и ликвидирована контрреволюционная шпионско-вредительская организация в нефтяной промышленности СССР» (с. 67—68). Правда, в статьях Христофорова и Ю. Л. Дьякова и Л. П. Колодниковой в ряде случаев мы встретим и оговорки, типа «якобы» и кавычки о «вредительстве». Зато в статье Т. С. Бушуевой информационные сводки ОГПУ о положении в деревне воспринимаются как абсолютно достоверные, раскрывающие фантастически организованный крестьянский протест против советской власти. Даже названия разделов этой статьи так или иначе повторяют формулировки информационных

сводок ОГПУ: «Процесс антисоветской активности в деревне не затихал», «Перед ОГПУ встали задачи разгрома и изоляции «деревенской контрреволюции», «Террор (имеется в виду крестьянский — В. К.) имел ярко выраженный антиколхозный характер», «Контрреволюционные организации и группировки в деревне», «Контрреволюционные организации и группировки ссыльных и беглых кулаков».

Ну конечно же, и в 1931 г. и до этого года и после деревня сопротивлялась коллективизации и раскулачиванию, хотя после нескольких репрессивных волн, начавшихся в 1924 г., активные и потенциальные участники этого сопротивления были либо высланы, либо осуждены. В 1931 г. в российской деревне царил страх перед властью, страх крестьян за свою личную судьбу и судьбу своих хозяйств. Именно поэтому важно критически рассмотреть сводки ОГПУ в части существования в деревне «контрреволюционных организаций и группировок».

В качестве примера рассмотрим опубликованный в сборнике документ «об антисоветской и контрреволюционной деятельности на промышленных предприятиях». В нем мы видим многочисленные конкретные проявления недовольства положением в стране — высказывания разных людей из разных регионов по своей сути похожие друг на друга. Эти данные о настроениях в городе и на предприятиях легко проверяются на достоверность по сохранившимся письмам граждан в редакции газет, журналов, органы советской власти, сводки которых, кстати, поступали в органы ОГПУ. По этой причине сомневаться в достоверности такой информации о высказываниях одиночек нет никаких оснований.

Совсем иначе обстоит дело, когда в этом документе речь идет об организованном сопротивлении советской власти в виде «группировок». Во-первых, из 15 таких группировок, названных и охарактеризованных в документе, только в пяти случаях указывается их численность или персональный состав. Во-вторых, только в 5 случаях упоминаются реаль-

ные действия таких группировок, к тому же в ряде случаев вполне житейские. Охарактеризуем каждый из этих случаев. Реальный стовор 3 рабочих московского завода «Каучук» бежать в Польшу превратился в «правооппортунистическую, контрреволюционную группировку» (с. 343). «Неуплата взносов» члена ВКП(б) рабочего московского завода «Геофизика» Хренова сделала его руководителем соответствующей группировки из 2 человек на этом заводе (с. 344). «Троцкистская группа Николаева – Пелевского» в Москве проявила себя при подготовке коллективного договора в ЦАГИ, внося предложения: «а) об усилении снабжения заводской столовой; б) об улучшении работы охраны завода; в) об увеличении заработной платы на 50%» (с. 356). «Троцкистская группа» в Калуге создала кассу взаимопомощи (с. 360). И только в одном случае с оговорками можно признать наличие организованного сопротивления у «группы Гинзбурга–Воробьева» (Москва), якобы выпустившей некий бюллетень «Против течения». Кстати, этой группе приписывалось создание на предприятиях Москвы «рабочих троцкистских кружков», ни одного из которых не названо.

Во всех остальных случаях рассматриваемый документ в отношении задач и характера деятельности «группировок» ограничивается общими и почти стандартными формулировками: «собираясь на квартире, занимались обсуждением политики партии» (с. 344), «пытаются восстановить связи и активизировать свою деятельность», обсуждают мероприятия партии «в явно антисоветском духе» (с. 358), «ведут беседы на политические темы» и т. д.

Для информации рассматриваемого документа характерны еще две его особенности. Большинство фигурантов «группировок» – это либо бывшие члены ВКП(б), либо состоявшие в ней, а также почти непременно бывшие троцкисты или склонные к троцкизму лица. Так готовились очередная кампания по чистке ВКП(б) и повторные аресты.

После всего сказанного о разобранном документе мы можем охарактеризовать его как документальный исторический источник с переменной достоверностью его информации — часть ее, касающаяся индивидуальных проявлений недовольства советской властью в городе достоверна, другая часть, связанная с организованным сопротивлением политике советской власти, носит сознательно вымышленный характер.

Этот же документальный источник затрагивает и тему деревни и крестьянства. Он сообщает о массовом явлении, связанном с бегством крестьянства из деревни в города, в том числе под прикрытием «фиктивных документов», получаемых за взятки в советах по месту жительства. Трактует это явление как один из способов «проникновения кулака в среду рабочего класса», источник тем не менее достоверно его фиксирует.

Зато дальше информация структурируется в соответствии с отработанными приемами. Источник называет 8 «активных контрреволюционных группировок» из кулаков и раскулаченных. «Группировка» в Москве вела «систематическую контрреволюционную агитацию среди рабочих» (с. 363), «кулацкая группировка» в Пушкино во главе с раскулаченным Родионовым создала «кулацкую артель», которая «организовала забастовку, предъявив явно рваческие требования» (с. 364), группировка «из раскулаченных кулаков и бывших торговцев» во главе с Шаршавиным на строительстве Воскресенского химического комбината «с целью маскировки своих дезорганизующих действий объявили себя ударниками, однако неоднократно предъявляли администрации рваческие требования об увеличении заработной платы и организовали две забастовки» (с. 364), «группировка» на цементном заводе «Красный строитель» в Московской области во главе с раскулаченным Соколовым занималась «систематической антисоветской агитацией среди рабочих» (с. 364), члены «антисоветской группы кулаков и

раскулаченных» на строительстве завода «Шарикоподшипник» в Москве проводили «систематическую антисоветскую агитацию, разлагали трудовую дисциплину и срывали культурно-просветительную работу» (с. 365) и т. д. Как видим, вполне житейские ситуации документ возводит в ранг политического сопротивления власти пробравшихся в ряды рабочего класса кулаков.

Раздел «Деревня. Крестьянство» включает все те же, что и в предшествующем разделе информационные сводки, справки, докладные записки. Часть их касается конкретных антисоветских проявлений. Фиксируя факты массовых крестьянских выступлений, физического и имущественного террора, распространения листовок в деревне, документы в этой части являются вполне достоверными историческими источниками, пусть и с пристрастной политической оценкой.

И опять же совсем иначе воспринимается информация о «контрреволюционных организациях и группировках в деревне». Опубликованная в сборнике обширная «Докладная записка об антисоветской активности в деревне и итогах агентурно-оперативной работы в 1931 г.» называет не менее 41 такой организации. В ней сообщалось: «В 1931 г. выявлено и ликвидировано значительное количество крупных по численному составу участников контрреволюционных организаций, охватывавших большую территорию, имевших разветвленную сеть своих ячеек и групп в нескольких селах, районах, а в отдельных случаях — пытавшихся увязать контрреволюционные группы и организации нескольких областей...» (с. 416). Однако в отличие от характеристики городских антисоветских группировок в этом документе деревенские «организации и группировки» поданы несколько иначе — с упором на их количественный состав и структуру, а не только на программные установки. Например, «контрреволюционная бандитско-повстанческая организация «Добровольческая Освободительная Армия» Северно-

го края и «контрреволюционная повстанческая организация» в Бобринском районе Украинской ССР насчитывали по 60 человек (с. 416), «бандитско-повстанческая организация» с центром в Городнянском уезде УССР состояла из 350 человек, «контрреволюционная повстанческая организация «Зеленая Армия» в Центральном Черноземном округе включала 139 человек, в этом же округе действовала «контрреволюционная повстанческая кулацко-монархическая организация» из 94 человек» и т. д. (с. 416–417). Откуда столь крупные организации в деревне после ее уже состоявшихся разных форм зачисток? Оказывается, «разнохарактерные антисоветские элементы объединяются на платформе свержения советской власти и установления «народовластия», не предопределяя характера этого «народовластия» (с. 417). И, что немаловажно: почти все они вели подготовку вооруженных восстаний.

Итак, перед нами не просто стихийно бурлящая деревня, пусть редко, но выбрасывающая протуберанцы бунтов то по поводу закрытия церквей, то в связи с очередным нажимом вступления в колхозы. Это еще и деревня самоорганизующаяся на почве вооруженной борьбы с советской властью, деревня, имеющая свои «штабы», «руководящие тройки», «пятерки», «ячейки». «специально изготовленные знамена», средства печати, деньги на приобретение оружия и т. д. (с. 421).

К 1931 г. стране уже 14 лет каждый день вдалбливалась идея о «бывших людях», кулаках как врагах советской власти и не менее 10 лет — об «остатках белогвардейщины», желавших реванша. Все они либо уже были ликвидированы, либо выселены, либо отбывали сроки в ссылке и лагерях. Но власти и в 1931 г., и в последующие годы был выгоден жупел опасности, исходящей от них.

Сегодня невозможно просчитать, сколько граждан СССР в 1931 г. верили в этот жупел, а сколько нет. Зато теперь здравый смысл подсказывает: сопротивление в деревне по-

литике советской власти было огромным, но оно по определению не могло уже носить организованного характера. Все эти «контрреволюционные организации и группировки» были придуманы органами ОГПУ на основе реальных фактов крестьянского открытого выступления или точечно выявленных проявлений словесного недовольства. Отсутствие комментариев к документам, содержащим эти данные, невольно создает у пользователей публикации впечатление об их достоверности. Между тем, и по правилам археографии, и по совести хотелось бы в этой публикации видеть комментарии ко многим местам текстов документов, в первую очередь к тем, которые сообщают о «контрреволюционных организациях и группировках». Хотя бы по примеру комментария о «Русском ЦК РСДРП», о котором мы говорили выше. И никто не может сделать такие комментарии, кроме составителей сборника, имевших возможность проследить судьбу этих организаций и их членов. Отсутствие таких, абсолютно необходимых комментариев, ставит пользователя публикации в сложное положение, а неподготовленного читателя заставляет поверить в существование этих организаций.

Принцип неразрывности связи документа и конвоя предполагает соблюдение строгого соответствия элементов конвоя и их содержания необходимому и полному объяснению документа, способному усилить коммуникативность документальной публикации. Эта неразрывность, однако, не должна сопровождаться слиянием документа и конвоя. Именно так произошло в публикации дневника А. С. Черняева. Его выдающаяся источниковая ценность не подкрепляется претензией на научное издание. И дело вовсе не в том, что в книге отсутствует крайне необходимый именной указатель, полные, необходимые и систематические комментарии по содержанию. Наоборот, публикация в археографическом отношении кое в чем даже замечательна. Мы имеем в виду в первую очередь краткие, но емкие послесловия автора после завершающих записей каждого года его дневника. Это

своеобразная мемуарно-исследовательская часть дневника Черныяева, написанная уже с позиций сегодняшнего дня и удачно дополняющая его дневниковые записи. Главный вопрос возникает с текстологией дневника. В авторском «пояснении» сказано, что оригинал опубликованной части этого документа под названием «Советская политика 1972–1991 гг.: взгляд изнутри» передан в архив Горбачев-фонда. Возможно, знакомство с этим оригиналом могло бы снять возникающие вопросы, но поскольку автору книги сделать этого не удалось, мы и поставили их выше в разделе о принципах передачи текстов документальных источников.

В рамках применения этого принципа при конвоировании документального источника археограф должен учитывать простоту конвоирования. Понятие это условно и субъективно, но оно наполняется реальным содержанием, когда мы сталкиваемся с усложненной и ничем не оправданной системой конвоирования. Примером этого является публикация воспоминаний Буксгевден. Здесь комментарии по содержанию представлены как бы тремя уровнями: пояснения в скобках непосредственно в тексте источника, подстрочные комментарии и застраничные комментарии в специальном справочном томе. Понять, зачем это было сделано, невозможно: в каждом из этих трех случаев мы встречаем абсолютно одинаковые типы комментариев к событиям и людям. Разумеется, было бы лучше пользоваться публикацией, если бы все они оказались не разорванными, а помещенными в специальном справочном томе. Иначе говоря, перед нами ничем не объяснимый пример разделения конвоирования документального источника.

Принцип неразрывности связи документа и конвоя предполагает и своевременность комментирования источника, в частности, комментирование при первом упоминании определенного неопознанного пробела. Например, в публикации дневника Николая II он выдержан не всегда. Так, 6 декабря 1907 г. император записывает: «После многолет-

него раздумывания я решился под конец переменить форму армии, вернуть гвардии прежнюю форму Анпапа и восстановить старые уланские и гусарские полки. Все это объявлено в приказе сегодня» (2/1, с. 250). Казалось бы, здесь и следовало бы прокомментировать эту реформу Николая II. Однако комментарий дан к записи от 19 января 1908 г.: «Утром Петюша привез коллекцию киверов и 10 ниж[них] чинов, одетых в разные кавал[ерийские] формы» (2/1, с. 275). Другой пример. 29 мая 1914 г. император пишет: «Отличным утром в 10 час[ов] поехал с дочерьми и почти всеми живущими в Ливадии – в Козмодемьянский монаст[ырь]». Комментарий о том, что это за монастырь, здесь отсутствует. Он появляется на той же странице публикации к записи Николая II от 26 мая: «В 9 час[ов] поехал с дочерьми в лесничество, там соединились с командиром и офицерами яхты и на шести моторах отправились мимо Красного камня в Козмодемьянский монастырь» (2/2, с. 32).

Принцип идентификации документа в конвое связан с его персонализацией через указания на его вид, автора, время (даты) создания, заголовки, а также с указанием на стратегию документа, его копии и дубликаты. Он обеспечивает характеристику номинативного, временного, пространственного и авторского признаков документа в среде его бытования — вне и внутри документальной публикации.

Археографическая практика последних лет показывает, что при публикации вербальных документальных источников этот принцип соблюдается почти безукоризненно. Например, в публикации «Военнопленные в СССР» легенды к документам указывают не только место хранения оригиналов публикуемых документов в системе других документов, с помощью указаний на архивный шифр, подлинность, способ воспроизведения, наличие резолюций, значимых помет, но и редко случающееся в прикладной археографии указание в легенде на наличие всех выявленных в документальных отложениях списков конкретного документа.

Совсем иначе обстоит дело с публикациями визуальных документов. Неуважение к фотодокументу как историческому источнику составители большинства таких публикаций демонстрируют игнорированием указания на стратиграфию фотодокументов, т. е. на архивные шифры их хранения.

Принцип достоверности и документированности конвоя в документальной публикации означает его точность и документальную обоснованность, т. е. соответствие приводимых в конвое сведений прошлой действительности, устанавливаемой на основе существующих знаний и имеющихся документов. Он распространяется в первую очередь на комментарии по содержанию публикуемого документа и текстуральные примечания. Прикладная археография последних лет демонстрирует устойчивую практику реализации этого принципа, особенно в части комментариев по содержанию, где помимо собственных пояснений широко используются выявленные для публикации документы второго порядка, в том числе полностью воспроизводимые. Однако встречаются и противоположные случаи. В уже упомянутой публикации «Дела Берии» под № 41 опубликованы два письма арестованного министра государственного контроля СССР В. Н. Меркулова от 21 и 23 июля 1953 г. Оба письма в первом экземпляре адресованы Н.С. Хрущеву. Однако в сборнике они, согласно легенде, публикуются по копиям, которые Меркулов направил Г.М. Маленкову. Почему не по оригиналам, адресованным Хрущеву? Допустим, они не сохранились. Тогда как объяснить, что на копиях писем, адресованных Маленкову, имеются резолюции Хрущева: на первом: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС. Н. Хрущев. 22.VII.53 г.», на втором: «Членам Президиума ЦК КПСС. Н. Хрущев. 24.VII.53 г.» (с. 125, 133). Никакого пояснения в публикации к этой странности мы не найдем, открывая простор разным фантазиям. И очередному подозрению к сборнику, включившему документы по одному из важнейших событий в политической истории СССР.

Под *принципом беспристрастия конвоя* понимается его максимальная формализация и отказ от воздействия любой возмущающей силы, за исключением источниковведческой характеристики. Конвоирование документа должно быть только и исключительно строго и формально пояснительным и определительным.

В прикладной археографии последних лет мы встречаем много ярких примеров следования принципу беспристрастия или игнорирования его. В целом можно сказать, что лучшие документальные публикации последних лет его стараются выдерживать.

Принцип беспристрастия выражается в соблюдении по меньшей мере двух требований. Первое: недопустимость только цитирования в них документов официального и неофициального происхождения. Например, в комментариях к публикации дневника Николая II в избытке цитируются дневники, письма, воспоминания окружавших императора людей. Эти цитаты можно еще как-то принять, когда они носят фактографический характер. Но очень часто они имеют оценочный смысл, касаясь важнейших исторических событий. Так, например, в публикации открытие II Госдумы прокомментировано цитатой из сочинения С. Ольденбурга «Царствование Николая II»: «Насколько торжественным было открытие I Думы, настолько буднично прошло...открытие II...» (2/1, с. 259). Отметим, что это было мнением только Ольденбурга, в противовес которому можно привести прямо противоположные. Зачем же в документальной публикации его навязывать читателям? Аналогичные примеры можно продолжать. Так, например, воспоминания французского посла в России М. Палеолога говорят о влиянии Распутина на императрицу (2/2, с. 88), министра иностранных дел С. Д. Сазонова сообщают о «роковом» характере переговоров Николая II с президентом Франции Пуанкаре (2/2, с. 89), военного министра В. А. Сухомлинова рассказывают о совещании у Николая II 12 июля 1914 г. о

подготовке России к войне (2/2, с. 90–92). В последнем случае комментарий на 2,5 страницах превратился даже в историко-источниковедческое исследование, разоблачающее недостоверность воспоминаний Сухомлинова. Но разве это дело археографа, а не историка?

Второе требование предполагает при комментировании источника отказ от каких-либо оценочных суждений его текста самим археографом, которое может рассматриваться как навязывание пользователю точки зрения составителя публикации. Так, например, многие комментарии в публикации воспоминаний Букстевден далеки от беспристрастия, стремясь навязать читателю точку зрения составителей на то или иное событие или лицо. Элемент пристрастия составителей в пояснении источника обнаруживается не один и не два раза, возвращая нас во времена советской археографии, требовавшей соблюдения «принципа партийности» при публикации документальных источников, т. е. навязывания читателю определенной трактовки источника. Например, в комментариях 129 и 132 отвергаются все обвинения в адрес Распутина о его влиянии на государственные дела. Комментарии, относящиеся к императрице Александре Федоровне, не допускают даже мысли о том, что какие-то ее поступки были неудачными или даже ошибочными. Комментарии 25, 29 утверждают о том, что причина отказа в предоставлении царской семье убежища в Англии была связана с давлением масонских лож, тогда как в литературе это объясняется и негативным отношением к этому партии лейбористов. Такое допустимо в историческом исследовании, автор которого свой взгляд доказывает, интерпретируя источник, и не допустимо при его обнародовании, когда интерпретации источника должны находиться только в границах объяснения, говоря языком археографов начала XIX в., его «темных мест», т. е., говоря современным языком, неопознанных пробелов источника.

Принцип взаимосвязи элементов конвоя в документальной публикации означает взаимодополняемость содержания

элементов информационного сопровождения документа и обоснованность выбора каждого из таких элементов в зависимости от типа, вида, формы документальной публикации, вида публикуемого документа и т. д. Существует не менее трех взаимосвязанных пар элементов конвоя. Так, историко-ведческое предисловие и археографическое введение теснейшим образом корреспондируются друг с другом и, в принципе, легко объединяются в общий элемент конвоя непрямого действия, что можно наблюдать на примере публикации «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД». Заголовок документа, раскрывая его общее содержание, взаимосвязан с комментариями по содержанию, детализирующими, поясняющими, уточняющими общее содержание документа. Текстуальные примечания дают дополнительное знание об истории бытования документа. Они тесно связаны с легендой, включающей резолюции на документе и данные о стратиграфии использованных в текстуальных примечаниях списков.

Такая своеобразная парность части элементов конвоирования может быть представлена и в других вариантах. Важно подчеркнуть, что именно она свидетельствует о необходимости использования принципа взаимосвязи элементов конвоя, который в целом соблюдается в прикладной археографии последних лет.

Принцип преодоления фигуры умолчания в конвое предусматривает необходимость обязательного объяснения в конвое всех необычностей документа, а также сообщение о всех ситуациях, при которых какое-либо объяснение документа оказалось невозможным. Принцип близок к принципу полноты конвоя, поскольку требует максимально возможное пояснение документа с точки зрения восстановления его неопознанных пробелов. Этот принцип предполагает, что комментирование документа не должно носить ни энциклопедического, ни проповеднического, ни дидактического характера. В противном случае документальная публикация

становится вместилищем энциклопедических знаний, предела которым просто не существует. Тем более нет никакой необходимости превращать комментарии в хрестоматию источников, поясняющих публикуемый документ. Их – безграничное множество, когда речь идет о событиях рубежа XIX–XX вв., и использовать такое множество при комментировании, демонстрируя знания и вкусы публикаторов, нет никакой необходимости.

Прикладная археография последних лет старательно демонстрирует нам следование этому принципу⁴⁶. Однако встречаются прекрасные публикации интересных документальных источников, в которых реализация принципа преодоления фигуры умолчания в конвое производит противоречивое впечатление. Примерами таких документальных публикаций являются издание дневника Г. А. Князева⁴⁷, переписки историков Б. А. Романова и Е. Н. Кушевой.

С одной стороны видно, с какой любовью, вниманием и тщательностью публикаторы дневника Князева подошли к передаче текста документа, отмечая и стараясь донести до читателя все его внешние и внутренние особенности, сравнивая и передавая отличия рукописного оригинала от машинописной копии, содержавшей авторскую правку. Строгое предисловие содержит важные характеристики личности автора дневника и истории его создания. Развернутый именной указатель в соответствии с современной и оправданной практикой документальных публикаций одновременно является и важным элементом конвоирования публикуемого документа.

С другой стороны, конвой документа, т.е. комментирование его неопознанных пробелов, в одних случаях представляется чрезмерно излишним (см. например, комментарий

⁴⁶ Подобное см.: Козлов В. П. Основы. С. 141–147.

⁴⁷ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945 гг. СПб., 2009.

№ 17), а в других, когда он необходим, отсутствует. Например, было бы полезно прокомментировать фразы «Заславский в «Правде» сообщает...», «Постановление о переводе Академии наук...», «меня вызвали в образованную комиссию по переезду академических учреждений...», «В «Известиях» приведены имена отличившихся» и т. д. Всего таких оставшихся без пояснений неопознанных пробелов дневника мы насчитали около 60.

Вопрос с комментированием именно этого документа при публикации его отдельных мест приобретает принципиальное теоретическое значение для археографии как научной дисциплины. Князев очень откровенен в дневнике в характеристиках окружающих его людей, причем, нередко такие характеристики носят негативный характер не только в обобщениях, но и в описании деталей, конкретных людей. Его описания быта, нравов, поведения известных деятелей науки во время эвакуации на курорте «Боровое» в Казахстане выглядят в высшей степени интригующе и производят тяжелое впечатление. Нужно ли было оставлять эти и другие аналогичные страницы дневника без комментариев (об их исключениях при публикации и речи быть не может)?

Публикаторы оставляют этот вопрос без ответа, они как бы даже вообще не замечают его существования, предоставляя читателям дневника решать вопрос об объективности или пристрастии Князева в его характеристиках по крайней мере известных и даже выдающихся современников, прежде всего ученых. И это — позиция, научная и нравственная, которую нельзя осудить, но которую надо понять. Но для понимания необходимо хотя бы обоснование. В предисловии к публикации об этом не говорится ни слова.

А если нет обоснования, то всегда остается поле для сомнения. Искренность дневника Князева, беспощадного в характеристиках своего собственного состояния в то или иное мгновение его жизни, является серьезным аргументом в пользу объективности его характеристик других людей. Но

человек часто и сам себя может не понимать и сам себя обманывать. Тем более он может быть беспомощным в понимании другого человека. Иначе говоря, речь идет о морально-этических нормах подготовки документальной публикации. Ниже мы остановимся на этом вопросе подробнее.

Публикация переписки Романова и Кушевой, наоборот, вызывает критику своей нерациональностью в части комментирования. Речь идет прежде всего о комментировании персоналий. Понятно, что когда в переписке лица называются по инициалам имен и отчеств — тут необходимо не только их раскрытие, но и комментирование по фамилии. Однако составители очень часто один и тот же комментарий о человеке используют при каждом его последующем упоминании. Так, о том, что И. А. Кудрявцев — «член редколлегии журнала «Вопросы истории» мы узнаем трижды, что А. А. Зимин «научный сотрудник Института истории» — более 10 раз, что Б. Б. Кафенгауз «научный сотрудник Института истории» — не менее 5 раз и т. д. Подобных повторов можно было бы избежать расширенным именовым указателем. Повторяются не только именные комментарии, но и предметные. Складывается впечатление, что составители публикации не рассчитывали на то, что книгу будут читать подряд, а лишь отдельные помещенные в ней письма. С другой стороны, авторы не сочли возможным прокомментировать неопознанные пробелы переписки (например, упоминание о сборнике памяти погибшим в 1941–1945 гг. ленинградских историков).

В т. 1 публикации «Атомный проект СССР» составители стремились следовать принципу преодоления фигуры умолчания со строжайшей последовательностью. В комментариях по содержанию, давая, например, пояснения к неопознанным пробелам документа составители широко употребляют выражения «возможно», «вероятно», используют методы источниковедческого анализа и представляют их результаты на суд читателей.

Иная картина открывается в томе 2 этой же публикации. Здесь принцип преодоления фигуры умолчания неоднократно нарушается, причем иногда в важных для изучения проблемы ситуациях. Например, в одних случаях, когда Спецкомитет по атомной бомбе рассматривал проект постановлений СНК (СМ) СССР, конвой дает хотя бы отсылки на даты и номер их утвержденных вариантов правительством (без указаний, впрочем, на архивную стратиграфию последних), в других случаях даже и такие отсылки отсутствуют, в результате чего остается неясным, были ли приняты подобные постановления СНК (СМ) СССР вообще.

Крайне противоречиво принцип преодоления фигуры умолчания в конвое применен в публикации дневника императора Николая II. Комментариям этой публикации, с одной стороны, присуща хрестоматийная избыточность. Здесь при комментировании того или иного сообщения дневника императора щедро цитируются другие источники, в основном дневники окружения Николая II. Спрашивается, зачем? Убедительного ответа мы никогда не получим по одной простой причине — так пожелали публикаторы. Но желание — вещь субъективная. Например, если бы дневник Николая II готовили к изданию сотрудники РГИА, они свои комментарии построили на камер-фурьерских журналах (что, кстати, было бы более оправданно). А если бы комментарии готовили знатоки российской периодики рубежа XIX — начала XX веков, они все публичные мероприятия с участием Николая II сделали хрестоматией сообщений о них прессы того времени.

Эта внешняя и избыточная фундированность комментариев выглядит еще более странной, когда мы обнаруживаем просто провальное отсутствие действительно необходимых пояснений текста дневника Николая II. Приведем примеры с каждой сотой страницы книги. «После завтрака была торжественная аудиенция персидскому принцу, который привез от Шаха мне новый орден, а Аликс ожерелье из

жемчугов» (1, с. 137) — что за принц был принят императором и какой орден он получил от него? «После докладов у меня был Абаза по устройству Черноморского округа» (1, с. 238) — о каком устройстве округа идет речь? «Имел доклад Воронцова и принял сиамского посланника» (1, с. 337) — имя и цель визита сиамского посланника для читателя остаются неизвестными. «Оттуда поехали в Георгиевский монастырь» (1, с. 439) — упоминаемая на этой же странице «Форосская церковь» прокомментирована, а Георгиевский монастырь — нет. «Утром dokonчил толстейшую меморию Гос[ударственного] Сов[ета]... После докладов поехали по ж.д. в Тайцы, там съехались с Мама и Ольгой и отправились на освящение оконченного здания санатория чахоточных... Получил телеграмму чрез Порт-Артур о занятии нами совместно с другими силою фортов китайской крепости Таку» (1, с. 538) — что за меморию Госсовета закончил читать император, какой санаторий был освящен, наконец, при каких обстоятельствах были захвачены форты крепости Таку — ответы на эти вопросы отсутствуют в комментариях. «В 3 часа посетили акварельную выставку в Пассаже» (1, с. 641) — нам остается неизвестно, что за выставку акварельных рисунков посетил 11 января 1902 г. Николай II. «Шипов — преобразенец — показывал и объяснял нам свой проект новой русской формы обмундирования войск» (1, с. 737) — из именного указателя мы узнаем, что судя по всему речь идет о П. Д. Шипове, но что за проект нового обмундирования был им предложен и какова его судьба, остается не объясненным. «Принял д[ядю] Алексея вместе с Ламздорфом по вопросу об угольном снабжении нашей эскадры немецкими пароходами» (1, с. 836) — пояснение этого важного эпизода в истории русско-японской войны в издании отсутствует.

Согласимся с тем, что многие неопознанные пробелы дневника последнего российского императора действительно прокомментировать очень сложно по причине их глухости. Но во многих случаях текст источника имеет со-

держательные подсказки, поддаются комментированию без какого-либо труда. Для такого комментирования требуются немалые поисковые усилия и время. Но публикуемый документальный источник, своего рода энциклопедия жизни политической элиты России и других стран рубежа двух веков, заслуживает к себе такого уважительного отношения. Равно как и уважения к читателям – профессиональным историкам и просто людям любознательным.

По нашим подсчетам всего во втором томе публикации дневника Николая II остались без комментариев около 300 неопознанных пробелов текста, аналогичных приведенным выше примерам. Это много для такого документального источника, но все же несопоставимо меньше, чем в первом томе издания дневника, где на каждой странице без пояснений оказывалось минимум по одному неопознанному пробелу.

Во втором томе этой публикации сделано немало для преодоления недостатков комментирования первого тома. В ней даже остались следы двукратного обращения к тексту, чтобы прокомментировать ранее пропущенные места, требующие пояснения. Вторичное комментирование отразилось в подстрочных примечаниях со звездочкой – чтобы не менять нумерацию первичных пояснений по тексту, вынесенных в специальные части к годовым записям дневника императора. В первом томе подстрочные примечания носили исключительно текстологический характер. Теперь же подстрочные пояснения по содержанию источника встречаем 123 раза. Ниже мы постараемся найти объяснение этому, здесь же заметим, что желание вторичного комментирования содержания источника, пусть и нарушающее архитектуру публикации, можно только приветствовать.

Но и в этом томе комментарии по-прежнему далеки не только от идеала, но и имевшихся у составителей возможностей, которые они не всегда использовали. Приведем несколько примеров наугад. «Имел длинный разговор с Петей» (2/1, с. 16); «Занимался складыванием бумаги в кон-

верты для раненых и больных военно-санитарного поезда Аликс» (2/1, с. 22); «Принял доклад Оболенского по Финляндии» (2/1, с. 25); «Снявшись группой и простившись с офицерами, вернулись домой со скандалом, кот/орый/ продолжался до Орловских ворот» (2/1, с. 32); «В 2 ½ поехали на освящение только что выстроенного здания школы нянь» (2/1, с. 37); «Годовщина дня крушения и мучительных часов прошлого года!» (2/1, с. 161); «В 3 часа поехали вдвоем на освящение великолепного дома призрения увечных воинов, построенный по мысли Аликс» (2/1, с. 172); « В 2 ½ принял кап[итана] 2 р[анга] Бурхановского, кот[орый] поднял минный транспорт «Буг», затонувший в Севастополе» (2/1, с. 241); «После чая у меня был Николай Мих[айлович] по вопросу о биографии Имп[ератрицы] Елисаветы Алексеевны» (2/1, с. 297), «После чая принял Маркова по Финл[яндскому] ст[атс]-секретариату» (2/2, с. 18); «Поехали со всеми дочерьми на освящение первого дома морской санатории имени Аликс на участке земли Массандры» (2/2, с. 25); «Ген[ерал] Холодовский показывал ружья, переделанные и облегченные по его способу» (2/2, с. 33) и т. д. Процент не поясненных неопознанных пробелов на страницу текста дневника императора здесь много выше чем в первой части этого тома, хотя и меньше чем в первом томе.

Итак, мы должны констатировать, что в части комментирования содержания второго тома дневника Николая II составители поработали много лучше, чем в первом томе, хотя все равно с недопустимо высокой степенью неполноты, граничащей с небрежностью.

С другой стороны, второй том публикации, как и первый, замечателен наличием реальных комментариев содержания дневника, которые не могут не поражать своей фундированностью. Эти комментарии похожи на микростатьи, если не на микромонографии, а иногда на хрестоматии документальных источников, имеющих хотя бы какое-то отношение к месту комментирования. Но сразу скажем, эти коммента-

рии более сдержанны в части демонстрации составителями своих знаний времени, чем комментарии к первому тому публикации дневника. В своем подавляющем большинстве теперь они деловитее и по существу, приобретя еще и важный и нужный библиографический характер.

Но их явная избыточность, присущая первому тому публикации, характерна и для тома второго. Например, комментируя упоминание в дневнике Союза русского народа, составители не ограничиваются указанием на то, что это была «православно-монархическая, националистическая организация, крупнейшее черносотенное образование на территории России», что было бы вполне достаточно. Они продолжают: «Император поддерживал «Союз»» и далее приводят обширную справку о финансировании этого «Союза», отношении к нему Столыпина, текст ободрительной телеграммы Николая II его председателю (2/1, с. 550–551). Для чего? Ведь даже эти данные все равно не дают полной картины ни о деятельности «Союза», ни об отношении к нему Николая II и Столыпина. Нам кажутся излишне многословными комментарии о землетрясении в Сицилии и Калабрии (2/1, с. 440), Хусейне Хильми – паше (2/1, с. 532–533), протестантской церкви Святого Петра в Санкт-Петербурге (2/1, с. 620), Гангутском сражении (2/1, с. 627–628), морских собраниях (2/1, с. 630–631), Собственной его императорского величества канцелярии (2/1, с. 725–727), земской реформе 1864 г. (2/2, с. 84) и др. В публикации почти на страницу дан комментарий о русском фотографе, разработчике методов цветной фотографии С.М. Прокудине-Горском (2/1, с. 443–444). И тем не менее она оставляет гадать над записью императора от 10 марта 1914 г.: «Вечером смотрели интересные диапозитивы цвет[ные] фотографии видов Алтайского округа» (2/2, с. 16), оставшуюся без комментирования.

На первый взгляд принцип преодоления фигуры умолчания солидно реализован в публикации дневника историка, академика М. В. Нечкиной. На 529 страниц текста источ-

ника здесь приходится 1929 комментариев по содержанию. Однако эта внешняя фундированность реально не отвечает необходимой достаточности комментирования.

Начнем с того, что около 700 таких комментариев носят персональный характер, что составляет всего лишь около половины упоминаемых в дневнике лиц, требующих комментирования. В подавляющем большинстве случаев такие комментарии не имеют связи с текстом, скромны по содержанию, включая фамилию, имя, отчество, профессию и годы жизни упоминаемого в дневнике человека.

Другая часть комментариев лишь частично и едва ли не случайно поясняет содержание дневника. Возьмем для примера каждую сотую страницу его публикации с местами, требовавшими пояснений, которые отсутствуют. «Была на пробных лекциях Пионтковского — об инородческих наказаниях, Екатерининских комиссий и о социальных движениях Смутного времени» (с. 160), «Смотреть речь Ключевского памяти Александра III» (с. 260), «Рассказы о вводе войск в Иран» (с. 360), «Узнали о гнусной позиции Каирова и об обсуждении всего вопроса Д[оды] без его присутствия, без вызова. Резолюция, конечно, не в пользу Кашина! Все по старому...» (с. 460), «Подготовка к печати нашего «Международного сб[орника] Моск[овской] конфер[енции] 1978 г.» (с. 560). Эта случайная выборка показывает, что в публикации едва ли не каждая страница содержит минимум один не прокомментированный неопознанный пробел текста. Всего, таким образом, их минимально не прокомментированное число должно быть не меньше 529. Реально же их должно быть намного больше, т. к. издание лишь выборочно комментирует прочитанную Нечкиной на протяжении ее жизни научную и художественную литературу. Было бы очень полезно приложить к изданию хотя бы её библиографический список.

Выборочный характер комментирования демонстрирует нам и публикация воспоминаний Буксгевден. В ней число

лиц и событий, нуждающихся в пояснениях и оставшихся без таковых, значительно. Их — сотни. Например, отсутствуют комментарии, связанные с именами великого герцога Гессенского (с. 129), великой княгини Марии Павловны (с. 213) Аллы Пистолькорс, М. Э. Дерфельден (с. 222) и т. д. И это на фоне многочисленных и едва ли не исследовательских комментариев в других случаях, выглядящие не всегда уместными, например, о духовных лицах, церковных зданиях, обителях. Приходится только разводить руками и гадать: то ли составители комментировали лишь интересные для них места источника, то ли поленились прокомментировать его другие места. В любом случае это снижает научный уровень публикации.

К числу элементов конвоя прямого действия относится *заголовок документа*. Заголовок документа в документальной публикации — это своего рода четкое и емкое представление пользователю его содержания. Такой заголовок может быть самозаголовком документа, заголовком, данным его публикатором, и комбинацией самозаголовка и заголовка публикатора-археографа.

Принцип неприкосновенности передачи текста документального источника требует при публикации обязательного воспроизведения текста его заголовка. В случаях, когда такой самозаголовок реально передает его содержание, он может быть и заголовком его публикации, т. е. археографическим заголовком.

Все три типа заголовков предусматривают соблюдение беспристрастия, точности и полноты передачи содержания документа. Археографическая практика последних лет дает разнообразные и противоречивые образцы соблюдения этих требований. Например, в публикации «Военнопленные в СССР» дано классическое определение методики создания заголовков к публикуемым в ней документам. Прочитываем их: «Каждый документ снабжен редакционным заголовком, который состоит из разновидности документа,

автора, адресата, краткого содержания, места, числа, месяца и года написания. В качестве редакционных используются и собственные заголовки документов, если они содержат все вышеназванные элементы. При первом упоминании автора или адресата в заголовке документа указывается его должность и звание, в последующем — только фамилии и инициалы» (с. 4).

Как показывает археографическая практика, особое значение имеют заголовки при публикации визуальных документов. Дело в том, что традиционно в таких публикациях, как правило, отсутствуют комментарии по содержанию. Их роль выполняют заголовки публикуемых визуальных источников, представленные двумя видами — самозаголовками авторов визуальных источников и заголовками составителей документальных публикаций. И в том и другом случаях составители таких публикаций оказываются в более трудной ситуации, чем при издании вербальных документов. Во-первых, самозаголовки визуальных документов, как правило, обладают более высокой степенью небрежности и неполноты раскрытия их содержания. Во-вторых, почти всегда намного труднее выработать составительский заголовок к визуальному документу из-за большей степени неопределенности понимания его содержания в сравнении с вербальными источниками.

С учетом этих предварительных замечаний рассмотрим заголовки-комментарии в нескольких документальных публикациях последних лет. Возьмем для примера заголовки каждого десятого фотодокумента второго тома публикации дневника последнего российского императора. Фото № 1 названо «Семейный снимок на яхте. Август 1906 г.» — здесь отсутствует идентификация зафиксированных персонажей. Фото № 11: «Вел. кн. Мария Павловна (младшая) в группе (слева) дам — представительниц шведской королевской семьи. Июнь 1909 г.» — идентификация «дам» из королевской семьи отсутствует. Заголовок к фото № 21 («Цесаревич

Алексей с осликом, подаренным ему королем Италии. Октябрь 1909 г.») лишь частично соответствует содержанию, т. к. не указано место фотографирования. Учитывая, что цесаревич изображен в матроске, на основании дневника императора можно сказать, что снимок сделан в Ливадийском дворце. Фото № 31: подробный заголовок перечисляет всех зафиксированных персонажей, но не указывает, что он сделан в спальне императрицы во время ее очередной болезни. Фото № 41: заголовок не указывает последовательность персонажей, зафиксированных во время купания. Заголовок к фотодокументу № 51 соответствует его содержанию. Заголовок к фотодокументу № 61 («В штабе Верховного главнокомандующего. Барановичи. 1914 г.») небрежен и не раскрывает полностью содержания. Во-первых, фото легко датируется по дневнику Николая II 28 декабря 1914 г. Во-вторых, из этого же дневника мы узнаем, кто помимо императора здесь изображен. Николай II пишет: «После утреннего доклада в домике снимался с Николашей, Янушкевичем и Даниловым» (2/2, с. 68). Остается лишь добавить, кем были эти люди и указать последовательность их расположения на фотографии. Фото № 71 озаглавлено: «Приезд императора Николая II со свитой в [Спасов Скит]. Апрель 1915 г.». Во-первых, неясно, что означают в заголовке квадратные скобки — уж не то ли, что составители добавили от себя в текст кем-то сделанного заголовка? Во-вторых, на фото изображен явно не приезд, а отъезд Николая II из Спасова Скита. Заголовок к фото № 81 перечисляет изображенных на нем персонажей. Но он не указывает, что эти персонажи — не коллективный фотопортрет, а осуществляемое ими некое действие — постройку пирамиды. Согласимся, что это придает фотодокументу совсем иной смысл. И, наконец, фотодокумент № 91. Он озаглавлен: «Вел. княжна Татьяна Николаевна в Александровском парке. Царское Село. 28 апреля 1917 г.». И опять перед нами ложно ориентируемый заголовок. Это — не портретная, а ситуационная фотогра-

фия, связанная с обустройством императорской семьей огорода. В дневнике императора за 28 апреля 1917 г. записано: «Днем гуляли и приступили к работам по устройству огорода в садике против окон Мама» (2/2, с. 307). Эта же запись, помимо Татьяны Николаевны позволяет идентифицировать и изображенных на фотографии лиц: комендант и князь В. А. Долгоруков.

Итак, из девяти выбранных случайно заголовков фотодокументов только один отвечает содержанию. Остальные либо небрежны, либо ложно ориентируемые. Не много ли для такого ответственного издания?

Публикация «Фотографическая история» в этом смысле предлагает нам новацию. Заголовки фотодокументов здесь названы «подписями», и специально оговорено: «В подписях к фотографиям сохранены их оригинальные названия, под которыми они хранятся в РГАЛИ» (с. 36). Это что-то новое в теоретической и прикладной археографии, а потому рассмотрим эту «новизну» более подробно. Кстати, а где фотографии хранятся в РГАЛИ, мы из публикации не узнаем — шифры их стратиграфии отсутствуют.

Поскольку нумерация фотографий в публикации отсутствует, мы будем здесь указывать страницу издания, на которой эти фотографии размещены. С. 38: здесь помещен коллективный портрет, озаглавленный «Маленький граф и его графини. Ораниенбаум». Кто этот «граф» и «графини» остается неизвестно. С. 52: здесь помещена фотография, заголовков которой сообщает: «В монастырском саду. Священнослужитель в подряснике». На самом деле эта ситуационная фотография фиксирует священника в подряснике, занятого поливкой из лейки цветов и овощей и их подвязкой к опорным палкам. На с. 56 помещен прекрасный портрет неизвестной замужней женщины. Вместо этого нам сообщают: «Репродукция фотографического портрета (ребенка, женщины, мужчины, военного и т. д.? — В. К.). 1870-х годов в увеличенном выставочном формате». Важная техническая

характеристика фотографии, которая могла бы стать комментарием, превратилась в заголовок. С. 66: заголовок фотографии сообщает, что это «Москва и Храм Христа Спасителя». На самом же деле это вид на Кремлевскую набережную, Храм Христа Спасителя и кремлевскую башню весной или осенью. С. 69: документ озаглавлен как «Перспектива Невского проспекта». Однако фотографа эта самая перспектива интересовала явно не в первую очередь. Он фиксирует жизнь Невского проспекта в летний солнечный полдень, если только внимательно взглядеться в фотографию. С. 70: фотография названа: «Москва. Октябрьское вооруженное восстание. Начало вооруженного восстания. Улица Триумфальная Садовая». Тут, кажется, мы впервые сталкиваемся с заголовком тематической картотеки РГАЛИ, использованным в публикации — эдаким образчиком советской практики идеологизации архивной информации. Ниже мы встретимся с этим еще не раз. Глядя же на эту фотографию при всем желании невозможно заметить на ней не только «начала вооруженного восстания», но и восстания вообще. Это всего лишь вид Триумфальной Садовой улицы с толпой людей зимой. Подпись под следующей фотографией, размещенной на с. 71, гласит: «Москва. Октябрьское вооруженное восстание. Фабрика Шмидта после разгрома». Никакого вооруженного восстания на фотографии мы не видим. Перед нами — фабрика Шмидта после пожара.

На с. 72–73 опубликован потрясающий по своей выразительности коллективный портрет, озаглавленный «Групповой портрет офицеров и младшего офицерского состава Н-ского воинского подразделения». По форме офицеров не составляло никакого труда определить их армейскую принадлежность.

На с. 74 размещена ситуационная фотография, озаглавленная «После молебна на военном корабле. [Достают из воды затонувшее судно]. Театр военных действий. Русско-японская война». Если мы не ошибаемся, заголовок со-

держит три слоя: подлинный заголовок, возможно, автора фотографии, заголовок карточки тематического каталога РГАЛИ и уточняющее дополнение к ним составителей публикации в квадратных скобках. Ни один из этих слоев не соответствует содержанию фотографии. На самом деле перед нами подъем на пристань подбитой русской подводной лодки и ее погибших и раненых членов экипажа.

На с. 76–77 опубликованы три фотографии, тематически связанные друг с другом. Заголовок к первой фотографии сообщает: «Первый подъем лодки № 2», заголовок ко второй утверждает, что это «Погрузка подводной лодки № 1. На транспортере» и заголовок к третьей фотографии звучит так: «Завершение погрузки лодки». Не будем комментировать легкие небрежности двух из трех заголовков – погрузка осуществлялась все же не просто «лодки», а «лодки подводной». Куда важнее, что на этих трех фотографиях на самом деле изображена разгрузка двух подводных лодок с железнодорожной платформы.

Более строго выдержаны заголовки к визуальным документам в публикации «В объективе война». Здесь они даны с несвойственными таким изданиям тщательностью, пунктуальностью и точностью, особенно в части идентификации военной техники. Заголовки явно более точные, чем текстовые подписи, дававшиеся авторами фотодокументов. Они удачно используют лишь их фактическую основу. Однако, далеко не всегда. В заголовках-комментариях иногда проскакивает понятие «Восточный фронт», например, на с. 203, 250 и др. – понятие, явно проскочившее из надписей авторов немецких фотодокументов. Кроме того, в редких случаях такие заголовки-комментарии чрезмерно формализованы. Например, на с. 202 помещена фотография, озаглавленная «Немецкий солдат за доставкой домашней птицы на кухню» в октябре 1941 г. в районе Калуги. На самом деле, этот немецкий солдат несет на кухню реквизированную в одной из деревень Калужской области колхозную или до-

машиную птицу. Иначе говоря, солдат-мародер германской армии обеспечивает украденным птичьим мясом своих сослуживцев.

Публикация визуальных документов «Великая война» показывает, что составители широко использовали их самозаголовки, данные фотографами или операторами, а также архивные аннотации, что позволяло прежде всего идентифицировать место и время фиксации происходившего. Что же касается содержания кинофото документов, то оно передается далеко не всегда точно. Только в томе 1 мы насчитали не менее 34 таких случаев. Приведем несколько примеров. Документ № 4 фиксирует не «всеобщую мобилизацию в Германии», а вагон поезда с немецкими солдатами и офицерами, отправляющимися на фронт. Документ № 24 показывает не «отступление французских войск», а их переправу через неизвестную реку, возможно, во время отступления. Документ № 39 запечатлел не «офицеров кавалерийской части», а их групповой портрет, что принципиально важно для понимания характера информации этой фотографии. Заголовок к документу № 67 («На дорогах войны») не передает суть его содержания. На самом деле здесь зафиксирован вывоз раненых русских воинов в тыл. Документ № 72 показан как «молебен», хотя изображения священника на нем нет. В действительности же это встреча русского командования с населением города Станислава. Заголовок к документу № 203 представляет его нам как «раненые». На самом деле на фото присутствует лишь один раненый и речь идет о некоем совещании медицинского персонала неизвестной воюющей стороны.

Думается, приведенных примеров достаточно, чтобы составители в своей дальнейшей работе по подготовке документальных публикаций обратили внимание на точность характеристик содержания-комментариев кинофото документов – недостаток, присущий едва ли не всем публикациям визуальных документов последних лет. Читатель и автор

заголовка должны понимать принципиальную разницу в заголовках между, например, «артиллерийским орудием» и «групповым портретом артиллеристов у орудия», «переправой через реку» и «общим видом переправы русской кавалерии через реку», между просто «минометом» и «русским минометным расчетом, ведущим огонь по позициям австрийских войск» и т. д.

Сигнальная система документальной публикации. Сигнальная система документальной публикации призвана обеспечить быстрый поиск нужной информации, параметры которой задаются ее пользователем. Она является общей к публикуемым документам и их конвою и может включать как обязательные, так и специальные элементы. К числу обязательных элементов сигнальной системы документальной публикации относятся ее оглавление, именной и географический указатели. Специальные элементы документальной публикации зависят от характера информации публикуемых документальных источников и могут включать прежде всего разнообразные предметные указатели, список сокращений и др.

Археографическая практика последних лет дает противоречивые образцы сигнальных систем документальных публикаций. Сигнальная система документальной публикации «Военнопленные в СССР» представлена оглавлением, перечнем публикуемых документов, указателем имен и указателем географических названий. Она традиционна и не вызывает вопросов, кроме двух. Блестящей находкой составителей могло бы стать расположение перечня публикуемых документов не в тематико-хронологической, а в хронологической последовательности. В этом случае пользователи смогли бы более объемно представить процесс выработки, принятия и реализации всех решений, связанных с пребыванием на территории СССР военнопленных. В 9-томе публикации ««Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину» заслуживает высокой оценки имеющийся именной

комментарий с подробными биографическими данными. Его значение выходит за рамки рецензируемой публикации, поскольку приводимые здесь сведения, особенно о работах госбезопасности, могут быть использованы и в других изданиях.

Противоречивое впечатление оставляет сигнальная система в публикации дневника императора Николая II.

Перед нами — беспрецедентное в археографической практике последних лет явление, связанное с предложением обязательных и специальных элементов сигнальной системы, часть которых одновременно является и элементами конвоя. Они буквально поражают прежде всего по форме. В I томе помимо традиционных для документальных публикаций «Аннотированного указателя имен» и «Аннотированного указателя географических названий, мест и сооружений», одновременно являющихся и комментариями по содержанию, издание включает: «Аннотированный указатель придворных чинов», «Аннотированный указатель театральных пьес, опер и балетов», «Аннотированный указатель церковных и религиозных терминов», «Аннотированный указатель войсковых соединений, военных терминов, понятий и институтов», «Аннотированный указатель государственных учреждений, административных единиц и должностей», «Аннотированный указатель игр», «Аннотированный указатель кораблей», «Аннотированный указатель мер и весов», «Аннотированный указатель охотничьих терминов», «Аннотированный указатель устаревших слов и терминов». Можно легко представить, каких усилий это стоило публикаторам дневника. Только одних персоналий здесь указано и прокомментировано около 2 тыс., что во многих случаях потребовало проведения специальных генеалогических и биографических разысканий.

И тем не менее вся эта громада указателей вызывает не один вопрос. Во-первых, упрощая названия указателей, скажем, что к собственно указателям можно отнести только

именной и географический — именно в них имеются поисковые данные, т. е. отсылки на номера страниц издания. Все остальные являются всего навсего лишь перечнями терминов, предметов и понятий. Часть их, действительно не требует поисковых данных (придворные чины, церковные и религиозные термины, военные термины и понятия, административные единицы и должности, единицы мер и весов, охотничьи термины, устаревшие слова и термины). Здесь достаточно только пояснительных сведений. Но другая часть (театральные пьесы, оперы, балеты, войсковые соединения, военные институции, государственные учреждения, игры, корабли) неразрывно связана с повествованием дневника и с самим его автором. Заставлять читателя листать страницы, чтобы узнать когда, при каких обстоятельствах Николай II смотрел тот или иной спектакль, спустил на воду тот или иной корабль, посетил ту или иную воинскую часть — это, мягко говоря, немножко его не уважать. Настоящий указатель — это ответственность публикаторов документального источника. Во-вторых, с сожалением должны констатировать неполноту «указателей» публикации — среди них мы не встретим, например, указателей выставок, музеев, библиотек, церквей, посещенных императором. А ведь такие посещения отразили духовный мир Николая II и, разумеется, их определенную политическую подоплеку. Публикаторы и здесь не пожелали помочь читателю облегчить поиск нужного ему, разом возвратив нас к временам до П. М. Строева, сумевшего в своем «Ключе» к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина продемонстрировать как нужно составлять настоящие указатели.

Наша рецензия на этот том⁴⁸ призывала составителей при подготовке следующего тома учесть эти замечания.

И, действительно, следы знакомства составителей с нашими критическими замечаниями в публикации второго то-

⁴⁸ Отечественные архивы. 2012. № 5. С. 114-120.

ма дневника Николая II можно заметить. Названия элементов поисковой системы публикации, одновременно являющихся частью комментариев по содержанию, даны в соответствии с их сутью — теперь это «не указатели», а «списки» и «перечни». Однако роль таких «перечней» и «списков», за исключением списка церковных терминов и определений и списка сокращенных слов, по-прежнему ничтожна, поскольку не содержит отсылок на страницы их употребления в публикации дневника. Особенно вызывающе вопреки общепринятым нормам выглядит новация составителей, связанная с заменой общепринятого географического указателя «Аннотированным перечнем географических названий, мест и сооружений». Тут читателям предлагаются впечатляющие новеллы о Выборге, Гатчине, Днепре, Киеве, Ливадии, Орше, Финляндии и т. д., а заодно самим и поискать их упоминания на почти 1300 страницах публикации. Странно, почему также составители не поступили с фамилиями лиц, упоминаемых в дневнике, представив читателям, как и положено, фундаментальный «Аннотированный указатель имен». Впрочем, и с ним не все в порядке. Из 60 фамилий авторов книг, прочитанных Николаем II, в этот указатель включены менее половины — 23 фамилии. Случайная выборочная проверка именного указателя показывает, например, что названные в первой части публикации упоминания Григория Распутина на страницах 551, 554, 562, 574, 578, 582, 584, 586, 588, 593, 601, 611, 617, 618, 643, 778, 791 отсутствуют. На этих страницах фигурирует исключительно министр морского флота России И.К. Григорович. Вероятно, эту шутку с публикацией разыграл компьютер при автоматизированной подготовке указателя. Он не смог различить Григория (именно так всегда Николай II в дневнике называет Распутина) и Григоровича. Этот пример, сам по себе характеризующий один из недостатков рецензируемой публикации, имеет и более широкий смысл: работу компьютера археограф тоже обязан проверять.

Необъяснимо отсутствие в публикации ряда важных элементов пусть не поисковой, то хотя бы предметной системы, присутствовавших в первом томе. Особенно обидно, что составители во втором томе отказались дать перечень воинских структур, с которыми так или иначе имел дело Николай II, хотя бы в годы Первой мировой войны. Ведь это четыре самых напряженных года жизни императора и четыре важных года истории российской армии.

Морально-этические нормы подготовки документальной публикации.

В любой науке есть сферы внеученого регулирования — через законодательные и морально-этические нормы. Эти нормы носят как запретительный, так и строго регулируемый тот или иной процесс познания характер. Например, в медицине запрещены некоторые эксперименты над человеком, строго прописаны процедуры испытания новых лекарственных препаратов. Даже в астрономии строительство мощного телескопа разрешается только после просчетов воздействия его будущей работы на экологичность. И нам это кажется вполне естественным.

Археография — научная дисциплина. Должны ли быть и есть ли у этой дисциплины законодательные и морально-этические ограничения и регуляции, связанные, например, с отбором документов для публикации, воспроизведением их текстов, комментированием, вообще со всем тем, что обеспечивает обнародование документа и тем самым его трансформацию в документальный исторический источник? Не думаем, что эти вопросы носят праздный характер. Как убедимся ниже, практическая археография последних десятилетий не раз сталкивалась с ними, часто давая противоречивые ответы.

В чем смысл морально-этических проблем археографии нового и особенно новейшего времени? Одной из особенностей этого времени является то, что его документирование персонифицировало содержание создающихся в результате

такого документирования документов. Эта персонификация зафиксировала человека в его разных состояниях и действиях, подчас не самых благородных и заслуживающих уважения. Либо, наоборот, сделала из честного и порядочного человека преступника. Она оказалась связанной со многими болезненными фактами, событиями и явлениями истории, в том числе волею судеб вовлечением людей в карательную политику государства. Эти люди или их близкие еще живы, еще способны со страданием переживать разные эпизоды своей прожитой жизни, возвращенные им теперь благодаря обнаружению документов.

Симптоматично, что в последнее время об этических проблемах археографии публично стали говорить даже специалисты по истории российского Средневековья. С. М. Каштанов, например, в своей книге посвятил им не одну страницу, справедливо полагая, что «в области археографии этические проблемы «интеллектуальной собственности» принадлежат к числу «самых неразработанных и неясных». Правда, всю проблему автор свел к двум ситуациям — к моральному праву первооткрывателя средневекового документа на его первую публикацию и к недопустимости использования трудов предшественников без какой-либо ссылки на них — явлению, названному им «археографическим пиратством»⁴⁹. Разумеется, С. М. Каштанов прав во всех оценках приведенных им случаев «археографического пиратства».

Но эти размышления ученого относятся к документации Средневековья, в отношении которых морально-этические проблемы их публикации сегодня в своей подавляющей части утратили свою актуальность, относящуюся к связи таких документов с современностью и живущим в этой современности людям. Такая связь, подчас чрезвычайно болезненная, существует, когда речь идет о публикации документов новейшего времени.

⁴⁹ Каштанов С. М. Актовая археография. С. 282-299.

Прикладная археография двух последних десятилетий не раз сталкивалась с морально-этическими проблемами при публикации документов официального происхождения XX в. и прежде всего связанными с карательной политикой государства. Речь идет о зафиксированных в документах действиях людей. Ясно, что все документы, связанные с действиями публичных лиц во всех деталях и подробностях могут публиковаться без каких-либо исключений и купюр, вероятно, даже включая документы, касающиеся их личной жизни. Например, публикации фотографий последних дней жизни председателя Совнаркома В. И. Ленина, ужасные по показу больного облика вождя, объяснимы его высоким государственным положением и сознательными действиями близких родственников зафиксировать состояние этого человека накануне его смерти. К числу документов, не имеющих ограничений на публикацию, относятся и те, в отношении которых были вынесены судебные приговоры. Тут исключением могут быть документы, связанные с именами репрессированных, тем более когда впоследствии они были реабилитированы — такие документы не подлежат публикации, либо при их издании они требуют тщательных комментариев.

Но как быть, например, с документами созданными рядовыми участниками карательной политики государства, либо совершивших тот или иной безусловно признанный проступок? Персонализация прошлого, конечно же, необходима, но так ли это бывает нужно в случаях, когда она ничего не прибавляет к пониманию факта, события, явления прошлого? Прикладная археография в принципе нашла способ разрешения этой проблемы, «кодируя» фамилии таких людей, например, какой-либо буквой. Однако такая практика не всегда находит применение. Второй том документальной публикации «История сталинского ГУЛАГа» продемонстрировала это в полной мере⁵⁰.

⁵⁰ Подробнее см.: Козлов В. П. Основы. С. 177–178.

Впрочем, практическая археография последних лет дает нам примеры и иного, более осторожного отношения к воспроизведению текстов документальных источников. Например, в публикации «Советская жизнь. 1945–1953» помещена докладная записка «О результатах проверки материально-бытовых условий инвалида Отечественной войны второй группы... и его жены» от 3 ноября 1949 г. Фамилии персонажей документа здесь переданы в зашифрованном виде, а к фразе о ходатайстве жены инвалида разрешить ей сделать аборт сделано важное примечание: «Фамилии не упоминаются в связи с сохранением тайны частной жизни»⁵¹.

С еще более сложной морально-этической проблемой современная прикладная археография сталкивается, когда речь идет об издании документов судебно-следственных дел новейшего времени. Их источниковое значение для изучения недавнего прошлого очевидно. Однако специфика репрессивно-карательной системы, существовавшей в СССР, обусловила не только крайний субъективизм, но прямую фальсификацию таких документов.

Археографическая практика двух последних десятилетий в отношении публикации документов официального происхождения дает нам и иные, часто более сложные проблемные ситуации. Например, в публикации «Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957»⁵² помещено большое число личных писем-обращений в ЦК КПСС известных деятелей культуры: И. Г. Эренбурга, К. М. Симонова, А. А. Фадеева, Н. С. Тихонова, Б. А. Бабочкина и др., которые по современным оценкам не самым лучшим образом характеризуют этих людей. При публикации таких документов морально-этическая сторона не должна смущать археографов: их авторы обращались в ЦК КПСС добровольно, а значит, не могли не предполагать, что такие обращения рано или поздно

⁵¹ Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 678.

⁵² Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. М., 2001.

станут известными и публичными не только для узкого круга работников аппарата ЦК КПСС, но и широкой общественности. Несмотря на оболочку документа личного происхождения, такие обращения носили вполне официальный характер, не подпадая под категории документов, содержащих какую-либо охраняемую законом тайну.

Однако нам важно лишний раз подчеркнуть, что в отношении документации новейшего времени морально-этические проблемы археографии намного сложнее, когда речь идет о документах личного происхождения. Эта острота связана с несколькими обстоятельствами. Во-первых, часто у таких документов после смерти их авторов остаются правообладатели — наследники или лица, выбранные завещателями. Они автоматически становятся владельцами авторских прав и в качестве таковых вольны ставить разные условия доступа к ним и их публикации. Случаи, когда правообладателем становится государство, имеют место быть, но они все же редки.

Во-вторых, документы личного происхождения вообще и созданные в XX в., в частности, могут содержать деликатную информацию об их авторах, которую эти авторы или их правообладатели по разным причинам не желали бы видеть обнародованной, делая или не делая соответствующие распоряжения на сей счет. В-третьих, документы личного происхождения так или иначе затрагивают личности живущих людей — родных, близких, знакомых их авторов. Не каждый из них хотел бы увидеть обнародованными те или иные, в том числе негативные, суждения о себе или своих близких, особенно когда такие люди не являются публичными.

Эти и другие вопросы приобретают подчас болезненный характер, поэтому они стали предметом специального нормативного регулирования. В соответствии со ст. 1257 ГК РФ лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, считается его автором, если не доказано иное. Ст. 1267 ГК РФ, предусматривает, что охрана ав-

торства, имени автора и неприкосновенности произведения осуществляется наследниками автора, их правопреемниками и другими заинтересованными лицами. В соответствии со ст. 1229 ГК РФ правообладатель может по своему усмотрению разрешать или запрещать использование результата интеллектуальной деятельности. Отсутствие запрета не считается согласием (разрешением). Другие лица не могут использовать результат интеллектуальной деятельности без согласия правообладателя. Не допускается без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями (право на неприкосновенность произведения). При использовании произведения после смерти автора лицо, обладающее исключительным правом на произведение, вправе разрешить внесение в произведение изменений, сокращений или дополнений при условии, что этим не искажается замысел автора и не нарушается целостность восприятия произведения и это не противоречит воле автора, определенно выраженной им в завещании, письмах, дневниках или иной письменной форме.

Таким образом, современное законодательство так или иначе решает вопросы, связанные с изданием документов личного происхождения, прежде всего в части их неприкосновенности или какого-либо изменения, и авторского права на их публикацию. Оно позволяет при доброй и взаимно заинтересованной воле сторон урегулировать интересы археографов и правообладателей документов личного происхождения. Однако в полной мере оно не разрешает ряд вопросов и не может разрешить их в принципе из-за многообразия возникающих ситуаций и особенностей подготовки документальных публикаций как информационных продуктов. Более того, такие особенности способны приводить к конфликтам интересов.

Такие конфликты, как показывает прикладная археография двух последних десятилетий, обычно происходят по нескольким линиям.

Линия первая — что и когда из документов личного происхождения XX в. можно опубликовать. Мы не имеем в виду ситуации, когда такие публикации невозможны по политическим обстоятельствам. В СССР эта линия была просто исключена в отношении, например, «Архипелага ГУЛАГа» А. И. Солженицына. Речь идет о нашем времени. По этой линии легко просматриваются два подхода.

Первый: все документальные источники личного происхождения, представляющие исторический интерес, должны быть изданы, и как можно быстрее. Второй — надо проявлять осторожность при решении обнародовать документы личного происхождения XX в., по крайней мере, воля их авторов и правообладателей должна обязательно не просто учитываться, но и являться решающей. В пользу второго подхода говорит и законодательно установленный ограничительный срок в 75 лет со времени создания документа даже на доступ к нему, если он содержит сведения, содержащие тайну личной жизни. И эту норму могут нейтрализовать только распоряжения правообладателей.

Прикладная археография последних десятилетий однозначно показывает, что второй подход по этой линии оставался преобладающим

Линия вторая — как воспроизводить текст публикуемого документа личного происхождения, если он: 1) представлен несколькими вариантами и даже редакциями, но публикатору известен лишь по какому-то одному из них; 2) содержит обценную лексику; 3) имеет сведения интимного и иного деликатного исключительно личного характера; 4) включает негативные характеристики окружавших автора людей, в том числе живущих ко времени публикации. Тут археография последних двух десятилетий демонстрирует неустойчивую и противоречивую практику, основанную, с одной стороны,

на общепринятых археографических нормах, а с другой – исключительно на морально-этических соображениях.

В случае, если публикуемый документ представлен несколькими вариантами или редакциями его текст передается по выбранному основному списку с вариантами по остальным. Такая практика преобладает, исключая возможность обнародования документа личного происхождения по случайно оказавшемуся в руках публикатора его списку.

В случае наличия в тексте публикуемого документа личного происхождения обсценной лексики такие тексты, как правило, изымаются с оговоркой в предисловии и указанием об изъятиях в тексте публикации. Таким образом, например, поступили в РГАЛИ при издании дневника Эфрона⁵³.

В случае наличия в публикуемом документе личного происхождения сведений интимного и иного деликатного исключительно личного характера археографическая практика последних двух десятилетий дает противоречивые образцы. Так, в дневнике Эфрона исключены все тексты автора, касающиеся его сексуальных переживаний, а текст дневника О. Берггольц, наоборот, издан полностью со всеми подробностями ее любовных походов. Обе публикации вышли из стен РГАЛИ, что показывает неустоявшуюся практику отношения к публикации документов личного происхождения со сведениями интимного и иного деликатного исключительно личного характера.

В случае наличия негативных характеристик в документах личного происхождения лиц, окружавших их авторов, мы видим также неустоявшуюся практику. С одной стороны, имеются примеры, когда такие характеристики сохраняются в тексте публикаций. Ярким примером этого является публикация дневника Князева военных лет.

С другой стороны, можно допустить, что имеет место и практика изъятий частей текстов с негативными характери-

⁵³ Эфрон Георгий. Дневники. Т. 1-2. М., 2004.

стиками даже умерших лиц или замена их фамилий буквенной кодировкой.

Таким образом, археографическая практика двух последних десятилетий демонстрирует нам по существу два прямо противоположных подхода к воспроизведению текстов документов личного происхождения: публиковать их без каких-либо изъятий, в том числе по случайно найденным спискам в интересах постижения правды и истины прошлого, и воспроизводить их тексты с купюрами тех мест, которые содержат обценную лексику, сведения интимного и иного деликатного исключительно личного характера, а также негативные характеристики лиц, окружавших авторов документов, особенно продолжающих жить ко времени публикации.

Эти два подхода в принципе могут быть признаны абсолютно равнозначными, когда они являются результатом воли авторов документов личного происхождения или их правообладателей. Например, А.С. Черняев самолично решил обнародовать свои дневниковые записи, включая подробности любовных увлечений⁵⁴, и это его личное желание никак не может быть оспорено.

Но нередко только исключительно археографу приходится решать эту проблему единолично или коллегиально. В случае принятия решения по первому варианту важно рассмотреть третью линию разногласий — целесообразность особого комментирования деликатных мест документального источника личного происхождения в четырех обозначенных выше разновидностях. И здесь археографическая практика последних двух десятилетий дает нам неоднозначные подходы.

С одной стороны, наблюдается стремление к обязательному комментированию таких мест с поправками мнений авторов или, наоборот, к их еще большему подтверждению. Это характерно, например, для комментариев в публикации мемуаров баронессы С. Буксгевден. С другой стороны, пуб-

⁵⁴ Черняев А.С. Бесконечность женщины. М., 2000.

ликаторы в таких случаях чаще всего отказываются комментировать подобные места. Типичный пример этого – публикация дневника Князева. Публикаторы отказались от комментариев негативных характеристик автором некоторых своих современников, предоставляя читателям дневника решать вопрос об объективности или пристрастии Князева в его характеристиках по крайней мере известных и даже выдающихся современников, прежде всего ученых.

Итак, подводя промежуточные результаты нашим размышлениям о морально-этических проблемах публикации документов, особо подчеркнем несколько обстоятельств. Морально-этические вопросы их обнародования близки к правовым аспектам работы над ней, а порой и пересекаются с ними. В процессе подготовки документальной публикации могут возникать ситуации, при которых переход за подчас неуловимые их грани может привести к нарушению общепринятых норм и даже нанести серьезный ущерб личности. Эти ситуации можно объединить в две группы.

Ситуации первой группы предусматривают объективное закрепление роли каждого физического и юридического лица в подготовке документальной публикации, в недопущении доверительного или пиратского доступа к архивным документам в качестве их «первооткрытия», особенно когда речь идет уже о включенных в научно-справочный аппарат архива архивных документах. Здесь подчас «авторское право» сводится не только к моральному праву на указание заслуг предшественника – публикатора какого-то документа, но и к моральному праву вообще публиковать документы, оказавшиеся в распоряжении археографа не в результате его кропотливых архивных разысканий, а всего лишь вследствие трансформации документа в исторический источник по причине его рассекречивания или по причине обладания им в силу каких-то обстоятельств. Должен ли архивист, первым в силу своего служебного положения имеющий возможность опубликовать, например, рассекреченный документ, стано-

виться его первым публикатором? Ответ на этот вопрос не является однозначным, но автору этих строк кажется предпочтительнее отдать пальму первенства пользователю, а не сотруднику архива. В противном случае велик соблазн ради первенства архивиста притормаживать сведения о рассекреченных документах. Примеров этому более чем достаточно в прикладной археографии последних двух десятилетий.

Вторая группа морально-этических вопросов публикации касается ее информационной безопасности для личности. Нередки ситуации, когда публикатор вынужден делать выбор между своим стремлением максимально полно с помощью документальной публикации осветить факт, событие, явление, процесс прошлого и желанием в то же время не навредить людям, в той или иной степени имевшим к ним отношение. Этот выбор всегда мучителен, но в конечном счете должен быть сделан в пользу второго варианта.

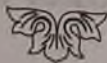
Морально-этические соображения относительно информационной безопасности документальной публикации для личности могут существенно снизить ее информационный потенциал, т. е. ее объективность в освещении факта, события, явления, процесса прошлого. Публикатор-археограф в такой ситуации каждый раз должен искать оптимальный вариант. Например, он может усилить свойство неопознанных пробелов документа, исключив из него фамилию лица при описании его действий, публичное упоминание о которых может принести этому лицу ущерб. Наконец, он может просто не включить такой документ в документальную публикацию, обязательно сообщив об этом с осмотрительностью в одном из элементов ее конвоя, например в археографическом предисловии.

Разумеется, ответы на вопросы, связанные с морально-этическими проблемами археографии, не могут быть каноническими, ибо жизнь предлагает подчас самые неожиданные ситуации. Однако это не означает игнорирование морально-этических принципов работы с архивными до-

кументами, закрепленных в международном этическом кодексе архивиста. Поэтому, несмотря на неожиданность конкретных ситуаций, публикатор каждый раз должен сверять их с этим кодексом. Общий же смысл соблюдения морально-этических норм при публикации документов личного происхождения заключается в неукоснительном соблюдении воли их авторов и правообладателей как бы не казалась такая воля неудобной, охранительной, консервативной, не соответствующей реалиям нового времени и запросам науки. Тем более важно соблюдать такие нормы, когда они так или иначе пересекаются с законодательными нормами.

В этой главе мы рассмотрели своеобразную «мутацию» документа в документальной публикации — от состояния оставаться регулятором действительности, быть полезным до состояния носителя документальных свидетельств о прошлом. На конкретных примерах археографической практики последних лет были показаны главные вопросы, связанные с трансформацией документальной памяти в документальной публикации. С одной стороны, очевиден их реальный проблемный характер, например, при фильтрации документов, их стабилизации в документальной публикации, передаче их текста, комментировании. Эта проблемность объективна и нуждается в дальнейшем осмыслении. С другой стороны, очевиден и субъективный характер выявленных недостатков и ошибок в реализации конкретных моделей документальных публикаций.

Трансформация документальной памяти в документальной публикации есть ничто иное как сложный процесс ее аналитической переработки, приводящей к созданию не просто информационного, а творческого, основанного на общепринятых нормах работы с документом, продукта. О том, как инициируется создание такого продукта и как он воспринимается общественным сознанием пойдет речь в следующей главе.

ГЛАВА 5

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

НАШЕ понимание объекта археографии (документальная публикация) и приведенная типология документальных публикаций, где выделен их особый тип – научно-популярная документальная публикация – означают, что археографии как научной дисциплине присущ интерес к любой документальной публикации как интеллектуально-информационному продукту. Эта значит, что археография – одна из тех научных дисциплин, которая занимается изучением взаимодействия документа и общества в момент, когда такой документ становится публичным благодаря его воспроизведению в документальной публикации.

Если это так, то в сферу археографии неизбежно должно включаться изучение места любой новой документальной публикации в исторической памяти, причин или возмущающих сил, приводящих к появлению той или иной документальной публикации, и общественной реакции на нее. Рассмотрению этих трех вопросов прежде всего и посвящена настоящая глава.

Документальная публикация в исторической памяти. Выше мы не раз говорили о том, что документальная публикация является одной из форм трансляции документальной памя-

ти, которая в свою очередь выступает одним из типов исторической памяти как представления о прошлом, складывающегося у человека, общества или формируемых государством. Помимо документальной памяти историческая память представлена памятью обыденной, конструктивистской и реконструктивистской или научно-исследовательской.

Обыденный тип исторической памяти — это представление человека или какой-то части общества о прошлом. Ему присущи несколько особенностей. Во-первых, для обыденного типа памяти о прошлом характерна избирательность — он связан преимущественно не с историческими явлениями и процессами, а с именами и событиями, почему-либо особенно запомнившимися его носителям или особенно важными чем-либо для них. Во-вторых, часто ему присуще свойство памяти о своих предках как чувства сопереживания с их судьбами, а через эти судьбы как прикосновение к более широкой картине прошлого своего поселения, города, региона, страны. В-третьих, обыденный тип памяти о прошлом, как правило, носит воспоминательный характер, а значит, хронологически ограничен периодом жизни двух-трех поколений. В-четвертых, этот тип памяти наиболее податлив к мифологизации прошлого, воспринимая миф как абсолютную реальность прошлого. Источниками формирования обыденного типа памяти о прошлом являются СМИ, включая ныне Интернет, рассказы близких и знакомых, произведения литературы и искусства, увлеченные занимательностью своего рассказа музейные и туристические экскурсоводы и еще масса других источников, с которыми человек встречается на протяжении своей жизни.

Второй тип памяти о прошлом мы условно можем назвать *конструктивистским*, когда человек, общество, государство конструируют прошлое, т. е. пристраивают, выстраивают, рисуют его картину под свои цели и задачи, когда прошлое стремятся не только приноровить к настоящему и будущему, но и сделать его политической и идеологической прислугой.

Этот тип памяти имеет свои разновидности. Первая из них, условно говоря, гуманитарно-уфологическая. В России она зародилась в XVIII в. и нашла свое отражение, например, в фантастической конструкции, возводившей этнические корни русских к некоему народу под названием гипербореи, жившему, якобы, в некоей благословенной и благополучной северной стране, получившей позже название Праруси. Сегодня эта разновидность усложнилась, находя свое выражение в работах последователей «новой хронологии» во главе с академиком А. Т. Фоменко.

В случае с гипербореями мы имеем дело с чудесной и даже доброй сказкой. Работы Фоменко и его коллег предлагают уже не сказку, а некую наукообразную конструкцию хаоса прошлого, проектируемую и на современность. Превратившись в успешный бизнес-проект, этот подход демонстрирует и сегодня свою популярность.

Вторую разновидность конструктивистского типа исторической памяти условно можно назвать драматургической. Смысл его в представлении прошлого как театрального действия – драмы, комедии, водевиля, в общем как спектакля. В определенных пределах, с большими оговорками в России его основателем можно считать Н. М. Карамзина – не случайно, например, А. С. Пушкин в «Борисе Годунове» следовал не только фактической стороне «Истории», но и ее фабуле в повествовании Карамзина о правлении и времени Бориса Годунова. Драматургическая трактовка прошлого была прекрасно продемонстрирована в фильме «Большая перемена», где один из его героев, учитель истории Нестор Петрович, увлеченно и темпераментно рассказывает своим ученикам, вполне взрослым людям, о правлении Нерона и мрачной личности этого римского императора.

Драматургическая разновидность конструктивистского типа исторической памяти близка к художественной трактовке прошлого. Эта разновидность содержит важный компонент. В принципе она невозможна без обращения к чело-

веку в истории, вернее, прежде всего к личности чем-либо выделяющейся среди других по формальным или неформальным признакам. Без этого историческая драматургия лишается смысла. По этой причине, драматургическая версия прошлого сохраняет свое познавательное значение.

Третья разновидность конструктивистского типа исторической памяти находится в плоскости «искренней веры» или «искреннего заблуждения». Мы имеем в виду веры не только религиозной, но и увлеченность определенной концепцией, увлеченность идеей, увлеченность оригинальным, совершенно необычным видением ушедшего времени — его людей, событий, явлений, процессов.

И, наконец, четвертую разновидность конструктивистского типа исторической памяти условно можно назвать политологической. Собственно говоря, она и определяет главный смысл этого типа исторической памяти как памяти, формируемой в соответствии с интересами различных политических сил.

Конструктивистский тип памяти о прошлом — более совершенен в сравнении с обыденным. В разумных пределах, когда речь идет о подпитке с его помощью кардинальных и истинных интересов государства и общества, когда он не противоречит нормам гражданской и религиозной морали и нравственности, этот тип памяти о прошлом необходим и обязателен как таблица умножения для начинающего жить человека. Без азов конструктивистского типа памяти о прошлом человеческая жизнь, жизнь общества и государства невозможны. Эти азы, образно говоря, есть ничто иное как канаты Останкинской телевизионной башни в Москве, которые позволяют ей раскачиваться, но не дают упасть.

Но надо понимать и все опасности конструктивистского типа исторической памяти. Его политическая и интеллектуальная многовариантность содержит скрытые угрозы религиозного фанатизма, национализма, фашизма, империализма, имущественной ненависти — всего того, что стремится

к деформации современного мироустройства, что желает его дестабилизировать вопреки желаниям, надеждам и воле здорового большинства.

Во-первых, конструктивистский тип исторической памяти, как правило, «актуализирует» память о прошлом. С одной стороны, это хорошо: нам, сегодняшним, полезно не только знать, но и учитывать опыт прошлого при решении сходных современных задач. Но, с другой стороны, такая актуализация может быть очень политизирована, иметь свой сиюминутный и далекий от действительного прошлого интерес.

Во-вторых, конструктивистский тип памяти во всех случаях и при любых ситуациях сознательно или неосознанно модернизирует память о прошлом, представляя дело так, как будто мы, сегодняшние, живем в том прошлом, такие умные и все знающие и понимающие, рядом с нашими недотепами-предками, либо наоборот выглядим жалкими пасынками отечественных пассионариев прошлого.

В-третьих, рассматриваемый тип памяти о прошлом по большому счету является памятью манипуляционной, изменяющейся не просто с течением времени, но прежде всего по воле политических обстоятельств.

В-четвертых, и это, пожалуй, главное, в конструктивистском типе памяти о прошлом его носители стремятся подчинить факты, события, явления, процессы прошлого интересам сегодняшнего дня, превратить их в мнимые инструменты для решения задач настоящего.

Конструктивистский тип исторической памяти отличается от обыденного типа главным: в его основе лежит исторический источник. Однако его применение, т. е. использование, носит исключительно потребительский характер, главной особенностью которого является приурочивание свидетельств источника к заранее выбранной, придуманной конструкции какого-либо сюжета прошедшего. Исторический источник — вещь бездонная и безграничная, неисчер-

паемая по своей сути. Поэтому выборочное, селективное использование его свидетельств и их простраивание под заранее придуманную конструкцию факта, события, явления или процесса прошлого бывает удобным и внешне эффективным и убедительным.

При конструктивистском подходе демиургом исторического продукта является историк – вдохновенный полет его мысли рождает сначала контуры, а затем остов концепции, которая после этого заполняется подобранным фактическим материалом. Воля, увлеченность историка, а чаще всего его политическая или иная ангажированность определяют качество произведенного продукта. Может ли такой подход рождать новое знание о прошлом? Безусловно, может. Но только, на наш взгляд, при трех условиях. Первое: когда идея-концепция в гносеологическом и эпистемиологическом отношениях представляются оригинальными и находят подтверждение в примыкающих к ней других идеях-концепциях. Второе: когда идея-концепция не иллюстрируется источниками, а подтверждается ими или их по крайней мере большей совокупностью. Третье: когда идея-концепция сознательно не опирается на откровенно сфальсифицированные или однозначно недостоверные источники.

Реконструктивистский или научно-познавательный тип исторической памяти прямо противоположен конструктивистскому. В сфере его внимания находится проверенное и достоверное свидетельство источника или их совокупность, на основе которых прошлое не конструируется, а реконструируется. Иначе говоря, научно-познавательный тип исторической памяти не подстраивает свидетельства источников под определенную схему, а через выявление и анализ свидетельств источников такую схему устанавливает. Формирование научно-познавательного типа исторической памяти представляет собой последовательный процесс установления определенных факта, события, явления и процесса прошлого и доказательство их достоверности и соответствия

действительному прошлому на основе свидетельств исторических источников.

В научно-познавательном типе исторической памяти демиургом исторического продукта является не историк, а исторический источник, его малые и большие совокупности. Источник дает историку из прошлого сигналы, ставшие рудиментами ушедшего настоящего. Они могут выглядеть не совсем понятными, противоречащими друг другу, сфальсифицированными и субъективными, а нередко и просто недостоверными. В отношении каких-то фактов, событий, явлений, процессов прошлого они могут быть не только типичными и в количественном отношении в больших объемах, но уходящими в бесконечность своим разнообразием. Они вообще при даже частичном знакомстве с ними могут производить впечатление неупорядоченности. Реконструктивистский подход при создании сочинений о прошлом за столетия своего существования выработал целую систему приемов и методов преодоления этого хаоса, начиная от методов внешней и внутренней критики, классификации источников и кончая количественными методами или контент-анализом таких источников.

Итак, в научно-познавательном типе исторической памяти источник диктует историку видение прошлого. При подготовке в этом случае продукта, раскрывающего прошлое, его создатель должен продемонстрировать, во-первых, умение историка применять методы источниковедческого анализа, исключить возможность слепо идти за свидетельствами источника, умение выявить в нем субъективное и объективное, достоверное и недостоверное, фальсифицированное и подлинное. Во-вторых, важно увидеть в источнике не только традиционную проблемность прошлого, но и новую проблематику, скрытые свидетельства о событиях, явлениях и процессах, дотоле не привлекавших внимания и подчас имеющие важнейшее значение для получения качественного, т. е. доказательного знания о прошлом.

Научно-познавательный тип исторической памяти, как и конструктивистский, изменчив во времени. Но это изменение объективное: изменяются методологии его формирования, меняется в сторону постепенного расширения проблематика его интересов, совершенствуются методики «добывания» из исторических источников свидетельств о прошлом и т. д.

Таким образом, конструктивистский и научно-познавательный типы исторической памяти сохраняют в сфере своего внимания исторический источник. Разница заключается в том, что первый тип памяти подходит к источнику от заранее придуманной концепции, а научно-исследовательский идет от источника к концепции.

Два последних подхода — конструирование и реконструирование прошлого — содержат некие опасности превращения созданных на их основе продуктов в контрафакты. В нашем понимании выход один — в их обоснованной в каждом конкретном случае интеграции. Конструктивистские идеи генерируют мысль, идею, концепцию, реконструктивистский подход ограждает ее от фантазии и угодничества.

Иначе говоря, и сегодня, и в дальнейшем и недавнем прошлом по большому счету имели и имеют место быть три схемы производства знания о прошлом: историк — источник = историческому продукту, источник — историк = историческому продукту и историк — источник — историк = историческому продукту.

Из всех трех составляющих этих формул мы хотели бы остановиться только на одной из их частей — историческом источнике — и только исключительно на документальном историческом источнике. Он входит в один из двух классов исторических источников — созданных природой и созданных человеком, т. е. в класс источников, являющихся результатом человеческой жизнедеятельности, который и составляют документальные и вещественные источники.

Документальный исторический источник может существовать в одном из четырех состояний. Первое состояние — полностью активированное, когда он представляет собой публичный, т. е. общедоступный и равно доступный документ. Это достигается с помощью его аутентичного обнародования или обеспечения реального свободного и равного доступа к нему. Второе состояние, прямо противоположное первому, — полностью неактивированное, когда доступ к документальному источнику пользователя-историка в принципе невозможен в течение определенного времени с момента его создания. Для документальных источников официального происхождения временные и иные нормы такого запрета обычно содержатся в законах о государственной и иной охраняемой законом тайне. Для документальных источников неофициального или личного происхождения эти нормы запрета связаны исключительно с волей фондообразователя, фондодержателя, фондотдела. Третье состояние документального источника можно назвать ограниченно активированным, когда документальный источник является объектом доверительного доступа ограниченного круга историков. И, наконец, четвертое состояние документального источника можно назвать пассивно активированным, т. е. когда он, во-первых, не обнародован, во-вторых, изначально не имел никаких ограничений на доступ к нему, в-третьих, переведен из неактивированного состояния, т. е. попросту говоря, рассекречен, в-четвертых, когда о его существовании пользователю-историку всего лишь известно, но он не знает его стратиграфию, т. е. место нахождения.

Документальная публикация, как уже не раз говорилось выше, переводит документальный источник из его неактивированного состояния в активированное, и тем самым предлагает новое документальное знание о прошлом.

Для представления о том, какое значение имеет это знание в постижении прошлого, остановимся на нескольких примерах представления такого знания.

Трехтомная документальная публикация «Голод в СССР»¹ показывает, как в огромной стране, впервые после 1918-1921 годов возникал общий продовольственный кризис. Как всегда, в каких-то регионах СССР он был связан с неурожаями, но в целом он являлся следствием нескольких исключительно силовых решений и действий советской власти.

Во-первых, это массовая насильственная коллективизация, разрушившая более или менее настроенную систему общинно-подворного хозяйствования, со скрипом, с сопротивлением, но все же через обязательные поставки сельхозпродукции государству обеспечивавшая в первую очередь его продовольственную безопасность после уничтожения помещного и хуторского землевладения. Ее насильственная трансформация в колхозы породила хаос в сельскохозяйственном производстве, который более или менее начал упорядочиваться только после утверждения в 1935 г. примерно устава сельхозартели.

Во-вторых, это сознательная политика подрыва хозяйств единоличников, главным результатом которой стали сокращение ими посевных площадей и уход в города. Страна лишалась части производимой ими раньше сельскохозяйственной продукции.

В-третьих, это выселения и «изъятия» «помещиков», «кулаков» и прочих «контрреволюционных и антисоветских элементов» деревни, в массовом порядке начавшиеся с 1924 г. и в обозначенный период достигшие пика в 1932-1933 годах. Из деревни в результате этого был вырван целый слой, как тогда говорили, «культурных крестьян», а их хозяйства были разрушены. Более того, эти сотни тысяч людей, погруженные в эшелоны, растянувшиеся по железным дорогам СССР, а потом доставленные и разгруженные в спецпосе-

¹ Голод в СССР. 1929-1934. Т. 1. 1929 - июль 1932: В 2 кн. М., 2011; Т. 2. Июль 1932 - июль 1933. М., 2012; Т. 3. Лето 1933 - 1934. М., 2013.

ления Казахстана, Урала, Сибири, также требовали хотя бы минимального продовольственного обеспечения. Прокормить себя они могли лишь в лучшем случае через год после переселения, а другая их часть, брошенная на строительство промышленных объектов, и вовсе не могла это сделать

В-четвертых, силовыми методами власти приблизительно с 1929 г. удавалось выкачивать из деревни весь тот объем сельхозпродуктов, который превышал минимальный объем прожиточного уровня крестьян. С мешочничеством, с торговыми посредниками, с продажей на рынке этой продукции было покончено, а потому «черный рынок», который спасал страну до этого, фактически уже отсутствовал. Тем самым страна была лишена и этой нелегальной возможности продовольственного обеспечения.

Голод в СССР, подступавший с 1929 г., достиг наивысшего пика в 1932-1933 годах. В широком смысле он явился следствием реализации двух марксистско-ленинских постулатов: как общественный строй социализм и коммунизм могут состояться только на основе мощной индустриализации и на базе коллективного ведения сельского хозяйства.

И сталинское руководство страны приступило к реализации этих двух важнейших теоретических посылов. Импровизируя тайно над реальным ходом воплощения своего замысла, публично обставляя его лозунгами заботы о крестьянстве и борьбы с его на самом деле несуществующими врагами, центральная власть упрямо и последовательно, невзирая на средства, шла к достижению первой стратегической цели — индустриализации страны. К сожалению, внутренние возможности для этого были очень ограничены. И до 1917 г. страна не блистала проектированием и производством сложных механизмов, а после революций стало и вовсе худо: старая техническая интеллигенция оказалась либо за рубежом, либо была выбита, а новая только создавалась. Выход был один: закупка техники за рубежом. А для этого нужна была валюта. Исследователям еще предстоит

выяснить доли валютных поступлений в бюджете СССР от продажи меха, золота, алмазов, леса, художественных ценностей. Осторожно скажем, что продажа за рубеж зерна составляла их важную, если не главную часть.

И все было бы понятно в этой ситуации, если бы ее решение изначально не было похоже на скособоченную матрицу действий центральной власти: **ЦЕЛЬ – ПОЛИТИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА – ЗАВЫШЕННЫЕ ПЛАНЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ – ИХ ВЫПОЛНЕНИЕ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ.** А в реальной жизни все походило на круг.

Ключевой вопрос плана достижения цели, заключавшейся в обеспечении минимального пропитания страны и хлебного экспорта для получения валюты, – это хлебозаготовки. Как свидетельствуют документы этой публикации, их план достигался, в том числе за счет изъятия у колхозов семенных фондов, у колхозников – зерна, полученного по трудодням, у единоличников – за счет разных способов конфискации, в том числе в процессе их выселения. Но неотвратимо наступала весна, а вместе с ней засев яровых, а потом и озимых. И это на фоне уже не просто голода, привычного в России, а на фоне смертного голода. Государство вроде бы проявляло заботу о своих гражданах-крестьянах, выделяя для каждого голодающего региона продовольственную ссуду. Тут и приходилось выбирать: или проедать эту ссуду, или оставлять хотя бы часть ее на яровой и озимый засевы. Государство строго контролировало второй вариант. Потому что ему были важны результаты засева, чтобы обеспечить планы очередных хлебозаготовок.

И все повторялось заново. Ограниченные продовольственные ссуды, используемые и для посева, давали все более и более снижавшийся урожай, который силой изымался осенью – в начале очередного года, чтобы потом частично вернуться в деревню в виде очередных продовольственных ссуд. В 1932–1933 годах недостроенная колхозно-совхозная система, подорванные единоличные хозяйства, обескров-

ленные силовыми изъятиями хлеба, и породили голод. Он поразил прежде всего зернопроизводящие районы страны, которые разом превратились в большие дореформенные оброчные хозяйства, периодически терпевшие бедствия из-за неурожая по погодным условиям. Но у тогдашних владельцев оброчных хозяйств по крайней мере середины XIX в. не было таких возможностей, какие имела советская власть, в выкачивании хлеба из деревни. Как никак, но государство тогда ограничивало их личные интересы, а здравый смысл заставлял искать формы помощи крепостным крестьянам.

Рукотворно ввергнув страну в голод, сталинские менеджеры, используя силу и ручное управление страной, начали искать выход из ситуации, о чем свидетельствует третий том публикации. Голод был в конце концов преодолен, но его последствия еще не один год сказывались на экономике страны.

Публикация «Между молотом и наковальней»² буквально с первых страниц ее документальной части захватывает читателя повседневностью жизни, поступков людей известных и малоизвестных, но в любом случае - всех тех, кого советский человек привык считать конструкторами и властителями своей души. Однако эта публикация представляет нам их не через известное и узнаваемое публичное творчество, а через документальные следы, которые они оставили в процессе своей жизнедеятельности. «Задняя», повседневная общественно-политическая деятельность советских писателей, поэтов, драматургов, критиков как нечто промежуточное между результатами их творчества и личной жизнью предстает перед нами с исчерпывающей полнотой и выразительностью. И эта жизнь узнается и поглощается читателем с невообразимыми интересом и памятьливостью. Каждый помещенный в сборник документ — это выразительное

² Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР: Документы и комментарии. Т. 1: 1925 - июнь 1941. М., 2011. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

свидетельство эпохи — эдакие документальные миниатюры различных литературных жанров.

Заинтересованному, а тем более подготовленному читателю, оторваться от чтения этих документальных миниатюр просто невозможно. Здесь с лихвой присутствуют невыдуманные страсти, мысли, поступки реальных людей и в реальных жизненных обстоятельствах. Но удовольствие от познавательного интереса и проникновения в судьбы и мысли тогдашней советской творческой интеллигенции очень скоро сменяется тревогой, которая так или иначе проецируется совсем в иных формах, характерах и на наше время.

ССП СССР был важнейшей идеологической структурой идеологического государства, если угодно, департаментом литературы, неформально напрямую подчиненного ЦК ВКП(б). Общая политика администрирования и огосударствления всего и вся с лихвой прослеживается и в деятельности СПП СССР, формально выступающего общественной организацией со сложной структурой и коллегиальным управлением. Автор книги не является специалистом по истории литературных движений в СССР, оставляя оценку сборника с этой стороны литературоведам. Но рассмотреть мысли и поступках людей, так или иначе связанных с СПП СССР, вовлеченных в сферу его деятельности в грозные годы укрепления сталинизма кажется возможно.

Итак, люди. Читая документы сборника с позиций сегодняшнего дня, невольно задаешь себе главный вопрос: неужели обо всем этом — партийности в литературе, социалистическом реализме, «авербаховщине», постановке дела «критики критики» и проч. — даже тогда можно было серьезно говорить, рассуждать, подводить под некую политическую позицию, изобретать особый язык, в котором площадная брань мирно уживалась с цитатами из Гегеля, Маркса, десятков других мыслителей всех времен и народов? Оказывается, можно. Идея классового подхода в оценках прошлого и современности словно обручем сковала головы и мысли

огромного числа деятелей советского литературного процесса и словно ржавчина проникла в их души. «Подлец лучше, чем классовый враг» - приблизительно так говорит не в пылу полемики, а в установочной речи ответственный секретарь ССП СССР В. П. Ставский на заседании бюро поэтической секции 4 мая 1937 г. (с. 630). Этот демон с пером или, по выражению А.К. Гладкова «главный обер-палач», был главным проводником политики партии в писательской среде. Но не будь его, в то время обязательно нашлись бы другие, ничем не лучше Ставского.

Взгляд на мир через классовые очки да еще на фоне политических процессов 30-х годов требовал лупы просмотра и литературных явлений для поиска в них «контрреволюции», «врагов народа» и «врагов партии». Закрытые и открытые партийные собрания, заседания секций и пленумы региональных и общесоюзной писательских организаций, писательские съезды, погромные статьи в центральной прессе, аресты представителей творческой интеллигенции создавали гнетущую атмосферу страха, желания покаяться, обвинить других. Этот клубок страстей, политических заявлений, копаний в биографиях и творчестве коллег по литературному цеху производит тяжелейшее впечатление своей ирреальностью, абсурдом, иначе говоря, деформацией смысла жизни, творчества, замененного «служебной ролью» литератора в новой жизни. Впрочем, когда понимаешь, что судьбы многих персонажей книги закончатся печально, чувства жалости и презрения невольно сменяются состраданием, пониманием жестокости времени. Оно не позволяло людям, искренне или лукаво говорившим о «партийности», «классовости», приверженности политике партии и социализму, просто сводившим друг с другом счеты, быть самими собой. И делалось все это ради того, чтобы спасти себя от молота создававшейся системы идеологического государства и не попасть на наковальню репрессий. Или наоборот,

что ровно ничего не меняет. Такое вот оправдание эпохой, которое каждый волен принимать или не принимать.

Знаково любопытны, а порой неожиданны поведение литераторов, с именами которых заслуженно связаны лучшие достижения советской литературы. В сборнике перед нами предстают уставший от литературных дрызг А. М. Горький, молящий о помощи О. Э. Мандельштам, мятущийся А. А. Фадеев, «неискренне кающийся» Б. А. Пильняк, пытающиеся избежать дел Союза или хотя бы чуть-чуть отстраниться от них Б. Л. Пастернак, М. А. Булгаков, К. И. Чуковский, С. Я. Маршак, К. Г. Паустовский, А. А. Ахматова, А. П. Гайдар, Е. А. Долматовский, Л. А. Кассиль и т. д.

Сборник в очередной раз показывает, что может сделать с творческим человеком тоталитарное идеологическое государство. Оно старается деформировать его личность ложными идеалами и создаваемыми вопреки его желаниям обстоятельствами, прививает ему чувство страха, воспитывает цинизм, научает обману, пустому словоплетству, типа «авербаховщина — это вполне определившаяся система троцкизма в литературе» (с. 661). Она заставляет творческого человека отказаться от собственной личности — вполне искренне, как, например, Берггольц, неискренне, как большинство литераторов того времени, либо закрыться в раковину сугубо личных переживаний двойной жизни, как, например, Гладков.

От времен сначала цесаревича Николая Александровича Романова, затем ставшего императором Николаем II, до нас дошло немало дневников, созданных его современниками и ближайшим окружением. В семье Романовых ведение дневников было своего рода признаком хорошего тона. Скажем сразу, опубликованный дневник последнего российского императора³ резко выделяется среди них своей ла-

³ Дневники императора Николая II (1894-1918): в 2 т. Т. 1: 1894-1904. М., 2011; Т. 2: 1905 — 1918: в 2 ч. Ч. 1: 1905-1913; Ч. 2: 1914-1918. М., 2013. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

коничностью, сухостью, строгой устойчивостью фиксации увиденного, узнанного, пережитого. Более того, при первом и беглом чтении он производит впечатление скукоты, а внутренний личный мир кажется убогим и раздражающе разочаровывающим современного читателя, тем более россиянина — неужели таким и был наш соотечественник, волею судьбы и жестких правил более 20 лет возглавлявший Российскую империю?

В типологии дневникового наследия России мы можем отнести дневник Николая II к типу дневника-хроники. Что же зафиксировано в этом документе, теперь для нас ставшем документальным историческим источником, т. е. публичным, доступным всем документом, изначально создававшимся как сугубо интимный, рассчитанный только для собственного пользования и чтение жены документ?

Первый пласт его записей — это педантичная, изо дня в день фиксация погоды и ее перемен в течение дня. Погода словно камертон регулирует ежедневные планы императора, часто их меняя, она почти всегда задает его настроение — от мрачно-раздражительного в весенне-осеннюю слякоть, до бодрого, радостного и оптимистичного в нежаркие летние дни, при грозах, теплых дождях, легком морозе и чистом хрустящем снеге. Дважды в дневнике император словно бы очеловечивает погоду как своего психотерапевта или приятеля: «Я обиделся на погоду и вставил у себя в кабинете двойные рамы!» (1, с. 473) и «Остался дома, обидевшись на погоду» (2, с. 823).

Следующий пласт дневниковых записей императора — это его семейная жизнь. Она размеренна, подчинена определенным ритуалам завтраков, обедов, ужинов, чаепитий, наполнена заботами о родных и близких, переживаниями за их здоровье, уход из жизни родственников, разнообразится пешими и конными прогулками, игрой в теннис, хоккей, карты, регулярным чтением вслух для домашних или императрицы. Записи об этом постоянны и, несмотря на

их лаконичность, открывают перед нами образ простого человека, для которого семья и есть прежде всего настоящая жизнь. В этой жизни он находит истинное удовольствие, вполне понятное и для нас сегодня, начиная от радостного ожидания рождения детей, рассмотрения подарков и кончая «беганьем» (выражение самого Николая II, так понятное нам совсем недавно) по магазинам во время зарубежных визитов. Императора явно тяготит позолота холодного официоза Зимнего дворца, ему он предпочитает Царское Село, Павловск, Гатчину — здесь его хотя и не оставляют государственные дела, но все же больше покоя, тишины и единения в семейном кругу, о котором он постоянно мечтает.

Дневник не скрывает один из важнейших лейтмотивов жизни Николая II — его любви к незабвенной Алекс. Ее взаимность подчеркивается в нем влюбленными записями императрицы — постоянными, раздражающими своей полумистической похужестью, но абсолютно искренними. А вот другой лейтмотив — напряженное ожидание наследника-сына — автор дневника тщательно скрывает. Только после его рождения император в своей радости позволил себе несдержанность: «Незабвенный великий для нас день, в кот[орый] так явно посетила нас милость Божья. В 1 ¼ дня у Алекс родился сын, кот[орого] при молитве нарекли Алексеем... Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное нам утешение в эту годину трудных испытаний!» (2, с. 817).

Мир семьи незаметно соединялся с миром охоты. То была не просто страсть императора. Охота для Николая II — не отдых, а словно бы работа без какого-либо ограничения результатов, дело, состоящее не из отдельных случаев добывания диких животных и птиц в России и за рубежом, а часть жизни или даже особая параллельная жизнь. Детально фиксируя в дневнике прошедшие охотничьи эпизоды, которым несть числа, он словно бы заново переживает их, радуясь коллективным и личным трофеям, сожалея о неудачах. Но,

конечно же, охота для Николая II – это еще и психотерапия, не случайно под его выстрелы попадает бесчисленное количество ворон, обитавших в императорских парках: между убийством птиц и собственно охотой он не видит никакой разницы с беспощадной откровенностью всегда используя в дневнике слово «убил», а не «добыл» или же хотя бы «застрелил».

Несмотря на должность «хозяина Земли Русской», как однажды назвал сам себя Николай II, в дневника он откровенно признает себя непубличным человеком. Мир официальных приемов, балов, торжеств его явно тяготит. Кроме трех-четырёх исключений.

Во-первых, это военные парады, смотры, маневры, учения. Во время их проведения император становится словно другим человеком – заинтересованным, знающим толк в военном деле, деловым и собранным. Дневник пестрит детальными описаниями и оценками таких событий.

Военные парады, маневры, смотры привлекают императора своей театральной зрелищностью прежде всего. И, вероятно, не случайно. Николай II, как свидетельствует его дневник, очень любил театр. За 10 лет он посмотрел не менее 190 театральных пьес, опер, балетов, причем некоторые из них не один раз. И это второе исключение из непубличного мира императора. В своем дневнике он предстает перед нами равнодушным зрителем, человеком, эмоционально не реагирующим на театральные постановки. И как бы не были стандартизированы оценки Николаем II театральных постановок всего лишь в пределах «плохо – хорошо» не стоит забывать, что само их наличие в отличие, как увидим ниже, от других более важных случаев жизни отражает духовный мир императора.

Этот мир дневник зафиксировал и в третьем исключении из его непубличной жизни. Оно связано с записями о посещениях выставок, вернисажей и других мероприятий, так или иначе касающихся художественного творчества. По на-

шим беглым подсчетам в 1894 – 1904 гг. Николай II посетил не менее 100 различных выставочных мероприятий. Император на них был не просто зрителем или почетным гостем. В своем дневнике, он выступает изысканным покупателем произведений искусства и их придирчивым критиком.

Дневник зафиксировал деятельность Николая II как высшего должностного лица Российской империи. И по частоте, и по объему записи об этом преобладают над другими сюжетами. Они представлены четырьмя типами.

Первый тип – глухие записи без какого-либо намека на суть решавшихся вопросов. Второй тип – сухая констатация события с упоминанием принимавших участие в нем лиц. Третий тип – записи с раскрытием сути решаемого вопроса. Четвертый тип – записи с раскрытием сути решавшихся вопросов с личными, часто эмоциональными оценками императора. Все четыре типа дневниковых записей Николая II отразили императорскую иерархию ценностей государственных дел России рубежа XIX-XX вв. Третий и четвертый типы записей императорского дневника для нас особо ценны, ибо так или иначе приоткрывают кухню внешней и внутренней политики правительства Николая II и личность императора как хозяина на этой кухне. Эти записи зафиксировали дела, которые молодому императору казались особо важными.

Для понимания личности и действий императора как человека и первого лица государства важна последняя запись в его дневнике за 1894 г. Она поразительна не только своей откровенностью, но и трагичностью: «Тяжело было стоять в церкви при мысли о той страшной перемене, кот[орая] случилась в этом году. Но, уповая на Бога, я без страха смотрю на наступающий год – потому что для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь! Вместе с таким непоправимым горем Господь наградил меня также и счастьем, о каком я не мог даже мечтать – дав мне Алек!» (1, с. 141). Собственно говоря, между этими нежеланным

бременем долга перед страной и постоянной тягой к семейному очагу и протекала жизнь императора.

Дневник, с одной стороны, показывает, что государственные дела явно тяготят Николая II, особенно в первые лет пять правления. Жалобы самому себе в дневнике на их скуку, отвлечение от общения с молодой женой, отдыха, охоты постоянны.

Вообще, жизнь какое-то время казалась молодому Николаю II большим путешествием, в котором удовольствий больше чем печали, в котором императорский вагон и железные дороги, а не карета, подпрыгивающая на ухабах и застревающая в грязи грунтовых дорог, обеспечивали и знакомство с миром, и комфорт, и уединение, и даже, благодаря четкой работе фельдъегерской службы, решение государственных дел. И ведь, действительно, ему явно не сиделось на месте даже в любимом Царском Селе — значительную часть своей жизни он находился в дороге, в движении. Если угодно, для него это был своего рода допинг, даровавший радость от жизни как простому, но ни в чем не стесненному, кроме государственных дел, человеку.

Увы, радости с течением времени становилось все меньше и меньше. Поэтому, с другой стороны, молодой император был просто вынужден все больше и больше течением событий участвовать непосредственно в их разрешении. Тем более, что некоторые из них первоначально, вроде бы, обещали ему в мире славу миротворца, а в России — славу не только «хозяина» и «охранителя» земли Российской империи, но и ее «умножителя». Как свидетельствуют его дневниковые записи, он укоризненно качает головой в адрес английского короля по поводу англо-бурской войны, грозно машет пальцем турецкому султану в связи с действиями Турции на Кипре и с удовольствием констатирует положительные результаты своей военно-дипломатической политики. Он не сомневается в «умиротворении» Финляндии, чувствует себя полновластным вершителем польских дел.

И, наконец, не без влияния своих ближайших советников он определяет главную линию своей внешнеполитической стратегии рубежа двух веков — экспансию на Дальнем Востоке, где агонизировавшая Цинская династия привела Китай на грань развала. Казалось бы, российская дипломатия, российские военные, промышленники, народ сделали по его воле все возможное для успеха: нейтрализованы европейские конкуренты России, а один из них — Германия — даже обещала снабжать военный флот России углем, новые броненосцы, крейсера, подводные лодки укрепляли Тихоокеанский флот, крепость Порт-Артур становилась реально надежным бастионом обороны против Японии. Более того, наследный принц Сиам старательно и не без успеха прикармливается при императорском дворе, а это обещает создание российского форпоста в Индийском океане. В своем дневнике император не скрывает ликования в связи с укреплением позиций России на Дальнем Востоке.

Казалось, что избранная стратегия внешнеполитических и военных действий торжествует и слава — такое приятное личное удовольствие для императора-человека — уже близка. А вместе с ней и более реальная и важная вещь — торжество России на ее новых землях. И вдруг — обвал после падения Порт-Артура, пока еще до Цусимы и Мукдена казавшийся необъяснимым и случайным, но в любом случае понятно угрожающим. Император, конечно же, переживает, не скрывая своих чувств перед дневником.

Дневник свидетельствует, что в жизни императора было четыре-пять едва ли не мистических в его представлении дат, память о которых он отмечал ежегодно. Это — покушение на него в японском городе Оцу в 1891 г., коронация, женитьба, смерть отца. Но ни в какое сравнение, как можно понять, с этими памятными датами у него не идет 1 марта 1881 г. — день убийства Александра II. Этот день для него является своего рода символом просто мистического ужаса, возможно, в силу подсознательного предчувствия своей судьбы.

Внутриполитические события явно так или иначе оказываются «привязанными» к месяцу марту. И это не могло не тревожить своей почти необъяснимой угрозой повторения, но уже в каких-то иных формах.

Дневник показывает, что молодой император хочет и ищет личного одиночества. Оно ему необходимо, чтобы поразмышлять одному о государственных делах, либо, наоборот, забыть о них. И это по-человечески понятно. Пока он сам себе стремится устроить такое состояние, еще не представляя себе как всего лишь через несколько лет это одиночество возникнет, постепенно расширяясь, уже независимо от его воли.

В ходе русско-японской войны, если внимательно читать дневник Николая II, можно заметить, что он постепенно менялся. Главный вектор изменений был связан с гораздо большим вниманием к государственным делам. Молодость ушла безвозвратно, мечта о выдающемся месте в истории испытывала один за другим сокрушительные удары. Император явно самоорганизовывался. Он наладил регулярную систему докладов, активно утром и вечером работал с документами, а когда находился вне своих резиденций, включая зарубежные поездки, использовал как фельдшерскую связь, так и вызовы своих министров для личных докладов.

И все же все это он делает как бы превозмогая самого себя. Рассмотрение государственных дел становится у него очень скоро и вплоть до трагической развязки с отказом от престола скорее ритуалом, чем по существу решением встававших все более грозно реальных проблем. Каждый новый год он как бы проживал не календарные, а наполненные собственными смыслом и интересами жизненные периоды. Зимние месяцы — это посещения различных военных институций, весенние и осенние — жестокая охота, лето и осень — смотри, парады, военные учения. Этот закрытый не только от внешнего мира, но даже и от своего дневника человек, был милитаристом не только по своему духовному складу,

но и по существу своих действий. Политические проблемы в менявшейся Российской империи его раздражали своими несовпадениями с усвоенными в детстве идеалами. Они его не столько даже тревожат, сколько бесят неожиданными разворотами, отвлечением от привычного хода событий, он ненавидит их и только более или менее честное окружение заставляет его идти на слабые модернизационные решения.

Император упрямо не хотел меняться, несмотря на фантастические изменения в окружающем мире. В лучшем случае он был готов принимать технические достижения современности, в первую очередь для войны и развлечений. К традиционным развлечениям этого человека — охота, театр, бильярд, карты — добавляется новое — кинематограф. Судя по дневнику, император и его семья в восторге от этой новой формы отдыха, они буквально покорены ее зрелищностью, готовы без конца смотреть новые фильмы.

Перед нами человек, ощущающий себя абсолютным властителем происходящего. Поэтому он уверен, что существующая система управления империей настолько совершенна, что дает ему возможность положиться на мнения и действия своих министров. Отсюда первый тип дневниковых записей Николая II — преимущественно обезличенная фиксация решаемых им государственных дел. Правда, есть один нюанс: при премьерстве Столыпина число приемов с докладами министров явно сокращается. Было ли это одним из условий, поставленных Столыпиным, или император тем самым демонстрировал Столыпину особое доверие, сказать трудно. Но скорее всего было и то, и другое.

В среде своих соратников по управлению империей Николай II едва ли не подсознательно делает ранжировку, называя и не называя их имена. Первый случай в данном контексте для нас особенно важен. Называя только фамилии соратников по управлению империей, с которыми приходилось решать государственные дела, Николай II в дневнике демонстрирует свое особое отношение с ними — посто-

янную и ровную доброжелательность, доброжелательность, постепенно переходящую в разочарование, доброжелательность лишь внешнюю, настороженное и сугубо официальное, исключительно деловое. В принципе император к таким людям, если судить по дневнику, благосклонен в той же степени, в какой может продемонстрировать и недовольство ими. Пожалуй, разве только кроме Столыпина. Император явно положился на него в государственных делах, он доверяет ему, его преимущественно вечерние регулярные доклады становились не неприятной обязанностью, а были явно интересны для Николая II. Привычка императора оценивать в дневнике доклады своих подчиненных по их длительности, а не по существу, в случае со Столыпиным явно отсутствует.

В ряде случаев Николай II, фиксируя суть решавшихся им вопросов, демонстрирует тем самым не только их государственную важность, но принципиальный интерес для себя. Поэтому такие скупые записи в дневнике о сути решавшихся вопросов очень важны для понимания Николая II не только как первого лица в государстве, но и человека.

Но, конечно, для современных читателей дневника императора особый интерес представляет четвертый тип записей — записи, характеризующие его собственные государственные и человеческие измерения происходящего. Они еще более редки чем третий тип. Автор дневника в целом и здесь строг, выдержан, монументален. Ни разу в его записях после 1904 г. мы не найдем откровенных страданий, например, по поводу болезни сына Алексея или постоянных недомоганий императрицы. Его дневник в этом смысле похож на некий — публичного человека, одетого в официальный мундир. Исключение в таких записях делается только для одного человека — Г. Распутина: Формулы «Видели Григория», «Посидели с Григорием» по своей частоте в дневнике уступают лишь записям о встречах с близкими и министрами, охоте и военных парадах, смотрах и учениях.

Несмотря на лапидарность записей в них нельзя не заметить, что драма цесаревича, связанная с его неизлечимой болезнью, буквально рвала душу Николая II, была постоянным источником его духовных мук. В этой драме личное, человеческое переплеталось с государственным. Ради ее преодоления Николай II и за соломинку готов был ухватиться. Его религиозность в этой ситуации соединилась с мистицизмом императрицы. Они, вместе со страхом за судьбу сына, встретившись с талантом Распутина-психотерапевта, и сделали царскую семью если не рабами, то послушными страстотерпцами Распутина. Для императора и его окружения Распутин стал той самой последней соломинкой, за которую хватается каждый человек, находящийся в беде.

Таким же предстает император перед нами и в редких записях, посвященных оценке событий в государстве. Император явно не любит Государственную Думу всех ее созывов, преодолевая себя, он встречается с ее председателями, и тем не менее в дневнике традиционно оставляет об этом только сухие протокольные записи. На них же похожи и записи последних дней перед началом Первой мировой войны. Кажется, что этот человек внешне помещенный в застегнутый на все пуговицы мундир полковника, и перед своим дневником остается таким же, пряча от себя не только свои чувства, но и мысли.

Так, да не так. В отличие от дневниковых записей конца XIX – начала XX веков, в которых император не скрывал зависимости своего настроения от погоды, дневниковые записи последующего времени эту зависимость или не замечают, или тщательно скрывают. Император научился владеть собой. Но не навсегда. 18 июля 1914 г., за день до подписания манифеста об объявлении войны Германии, словно бы предчувствуя будущее, Николай II записал: «День простоял серый, такое же было и внутреннее настроение» (2/2, с. 47). И что показательное: вплоть до 21 июля дневник впервые за все время его ведения не содержит указаний на погоду.

Если сравнить дневниковые записи императора времен русско-японской и Первой мировой войн, то можно легко заметить: в первом случае частота записей о событиях существенно уступает второму случаю. Конечно, степень коммуникаций времен Первой мировой войны была много эффективней, чем в годы Русско-японской войны. Но, думается, дело заключалось не только в этом. Сам масштаб событий заставлял Николая II более пристально отслеживать их и невольно или вольно делать свой дневник их своеобразной хроникой.

Ну, конечно же, император держался на головах, вернее, мозгах своих верных соратников. У самого его и то и другое, разумеется, имелось, но как-то странно воспринимало иногда происходящее. Вот, например, он присутствует на смотре пятого по счету в истории России народного ополчения. Смотр происходит под проливным дождем, император фиксирует это, а потом пишет: «У ратников хороший бодрый вид; только странное впечатление производит сочетание всевозможных погон и околышей фуражек в той же части» (2/2, с. 59). Как видим, императора волнует не суть проблемы формирования ополчения, а его формальная сторона — пестрота обмундирования, которая его раздражает.

Дневниковые записи известного советского кинорежиссера А. Довженко⁴ стали очередным документальным свидетельством о печальной судьбе творческого человека в тоталитарном обществе. Судя по дневнику, Довженко фанатичен в своем творчестве. Вся видимая и узнаваемая им вокруг себя жизнь — это почти всегда только сценарный или литературный сюжет. В частичках реальной жизни, страшных в годы войны, и оптимистичных в первые послевоенные годы, он всегда видит символ и образ для своих новых произведений. В реальной жизни он живет не этой реальной

⁴ Довженко Александр. Дневниковые записи. 1939-1956. Харьков. 2013. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

жизнью - он в ней занят поиском образов, которые фиксирует страстно и бесконечно.

Но сегодня этот источник привлекает нас не только темой взаимоотношений художника и власти. События на Украине актуализируют еще одну тему, пронизывающую от первой до последней страницы дневниковые записи Довженко. Это судьба его малой родины Украины, и прежде всего судьба украинского народа.

Но что такое украинский народ? Довженко мучительно размышляет над этим, не сомневаясь, что это особая этническая общность, придавленная историческими обстоятельствами, но несмотря на них выживающая. 19 сентября 1952 г. в своем дневнике он делает пронзительную и растерянную запись: «Отец мой. Который плавал на лодке из Чернигова до Каховки наниматься в чернорабочие к Фальц-Фейну, не знал, к какому народу он принадлежал, как не знали и все, с кем он дружил, с кем работал до революции. Русские люди, однако, у него были отдельно. По Десне сплавляли плоты с Орловщины.

— Это русские.

— А мы какие? — спрашивали мы, тогда еще малые дети.

— Какие? — спрашивал отец, не зная, что ответить, но смутно чувствуя некую тяжелую и неприятную пелену на своих глазах. — Мы мужики... Хлеборобы мы, простые люди, одним словом, мужики и все.

Мы затихали. Молчал дальше и отец. Он мог бы для нашего национального сознания добавить, что мы «хохлы», но он не любил этого оскорбительного слова и, услышав его не раз от жидков или надзирателя, молчал. Мы были единственным народом в Европе, не зная, кто он. И я принадлежал к этому народу, чтобы вы знали» (с. 545-546).

А еще ранее, в апреле 1942 г. Довженко мечтал написать «о судьбе и характеристике народа, что в течение веков уничтожал свою интеллектуальную верхушку, которая бросала его по разным причинам и действовала в интересах

культуры польской, русской, оставляя народ свой темным и немощным в понимании передовой культуры» (с. 81). Развивая эту мысль, спустя несколько месяцев он писал: «Мы глупый народ и невеликий. Мы народ бесцветный. Наша нелюбовь друг к другу, неуважение, наше отсутствие солидарности и взаимоподдержки, наше наплевательство на свою судьбу и судьбу своей культуры абсолютно разительные и, объективно, не вызывающие к себе ни у кого добрых чувств, ибо мы их не заслуживаем» (с. 219–220).

Какое странное уничтожение и себя, и своего народа. Допустим, что в императорской России этот народ не идентифицировался никак, в отличие от поляков и финнов, наделенных в империи особыми государственными образованиями. Зато каждый советский школьник, и не только в начале 50-х годов, знал, что в раннем Средневековье единый славянский народ разделился на три ветви - белорусский, русский, украинский.

В июле 1942 г., вспоминая о воссоединении перед войной Восточной и Западной Украины, Довженко записывает: «Шесть долгих веков метались разъединенные в катастрофе половины в бурях, в крови, в поту. Шесть веков разные чужестранцы высасывали из половин соки и кровь, учили по-разному молиться, двигаться, думать... Сестры нашли друг друга, сбежались близ нецы, крикнули от радости, заплакали, обнялись... Сжали, прижались друг к другу и... разошлись. Разомкнулись объятия, радость уступила месту неуверенности, неуверенность — сомнению, сомнение сменилось удивлением, удивление — разочарованием, а затем гневом и возмущением... И разошлись, окровавленные, расхристанные, забытые богом, обманутые богом и людьми, на радость врагам. Разорвались опять в еще большей мировой трагедии, чтобы более уже никогда не соединиться — и исчезнуть поодиночке в небытии» (с. 217).

Но уже 30 июня 1945 г., после того как стало известно, что в результате советско-чехословацкого договора Закар-

патье войдет в состав советской Украины, Довженко записывает: «Сегодня, в субботу 30-VI-45 случилось большое событие в жизни моего народа. В первый раз за тысячу лет, за всю свою несчастливую историю объединился он в одну семью. Нет в мире второго народа с такой безмерно ужасной судьбой. Нет и не было в Европе большего пасынка второго, чтобы так был унижен во всех своих правах в пользу подлых конъюнктур.

Исполнилась мечта веков. Исполнилась и моя мечта... Благословенна будь, моя многострадальная земля. Счастья тебе, судьба. Дай ума и совести руководителям твоим. Благословен будь, народ мой ласковый, хороший, будь силен и терпелив» (с. 342).

И в этот же день, преодолевая эйфорию от произошедшего, размышляя, тот же самый человек с тревогой за будущее воссоединенной Украины записывает: «Объединились все украинские земли. Будет одно стадо и один пастырь. Все теперь будем одинаковые. Не будем уже ни польским быдлом, ни румынским, ни чешско-венгерским. Не будем презирать галичан за то, что они лучше и культурнее, чем мы. Галичане не будут бояться нас за то, что мы большие и жестокосердные несамостоятельные люди, не европейские и не азиатские, отдельные... Узнаем Закарпатскую Украину, о которой у нас не было написано ни одной книжечки, ни одного рисуночка, ни одной весточки. Жили мы рядом тысячу лет, не сказав друг другу ни слова, мы, по меньшей мере, «великие» украинцы. Оденем прекрасную Буковину, живописную славянку, в этот церабкооловский бушлат, землистый, крысиного покроя, вышлем мягкосердечное и слезливое, обвиним наказанных и вышлем в Сибирь, и будем тихонько ненавидеть друг друга и топить, перевыполняя план при всякой возможности! И будет нас много опять, как никогда по горам по долам, ой будет нас, братья мои, по чужим далеким восточным украинцам» (с. 344).

Этот странный в один и тот же день двойной стандарт оценки случившегося на самом деле отразил, как кажется, два лика Довженко. Довженко-художник и патриот исключительно или прежде всего Украины приветствует случившееся, руководствуясь чувством. Довженко-политику, с одной стороны, это кажется мало — он мечтает о полной государственной самостоятельности большой республики СССР, а, с другой стороны, ему, мягко говоря, становится немного не по себе: как объединить, сделать единым государственным организмом с общими идеалами этот волею исторических событий доставшийся Украине в наследство от истории конгломерат разных составивших его людских общностей.

Итак, в понимании Довженко, современный ему украинский народ — есть результат его трагической истории. Разделенный много веков назад, под воздействием внешних сил он воспитал в себе равнодушие к своей государственной судьбе, малодушие, неуважение к собственной культуре.

Новейшая история, в понимании Довженко, еще больше усилила трагедию украинского народа. Голод и репрессии 30-х годов XX в. нанесли ему сильный демографический и интеллектуальный ущерб, а Великая Отечественная война вообще поставила на грань выживания. Отступая и наступая вместе с советскими войсками от Киева и до Киева, он сражен, раздавлен увиденным на Украине. И дело не только в разрухе. Украинский народ, констатирует Довженко, на краю гибели. Он принял на себя основной удар войны и понес чудовищные человеческие потери. Как украинец Довженко ощущает это особенно остро.

Сквозь строки его страстных, вне сомнения честных записей, будто бы читается мысль о том, что большая страна под названием СССР не только не знает, но и не способна оценить жертвенность Украины в борьбе с очередным иноземным нашествием. Он хочет особо показать, подчеркнуть эту жертвенность в своих произведениях — публичных, как

в фильме «Битва за нашу советскую Украину», и не публичных, как в сценарии «Украина в огне». В одной из записей 1942 г. Довженко набрасывает диалог двух героев своих будущих произведений:

«...А выживет ли [украинский] народ, или, может, погибнет весь?

– Выживет, а как и на что будет способен, бог один знает. Таких жертв и потерь, таких страшных и огромных, еще не знал никто в мире.

– Что потерял наш народ за четверть века?

– Четверть сотни миллионов народа?» (с. 60).

В другом месте эта мысль звучит уже откровенным авторским заключением: «Что же будет с нашим народом? Выживет ли он в этой страшной войне, или погибнет от немцев, от болезней, от вшей, от голода, издевательств и пыток, и придут свои, и будет гибнуть он от расстрелов и ссылок за участие в сотрудничестве» (с. 61).

Ну, конечно же, Довженко не принимает сталинский котел, в котором варилась судьба народов СССР. Не принимает прежде всего потому, что в этом котле оказался украинский народ. Он хочет для него особой судьбы. Поэтому среди жертв Великой Отечественной войны он видит только украинцев. Комментируя поражение советских войск под Харьковом в 1942 г., Довженко не сдерживает не только эмоций и чувств, но и страшных по своей сути мыслей: «Здесь погибло огромное количество украинцев. Украинцы-бойцы погибли. Украинский честный наш народ понес самые тяжелые потери в этой войне. Дрался честно, откровенно, безоглядно. Народ пал в боях. Кто же еще бился и бьется рядом с ним? Русские. Остальные – евреи особенно, целы, черт бы их ладлюк, побрал, не воюют, не хотят умирать. Чеченцы, ингуши, абхазы, азербайджанцы, грузины, казахи, узбеки и туркмены – все это дерьмо. Живут как скоты, этнографический хлам, спекулируют на войне, воруют оружие и одежду» (с. 231). А однажды, стоя на высоком каменном берегу

своего любимого Днепра, души и сердца Украины, он вдруг записал: «Хорошо сделал Сталин, что велел выгнать прочь татарских подлых потомков [из Крыма]. Хочу дожить, когда и турки получают по заслугам за все пять веков своего паразитарного дурного существования» (с. 529). Цена любви к своему народу оказалось равной ненависти к другим народам. С таким вот духовным настроем жил и творил один из властителей дум советского народа.

В апреле 1942 г. Довженко впервые в своих дневниковых записях обращается к теме украинского национально-освободительного движения, как бы ища его истоки в сталинских репрессиях жителей Украины. Два украинца, герои его будущего сценария, оказываются по разные стороны колючей проволоки немецкого концентрационного лагеря. Один — пленный партизан, другой охранник лагеря. Ночью между ними возникает спор. О чем же? «О власти. О социализме, о колхозе. О Гитлере, об истории, о Богдане, о Мазепе, обо всем, это символическая, вечная картина, многототлетний поединок двух украинцев, ожесточившихся от долгой тяжелой тернистой дороги. О Сибири» (с. 73). Развивая этот сюжет, чуть ниже Довженко пишет: «О чем говорили они? Один про Сибирь, про Соловки, про ссылку, про нечеловеческие страдания в ссылках, про голод. Второй соглашался частично. Но что делают немцы? Говорил о немецкой жестокости, о погромах, о немецком рабстве и о том, как немцев ненавидит весь мир. И какая страшная кара ждет несчастную Украину, что пойдет за Гитлером» (с. 75). Через несколько дней он продолжал: «Уже случилось самое страшное, чего я так боялся. На Южном фронте уже есть вместе с немцами украинцы, якобы из добровольческих батальонов. Их расстреливают, конечно, так что и следа от них не останется. Проклятый Гитлер! Сколько же будет расстрелов, сколько слез, сколько толку и потеряет, сколько будет мерзавцам с украинскими псевдонимами, мусору, хламу человечества на

много лет вперед, сколько пищи для мести и уничтожения народа» (с. 89).

Из дневниковых записей Довженко можно понять, что он был хорошо осведомлен об украинском национально-освободительном движении в годы Второй мировой войны. Записи сохранили не один эпизод, связанный с этим. Вот, например, не названный собеседник Довженко рассказал ему о пойманном оуновце: «А он, гадюка,...так и умер крича: «слався Украина». Вот гадина. Сколько я их перемучил!» (с. 344). Более того, он явно имел возможность знакомиться с некоторыми, недоступными другим материалами. Иначе трудно понять, как в начале 1944 г. в его руках оказалась изданная в 1943 г. в Торонто книга А. Девиса о жизни в Канаде украинских эмигрантов. Размышляя над этой книгой, Довженко пишет: «Украинский националистический фанатизм носится по миру, как взбесившийся рой разогнанных пчел, глухих и раздраженных из-за неосуществленного инстинкта. Утраченный ум и потерянная совесть, распроданная на житейских торжищах, застарелая ненависть ко всему миру, и разочарование, и ощущение своей второстепенности неприкаянных отбросов мира, и полная зависимость от малейшего дыхания или колебания международных конъюнктур, переменчивых и изменчивых как марево, образовали в течение четверти века на земном шаре особенную неповторимую фигуру украинского авантюриста — фанатика идеи «суверенной Украины». Сыновья тихих старосветских попов и хлебопашцев в ролях международных шпионов, убитых и обреченных прохвостов — какая потрясающая тема для большого романа или трилогии, для глубокой трагедийной карты, для международного политического романа» (с. 314).

Судя по второй — послевоенной части — дневниковых записей Довженко перед нами совсем другой человек. Это писатель и кинорежиссер, энергично ищущий на украинских стройках коммунизма их героев. В обыденной и тяжелой повседневности строительства Новой Каховки и Днепров-

ского канала он старательно ищет таких героев и пытается тщательно выписать их художественные образы. Читая посвященные им в дневниковых записях тексты, часто очень пространные, можно легко обнаружить их вычурность, неестественность, подчиненность канонам социалистического реализма. И остаешься в неведении о том, насколько искренен в своих записях Довженко. Если он не искренен, то кажется, что свои подлинные мысли и душу в записях для самого себя он «зашифровал» настолько основательно, что читателю, заглянувшему в них спустя десятилетия через документальную публикацию как бы из-за спины автора, просто невозможно понять, где же настоящий Довженко. Если же он искренен, то перед нами предстает человек сталинской эпохи, то ли сломленный ею, то ли являющийся ее едва ли не совершенным продуктом творца советского духовного мира.

И, вчитываясь в строки его дневниковых записей, вольно или невольно приходишь к пониманию того, что это и есть настоящий Довженко. Он именно такой, каким и запечатлел себя в дневниковых записях. К непререкаемым для себя долгие годы авторитетам Ленина и Сталина он добавляет Мао Цзэдуна. Будто безграмотный крестьянин из самой захудалой украинской деревеньки, веривший все советские годы в то, что там, на верхнем уровне государственной власти делается все правильно, а в его самом низшем эшелоне все извращается, интеллектуал Довженко злым гением, Сальери советского кинематографа уверенно и твердо считает почему-то только его формального и многолетнего главу И. Г. Большакова. Он пишет в сентябре 1952 г.: «Одну из самых тяжелых и досадных недоразумений моей жизни: как случилось, что такой великий человек как Сталин, мог позволить, чтобы киноискусство великого и прекрасного Советского Союза возглавлял такой никчемный жалкий человек — духовный карлик... Трусливый и хитрый, злой и мстительный эгоист, который заботится лишь о собствен-

ной шкуре и должности, он сумел медленно дезориентировать даже самого товарища Сталина с помощью преданных ему карьеристов, которые удовлетворяют таким образом свои карьеристские интересы» (с. 549).

В отличие от первой части во второй части дневниковых записей Довженко не страдалец, а счастливый человек. Он спокоен счастьем — не от выпитого спиртного, а от нового видения своей и окружающей его жизни. Это его личное счастье как человека и счастье творческого деятеля — режиссера и писателя — совпадают и подпитываются исключительно величайшими завоеваниями строителей коммунизма. Довженко в ходе творческих командировок живет среди них и активно общается с ними. В его представлении большинство увиденных им людей — строители, шоферы, бригадиры, инженеры — удивительно хороши. Они полны энтузиазма, умны, красивы, верят в свое светлое будущее. Их лица напоминают Довженко то лица Данте и Юлия Цезаря, то портреты картин Микеланджело и Леонардо да Винчи.

Перед нами явно другой Довженко. Тот, первый Довженко военных лет, страшился и скорбил, узнав о создании и применении атомной бомбы. Нельзя будить страшные силы природы, утверждал он, тем более, когда они сознательно нацелены на гибель людей. Послевоенный Довженко — энтузиаст и певец изменения природы. Надо, пишет он, помирить солнце, землю и воду, дотоле враждебные друг другу (?!). Этим будет достигнута гармония будущей жизни.

Читая вторую часть дневниковых записей Довженко, невольно думаешь, что он пытался найти в своем времени новое Возрождение человечества, а себя видел одним из духовных титанов этого Возрождения. Возрождение вообще — это подчинение природы воле человека, это созидание дотоле невиданного мира — так приблизительно размышлял он. Иначе говоря, суть нового мира — в новом отношении людей к природе и новом типе человека. Как будет жить такой новый человек в новом мире Довженко не интересуется.

Можно понять, что в его представлении там благоденствие человека будет обеспечено как бы автоматически — лишь бы человек был хорошим, т.е. честным, верящим в идею, трудолюбивым, организованно подчиненным неким планам переустройства мира, умным и обязательно красивым, кажется, в соответствии со стандартами человеческой красоты, зафиксированным в картинах художников средневекового Возрождения.

И все было бы понятно для нас — перед нами очередная утопия созидания человеческого счастья. На этом и можно было бы закрыть все наши дальнейшие размышления, если бы не одно обстоятельство: в дневниковых записях Довженко периода Великой Отечественной войны он, мягко говоря, предстает перед нами несколько иным человеком.

Во-первых, он преисполнен пониманием значимости высокой миссии художника вообще в судьбах человечества и его ролью в жизни страны как генератора и проводника определенных идей человеческого жизнеустройства.

Во-вторых, он чувствует важность свободы личного творчества и всячески стремится ее реализовать

В-третьих, он не только готов, но и способен отстаивать свое понимание происходящего.

Теперь же мы видим другого Довженко. Его действительный творческий дар явно и стремительно трансформировался в конформизм художника с властью. Но есть разные формы и степени конформизма. Есть конформизм предателя, есть конформизм циника. Довженко выбрал не наихудший из них. Его конформизм основывался на культивируемом самим принципе веры. Сначала он разъедает душу только его носителя, а потом, подобно бациллам болезни, которую условно можно назвать бессовестной, поражает других.

Мы привели всего лишь несколько примеров, показывающих как документальная публикация способствует приращению нового — документального — знания о прошлом. Случайно или нет бывает такое приращение — ответы на

этот вопрос содержится в следующем разделе настоящей главы.

Возмущающие силы документальной публикации. Если крупным планом посмотреть на сущность процессов, определивших то, что в литературе последних лет названо «археографическим взрывом», их можно обозначить не менее чем семью группами факторов: правовые, этические, финансовые, организационные, собственно научные, технологические и политические. Приводим перечень этих факторов в соответствии со своим пониманием степени их значимости в археографической деятельности, а не в соответствии с их реальным воздействием на археографическую практику последних десятилетий.

Пятьдесят лет назад, когда на пространстве всего СССР царствовала моноидеология, вряд ли кто мог серьезно учитывать правовую группу факторов в археографической деятельности. Идеология была выше законов, даже если они были, прямо или косвенно затрагивая процессы подготовки документальных публикаций. Ныне ситуация иная.

Прежде всего современное российское законодательство впервые закрепило за государственными архивами право на подготовку документальных публикаций. Кроме того, архивное законодательство, законодательство об информации достаточно строго и формализованно регулируют вопросы собственности на документы, доступа к ним и их использования. В реальной жизни это создало противоречивую ситуацию в прикладной археографии. С одной стороны, публичность официальной документации государственно-происхождения, исключая документацию, содержащую государственную, иную охраняемую законом тайну, стала правовой нормой. Она была, например, закреплена соответствующим указом Президента РФ Б. Н. Ельцина о рассекречивании документов, послуживших основанием для массовых репрессий в СССР. Указ открыл возможности подготовки документальных публикаций по ранее известным

лишь в полулегальных и нелегальных изданиях трагическим страницам советской истории, наиболее заметной из которых стала публикация «История сталинского ГУЛАГа».

С другой стороны, современное российское законодательство в отношении негосударственных информационных ресурсов, прежде всего документов личного происхождения, изрядно накопленных в российских архивохранилищах, строго и однозначно регулирует отношения в системе собственник – владелец – распорядитель – публикатор таких документов. Каждое из звеньев этой цепочки, исключая последнее звено, волен заявить не только о своих правах, но и о любых условиях реализации этих прав. Более того. Представитель каждого из трех первых звеньев сегодня имеет возможность использовать международное право. Не будем приводить примеры, когда опасность такого применения норм международного права в отношении использования архивных документов могла обойтись России только на оплату адвокатских услуг в кругленькую сумму. Но совершенно очевидно, что публикация очень и очень многих документов из фондов РЗИА (являющегося по нормам международного архивного права безусловной собственностью России) без определенных и сложных процедур согласования авторских прав может стать просто невозможной, поскольку угрожает международными санкциями и неожиданными финансовыми затратами федерального бюджета. Не будем говорить и о еще более серьезных вещах, когда гусарская удалость российских архивистов может обернуться громкими судебными процессами.

Таким образом, правовая группа факторов сегодня и вчера, как ограничивала и тормозила, так и инициировала и подталкивала подготовку документальных публикаций.

Как показано в предшествующей главе, этическая сторона публикаций по новейшей истории – это очень острая проблема, и мы не хотели бы здесь заявлять о своем понимании ее разрешения. Заметим лишь, что в 1996 г. в Пекине на Конгрессе Международного совета архивов был почти

единогласно принят «Этический кодекс архивиста», в котором содержались превосходные положения, но имеющие характер лишь рекомендаций. Россия проголосовала за этот документ. К большому сожалению, в некоторых российских документальных публикациях рекомендательные нормы этого кодекса были проигнорированы.

Есть и еще один аспект этического фактора в археографии. Он связан с правом первой публикации документа. Понятно, что в случаях сложных и трудоемких поисков первооткрыватели документов имеют все – и правовые, и этические – основания для их первого издания. Однако считать себя первооткрывателями документов после их рассекречивания или истечения сроков ограничения на доступ к ним, установленных владельцами, и претендовать на их первую публикацию распорядители таких документов не имеют морального права, несмотря на то что законодательство на этот счет отсутствует. К сожалению, такая практика, существовавшая и в советское время, не изжита до сих пор.

Финансовая группа факторов связана в первую очередь с четырьмя явлениями. Первое – это открывшиеся перед государственными архивами правовые основания постановки вопросов о бюджетном финансировании археографических проектов. Второе – прямая зависимость археографических проектов от их непосредственного, целевого финансирования. Третье – это отчетливо обозначившееся многоканальное финансирование археографических проектов. И четвертое – кооперирование финансовых ресурсов с зарубежными партнерами. На наш взгляд, все эти явления носят позитивный характер, обеспечивая современное устойчивое развитие прикладной археографии в России.

Известные данные о числе документальных публикаций, осуществленных в России на 2005 г.⁵, позволяют сделать вы-

⁵ Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XIX века из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985-1995 гг.). М., 1997; Открытый архив-2.

вод о том, что точечность и многоканальность финансирования этой работы оправдали себя и за последние годы сыграли позитивную роль в археографической деятельности в нашей стране.

Среди организационной группы факторов несомненно самым заметным явлением стало возникновение новых археографических центров на базе государственных архивов, издательств, журналов, общественных объединений. И это нельзя не приветствовать, особенно когда видишь возрождение журналов и альманахов, целиком занимающихся изданием архивных документов, например, «Исторический архив» или «Российский архив».

Второй особенностью современной организации подготовки документальных публикаций стал их межведомственный характер. В советские времена такие публикации были редки, ограничиваясь треугольником: Главархив СССР – МИД СССР – Минкульт СССР. Ныне межведомственный принцип подготовки документальных публикаций, если и не стал правилом, то достаточно четко обозначился как устойчивая тенденция. Публикации «Атомный проект СССР»⁶, «Трагедия советской деревни»⁷, «История сталинского ГУЛАГа»⁸ смогли состояться как серьезные научные про-

Справочник сборников документов, вышедших в свет в отечественных издательствах в 1917-2000 гг. М., 2005.

⁶ Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. 1: 1938-1945. Ч. 1-2. М., 1998; Т. 2: Атомная бомба: 1945-1954. Кн. 1-7. Саров; М., 1999-2007; Т.3: Водородная бомба: 1945-1956. Кн. 1. Саров; М., 2008. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. Т. 1-6. М., 1999-2006.

⁸ История сталинского ГУЛАГа: Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов: Собрание документов в семи томах. Т.1: Массовые репрессии в СССР. М., 2004; Т. 2: Карательная система: структура и кадры. М., 2004; Т. 3: Экономика Гулага. М., 2004; Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания. М., 2004; Т. 5: Спешпереселенцы в СССР. М., 2004; Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных. М.,

екты на основе привлечения документов не только из государственных архивов, но и из ранее закрытых документных систем разных ведомств-депозитариев, в первую очередь Архива Президента РФ, ФСБ РФ, Минатома РФ, Службы внешней разведки. Тем самым появилась возможность более широко и объемно отражать в документальной публикации факты, события, явления и процессы прошлого.

Третья особенность организационной подготовки документальных публикаций последних лет связана с увеличением числа трансграничных публикаций, т. е. изданий, готовящихся интернациональными коллективами составителей в рамках софинансирования, а самое главное – базирующихся на документах архивов разных стран – участников проектов.

Как научное предприятие подготовка документальной публикации так или иначе связана с актуальностью ее модели и, прежде всего, с актуальностью ее темы. В общественном сознании актуальность – это важность, значимость чего-либо для решения конкретной проблемы, вопроса, задачи, признаваемых необходимыми государству, обществу, человеку. В этом смысле актуальность любой документальной публикации времени ее создания можно рассматривать с точки зрения ее полезности и значимости для решения практических задач, в качестве одного из инструментов политической борьбы и формирования определенной идеологии и как ответ на актуальные задачи познания прошлого.

Практическая полезность актуальной документальной публикации выражается в ее оперативном характере. Например, публикации правил дорожного движения, пользования общественным транспортом, земель, всевозможных инструкций и т. д., часто с комментариями, есть ничто иное как необходимое условие обеспечения их публичности, необходимой для нормального функционирования соответст-

2004; Т. 7: Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах ГАРФ. М., 2005.

вующей сферы человеческой жизнедеятельности. И хотя на обеспечение такой публичности юридические лица не всегда идут охотно, все же она является фундаментальной основой функционирования государства и общества, а также осознанного участия в этом процессе человека. Таким образом, практическая потребность в обнародовании документов является первой возмущающей силой актуализации документальных публикаций.

Намного сложнее обстоит дело, когда речь идет о других случаях актуализации документальных публикаций, т. е. когда такие публикации носят неоперативный характер и связаны с обнародованием документов, утративших свое оперативное практическое значение, и касаются давнего и недавнего прошлого.

Для познания прошлого характерен своеобразный «эффект забывания». Он проявляется не менее чем в двух плоскостях. Первая плоскость — это «естественное забывание», когда важный исторический факт, событие, явление, процесс забывается естественно или в силу их сложности, особенно, когда речь идет об исторических явлениях и процессах просто не обнаруживающихся, требующих специальных методик их выявления и анализа. Примером «естественного забывания» является случай с Куликовской битвой. По существу до 1814 г. о ней просто не знали по большому счету. Статья будущего декабриста С. Д. Нечаева, владельца земли на Куликовом поле, собравшего многочисленное вооружение на нем, и сравнившего свои археологические находки пока еще только с летописными сообщениями, стала своеобразной исторической сенсацией для образованной публики России. Она была опубликована в популярном московском журнале «Вестник Европы» и красноречиво называлась «История деревня должна принадлежать истории». К этому времени карамзинские строки об этой битве были уже написаны в «Истории государства Российского» и опубликованы в 1818 г. Рассказ о Куликовской битве основывался здесь на

новых, впервые вводимых документальных источниках. Он и преодолел вслед за Нечаевым «эффект забывания». Именно после этого началось общественное движение за увековечение памяти об этой битве.

Вторая плоскость «забывания» прошлого связана с сознательными действиями политических сил по созданию условий для такого «забывания». Духовная и светская цензура в России вплоть до Карамзина не только не позволяла появиться в печати каких-либо работ о тирании Ивана Грозного, но и не допускала публикацию источников об этом. Карамзин сумел преодолеть цензурные препятствия благодаря договоренности с Александром I, который и дал «добро» на издание IX тома «Истории» с повествованием о царствовании Ивана Грозного. Ошеломляющее впечатление, произведенное карамзинским повествованием на современников, хорошо известно. Еще один пример. Те, кто учились в советской средней и высшей школе и даже преподавали в ней, лишь невнятно могли что-то вспомнить и даже сказать о Коминтерне, политических процессах в СССР 20-х – 30-х годов, советской политической истории после смерти Сталина, не говоря уже о пакте Молотова-Риббентропа и многом, многом другом. Все было обозначено некими пунктирами, покрытыми к тому же дымкой неопределенностей.

«Эффект забывания» прошлого, продиктованный естественными или политическими и идеологическими причинами, был и остается характерным не только для СССР, России. Он интернационален и касается как частных случаев прошлого, так и серьезных исторических проблем. Например, во Франции, кажется, только сейчас намереваются открыть такие страницы ее истории в годы Второй мировой войны как коллаборационизм и деятельность государства Виши, а про документы о войне в Алжире только размышляют.

Можно продолжать до бесконечности приводить примеры «естественного» и «не естественного» «забывания» прошлого, происходившего и происходящего не только в

России, но и в других странах. Применительно же к теме настоящей главы важно отметить, что второй возмущающей силой, актуализирующей проблематику исторических исследований и направленной в первую очередь на преодоление «забвения», является общественное мнение и его давление на власть и историческую науку. Например, в период перестройки оно было выдающимся, противоречивым и в целом результативным. В апреле 1987 г. в Кремле, в тогда обезображенном, обитом мрачными сталинскими коричневыми панелями Георгиевском зале, приспособленном для заседаний пленумов ЦК КПСС, состоялось очередное и, как показало время, последнее совещание представителей общественных наук и заведующих кафедрами обществоведческих дисциплин вузов. Главный доклад на тему, приблизительно звучавшую как «Перестройка и задача общественных наук», делал тогдашний секретарь ЦК КПСС по идеологии Зиминин. Его солидарно дополнял Е. К. Лигачев в своих комментариях. Зато М. С. Горбачев своей отстраненностью от происходящего явно демонстрировал присутствующим, что ему совсем не нравится эта советская гуманитарная ассамблея.

Зал почувствовал этот разлад почти физически. Он искал и нашел корень всех недостатков гуманитарных исследований в ограничении доступа к архивам и к закрытым спецхранам библиотек. На том самом совещании Лигачев, реагируя на пожелания обществоведов, призвал руководство Главархива СССР проанализировать ситуацию с доступом к архивным документам и принять, цитируем, «разумное и взвешенное решение». Специально созданная и тайно работавшая комиссия по рассекречиванию под руководством академика-секретаря Отделения истории АН СССР С. Л. Тихвинского за два последующих года рассекретила около 800 тысяч дел⁹. Так что архивная революция началась

⁹ Подробнее см.: Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. М., 2017. С. 300-301.

не в 1991 г., как обычно считают, а тремя годами раньше. И она была результатом общественного давления.

Общественное давление в сочетании с процессами рассекречивания дали сильнейший толчок новой тематике исторических исследований и документальных публикаций. Прежде всего возродилось изучение того, что было погашено в середине 60-х годов прошлого века — изучение карательной, репрессивной политики советского государства. Миллионы читателей газет «Аргументы и факты», «Московских новостей» следили за выходом их очередных номеров, в которых на основе рассекреченных документов ЦГАОРа СССР публиковались документы о статистике и механизмах репрессий. Вскоре замелькали статьи и документальные публикации о судьбах церкви в советское время, появилась книга о Рыкове, заговорили о политической и экономической программах Н. И. Бухарина, начали издаваться переводы книг о российской истории зарубежных ученых — Р. Пайпса, Биллингтона, С. Козна. Несмело, осторожно, затем все более и более открыто заговорили о небольшевицких партиях в России и их судьбе — поначалу о меньшевиках, потом эсерах, затем кадетов и монархистов. Именно в это время начал разрабатываться многотомный документальный проект «Небольшевистские партии в России»¹⁰, позже в 2003 г. получивший Государственную премию Российской Федерации в области науки и техники. Этот проект возник в середине перестройки как естественная рефлексия на все более и более обозначавшийся политический плюрализм в жизни СССР. В этих условиях важно было показать, что политическое многоголосие в перестроечной российской истории имело свои истоки в конце XIX — начале XX вв., затем уничтоженное силой большевиками. Важно было напомнить с документами в руках, что в России суще-

¹⁰ Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века: Документальное наследие. [Т. 1-38]. М., 1996-2003.

ствовали мощные альтернативы большевизму. И этот проект был успешно реализован. Начали появляться статьи и даже книги о И. В. Сталине, заговорили о двухлетней предсмертной болезни В. И. Ленина с соответствующим документальным сопровождением.

Однако не только в этом выразилось общественное давление. Разумеется, закрытые архивы — это одно из ключевых звеньев «забвения» исторической памяти. Но куда важнее общественное давление как сам по себе независимый фактор свободного от государственного, тем более от временно воплощающего конкретным властным сообществом, интереса России. Общественное давление на власть и историческую науку в период перестройки оказалось настолько многовекторным и политически ангажированным ее различными течениями, что рождало ответную реакцию историков, имевших за собой школу «чистой» исторической науки, придерживавшихся и разделявших точку зрения о ее саморазвитии. Отбрасывая радикализм Афанасьева, не принимая торопливую страсть быть знаменитым Д.А. Волкогонова, с сочувствием, но и снисходительно относясь к некоторым «шестидесятникам», искавшим ошибки в сталинских отступлениях от марксистско-ленинской модели строительства социализма, эта группа историков сделала упор на изучении документальных исторических источников.

Тут очень важно не забывать личность ученого, которая не только реагирует на общественное мнение, но и сама по возможности его формирует. Нам пришлось быть свидетелем и второстепенным участником одного из таких научных документальных проектов, в котором личность его инициатора и организатора определила успешный результат.

Проект «Трагедия советской деревни» был связан с документальным освещением коллективизации в СССР. Его инициатором и душой был Виктор Петрович Данилов, ныне покойный. Глядя на этого человека, внешне застенчивого, спотыкающегося на словах, трудно было представить, что

он сможет объединить более 50 ученых России, Канады, Южной Кореи, Японии в рамках подготовки задуманной многотомной публикации. Но это произошло и ныне фундаментальный шеститомник стоит на полках библиотек.

Можно сказать, что после 1991 г. общественное давление окончательно расчистило дорогу новой проблематике исторических исследований, которая становилась все более и более разнообразной и плюралистической по своим концептуальным подходам. Любопытно, что наряду с представителями академической и вузовской исторической науки громко заявили после этого ученые-одиночки и не только живущие в Москве и Санкт-Петербурге, но и в регионах¹¹.

Следующим фактором, актуализирующем историческую проблематику и темы документальных публикаций, является сознательная политизация прошлого в угоду политическим интересам правящих сил в той или иной стране. Эти интересы могут носить самый разнообразный характер, направлены на достижение как внутренних, так и внешнеполитических целей. Примечательно, что для этого создаются специальные государственные или полугосударственные институты. Например, в Польше и на Украине ими являются институты национальной памяти, во Франции и Германии – советы и комиссии при президенте и канцлере соответственно. С ними корреспондируются музеи определенной тематической направленности, например, музеи оккупации в бывших прибалтийских республиках СССР. Такие структуры хорошо финансируются, они даже принимают попытки подчинения себе архивов бывших си-

¹¹ См., например, прекрасные документальные публикации, подготовленные тамбовскими историками и архивистами: Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1919-1920 гг.: «Антоновщина». Тамбов, 1994; Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917-1918. Документы и материалы. М., 2003; Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 1. Тамбов, 2006; Т. 2. Тамбов, 2008.

ловых структур, причем, в Польше вполне предметно и успешно. В ряде стран, например, во Франции и на Украине политическая трактовка определенных событий закреплена на законодательном уровне. Политизированные трактовки прошлого порождают ответную реакцию, актуализируя ту или иную историческую проблематику. Историографическая картина последних десятилетий позволяет говорить о двух формах такой реакции.

Первая форма — историко-политологическая или контр-пропагандистская. В ее основе лежит стремление в публицистически заостренном виде показать неадекватность, политическую заданность трактовки того или иного события, явления, процесса. В России в настоящее время действует несколько структур, специализирующихся на политологических, контр-пропагандистских исследованиях и мероприятиях. Среди всех их стоит выделить прежде всего «Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память». Он издает популярные брошюры, готовит документальные публикации, проводит конференции.

Вторая форма реакции на политизацию истории — это актуализация собственно научных исследований политизированной проблематики. Как говорится, нет худа без добра, но именно политизация иногда актуализирует ранее считавшуюся второстепенной историческую проблематику.

Приведем несколько примеров, подтверждающих высказанное соображение. Одним из сильнейших раздражителей во взаимоотношениях российских и украинских историков в последние годы была проблема т.н. «голодомора на Украине». Смысл проблемы в трактовке некоторых украинских политиков и историков заключается в том, что на общем фоне голода в СССР в конце 20 — начале 30-х годов сталинское руководство специально сделало все, чтобы голод на Украине стал особенно жестоким. В результате голод на Украине стал трактоваться как геноцид, т. е. целенаправленное уничтожение украинского народа. Такая трактовка, восходящая

к политической борьбе с СССР первой волны украинских эмигрантов, оказалась очень привлекательной не только для сторонников тогдашнего президента Украины Ющенко, но и для представителей определенных политических сил Европы. Своими действиями они довели дело почти до осуждения голодомора как геноцида на Совете Европы.

О голоде в СССР сохранился огромный массив документов как в России, так и в бывших республиках СССР, включая Украину. Следует признать, что к началу XXI в. украинские историки в его освоении продвинулись дальше, чем, скажем, российские. Используя многие документы высшего партийного и государственного руководства СССР, изданные в России или ставшие доступными в российских архивах, они основной упор сделали на изучении украинских архивов. И сделали очень много. Но, кажется, одновременно они стали заложниками такой изоляционистской методологии. Украина была вырвана из общесоюзного контекста событий в СССР в конце 20-х - начале 30-х годов XX в. Такая методология исторических исследований и сопровождавших или предшествующих им документальных публикаций на Украине похожа на взгляд на мир через объектив фотоаппарата — он покажет реальную картинку, но только в пределах разрешающих параметров объектива.

Приблизительно до 2005 г. российские историки и архивисты рассматривали проблему голода в СССР как часть более глобальных проблем истории советского общества. Поэтому после 1991 г. свои усилия они сосредоточили на документальном освещении истории коллективизации в СССР, на изучении репрессивных механизмов советской власти — отсюда 7 изданных томов документальной публикации «История сталинского ГУЛАГа», на политических процессах 20 — 30-х годов. Эти и другие абсолютно академические издания готовились совместно с зарубежными научными организациями, авторитетными специалистами в области советской истории, в том числе аграрной. Отри-

цательные рецензии в профессиональной печати на такие документальные публикации неизвестны.

Однако политизация проблемы голода в СССР и ее канализация на Украине в рамки геноцида даже не народов Украины, а в первую очередь украинцев, заставила приступить к масштабной работе по выявлению в архивах России, Казахстана и Беларуси документов, связанных с этой трагической страницей советской и, разумеется, и украинской, и белорусской, и казахской историей, и историей других республик бывшего СССР. Выявлением документов в России были охвачены не только федеральные и ведомственные архивы федерального уровня, но и региональные архивы, вплоть до архивов загсов. Такое выявление сопровождалось рассекречиванием документов.

Абсолютно весь массив документов, включенных в документальную публикацию «Голод в СССР», свидетельствует о том, что главным врагом советской власти в то время был враг не по этническому признаку, а по признаку классовому. Кулак и «кулацкие элементы» - враги, колеблющийся середняк - тоже враг, сопротивляющийся фактической продразверстке, а то и вовсе дань поборам, бедняк - это подкулачник, т. е. опять же враг. А недовольство рабочих в городах - это, разумеется, происки контр-революционных элементов, купленных зарубежной разведкой. И после XIV и XV съездов ВКП(б) было бы странно полагать наличие каких-то иных, в том числе тайных, причин голода в СССР. Через несколько лет после обсуждаемых событий в «Кратком курсе истории ВКП(б)» этот классовый принцип деятельности советской власти был подтвержден и закреплён стальной идеологической конструкцией.

Не стоит упрощать историю голода в СССР, сводя его только, пусть даже в отдельном регионе, к уничтожению какого-либо народа. Такой подход неизбежно камуфлирует саму коммунистическую идеологию и методологию организации жизни в тогдашнем СССР в их сталинском представ-

лении. И в ее понимании сегодня важно осознать, что марксистское учение о мире, обществе и человеке, обретя советское обличье, по крайней мере тогда, в начале 30-х годов, не имело ни государственных, ни этнических, ни каких-либо иных границ, кроме классовых.

Трехтомная публикация «Голод в СССР», таким образом, стала научным ответом на политизацию этой проблемы на Украине, раскрыв причины, размах и последствия голода в СССР. Она нейтрализовала его политизированную трактовку на Украине и предоставила в распоряжение общественности документальные свидетельства об истинной картине событий в стране.

Другой пример политизации истории со стороны опять же украинских политиков и историков связан с деятельностью на территории СССР в предвоенные, военные и послевоенные годы Украинской национальной армии (УНА) – Украинского национального союза (УНСО). Ожесточенная многолетняя борьба, которую вела советская власть с украинскими националистами была неизвестна ее современникам. Тем более она оставалась terra incognita для советской исторической науки – не стоило сыпать соль на раны многовековой дружбы народов России и Украины. Запретный плод, подогретый на сковороде политической кухни Украины, привел к исследованиям и документальным публикациям, героизирующим деятельность УНА-УНСО. Сложный состав, противоречивые программы этого движения, в котором переплелись идеи национально-освободительные и национал-социализма, бандитизм и зарубежное вмешательство во внутренние дела СССР, оказались замазанными. В очередной раз были срочно открыты российские архивы, чтобы картина этого движения в специальной документальной публикации¹² стала выпуклой, всесторонней и далекой от героизации. В очередной раз

¹² Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: Документы. В 2 т. Т. 1: 1939–1943. М., 2012; Т. 2: 1944–1945. М., 2002.

политизация проблемы привела к актуализации ее изучения в рамках общепризнанных научных методов.

Политическая возмущающая сила оказала свое воздействие и при изучении истории взаимоотношений России и Польши. Однако здесь ее воздействие носило более сложный характер. Истоки всего скрывались в проблеме Катыни — расстреле НКВД СССР в 1940 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) более 20 тысяч польских граждан. Соккрытие и прямая фальсификация СССР этого преступления составляли главный нерв отношений СССР и Польши. В годы перестройки давление польской общественности и польских политиков на команду Горбачева резко усилилось. Горбачев медлил с обнародованием главных документов об этом преступлении, хранившихся в особом пакете в архиве Политбюро ЦК КПСС. Зато советские историки Ю. Н. Зоря и Н. С. Лебедева оказались энергичными. В самом деле, более двадцати тысяч военнопленных — это не иголка в стоге сена. Их как-то перевозили, их охраняли. Так в поле зрения ученых попали документы конвойных войск НКВД. И все стало ясно, ибо они указывали три места концентрации пленных поляков, в том числе и под Катынью.

Однако оставались неизвестными главные — директивно-распорядительные документы, санкционировавшие преступление. В отличие от Горбачева, до последнего державшегося за КПСС, Б. Н. Ельцин не имел уже перед партией каких-либо обязательств. В 1992 г. в условиях разворачивавшегося в Конституционном суде процесса по «делу КПСС» он принимает политическое решение: рассекретить документы Политбюро о расстреле польских военнопленных. Все это дало мощный толчок изучению проблемы Катыни, в конце концов завершившемуся не только выходом многочисленных исследований, но и серией документальных публикаций¹³.

¹³ Katyn: Dokumentu zbrodni. T. 1-3. Warszawa, 1995-2001; Катынь. Пленники необъявленной войны. М., 1999.

Увы, на этом актуализация проблематики, связанной с взаимоотношениями России-СССР и Польши в XX в., не закончилась. Документальное освещение темы Катыни вызвало постановку каскада новых проблем прошлого. Тогдашний президент Польши Лех Валенса в благодарственном письме на имя Ельцина за открытие документов о Катыни потребовал от России новых шагов в публикации документов, например, о позиции СССР относительно Варшавского восстания, когда советские войска, стоя на противоположном от Варшавы берегу Вислы, не пошли на помощь восставшим. Тут встрепенулась российская дипломатия, требуя, например, польские документы о предвоенной внешней политике Польши. Применительно к теме настоящей главы важно отметить, что тема Катыни поставила проблему объяснения жестокого решения сталинского руководства в 1940 г. в отношении пленных польских офицеров. Определенные политические силы России заявили, что это была расплата за 170 тысяч красноармейцев, погибших в польском плену в 1920–1922 гг. Так была актуализирована еще одна страница совместной российско-польской истории. Проведенное по поручению Правительства Российской Федерации под эгидой Росархива документальное исследование с участием ученых-историков МГУ, РАН, польских историков и архивистов показало, что в польском плену преимущественно от болезней погибло около 17 тысяч красноармейцев. Побудительные причины расстрела польских пленных в 1940 г., таким образом, по-прежнему остаются проблемным вопросом. Чуть позже результаты этого исследования были подкреплены совместной российско-польской документальной публикацией «Красноармейцы в польском плену»¹⁴.

Силу воздействия политического фактора на замысел подготовки документальной публикации трудно измерить,

¹⁴ Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов. М., 2004.

можно только сопоставить с другими, уже названными выше. Это сопоставление, безусловно, субъективное, позволяет предположить, что в академических по замыслу документальных публикациях политический фактор проявлял себя не как желание разоблачить или оправдать все и вся, случившееся с нашей страной в XX в., а как стремление постигнуть «правду прошлого». Приблизительно в первые пять лет после распада СССР радикализм отрицания советского прошлого и идеализация истории предшествующего ему десятилетия, нашли свое отражение во многих документальных публикациях той поры. Но даже и в это время в публичных и непубличных дискуссиях обсуждались и решались, возможно, даже излишне строго, вопросы научной публикации исторических источников по истории XX в. Отголоском этих дискуссий стало документальное издание «Политбюро ЦК ВКП(б) и церковь»¹⁵.

Пережитые страной катаклизмы порубежья XX–XXI в. породили в бесцензурной России невиданный дотоле всплеск мемуарного творчества, особенно лиц, связанных с новейшей историей, занимавших важные государственные, партийные и иные должности. Историк может этому только радоваться: непримиримые трактовки мемуаристами одних и тех же событий все же более перспективны для их изучения, нежели приглашенные под общий идеологический канон воспоминания советского времени. Кроме того, будет нелишним заметить, что в мемуаристике XX в. появилось важное явление – воспоминания так называемых «рядовых людей», интересные не только своей явной по сравнению с XIX в. массовостью, но и «заурядностью» освещения событий прошлого.

Мемуары В. А. Медведева¹⁶ – это сдержанный рассказ бывшего высокопоставленного политика о событиях, кото-

¹⁵ Политбюро и церковь: 1922–1925 гг. Новосибирск: М., 1997.

¹⁶ Медведев Вадим. В команде Горбачева: Взгляд изнутри. М., 1994.

Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

рые он наблюдал и в которых участвовал. Рассказ совершенно неангажированный чем-либо, кроме одного — убежденности в необходимости перестройки на провозглашенных началах, осознания совершенных ошибок, своей личной причастности вместе с «командой Горбачева» к «мощному импульсу перемен» для будущего возрождения России (с. 231). По существу это краткий, в основном обзор политической истории СССР с минимальным количеством авторских отступлений от избранного ракурса освещения и с попытками акцентированной оценки тех или иных событий, например, решений XXVII съезда КПСС, Беловежских соглашений и т. д. Каждый раз, давая такие оценки, автор склонен к определенным политологическим обобщениям, рассматривая «правильность» или ошибочность решений по «обновлению», а не кардинальному переустройству советского общества. Вместе с тем, в это мемуарное полотно повествования, как правило удачно, включены тексты документов, зарисовки-воспоминания о заседаниях Политбюро ЦК КПСС, рассказы об обстоятельствах подготовки партийных документов, личной судьбе автора как партийного, государственного деятеля, педагога. Автор рассказывает о внутривнутриполитической расстановке сил при принятии того или иного партийного или государственного решения, обрамляя свои рассказы скухими, но подчас знаковыми деталями.

Внутренняя сдержанность этого мемуарного повествования редко, но все же прорывается авторскими комментариями в отношении того или иного события. Так, например, как очевидец, Мелведев описывает последний день пребывания Горбачева в своем кремлевском кабинете 27 декабря 1991 г.: «Ранним утром в аппарат Горбачева сообщили, что Ельцин в 8.30 начнет свою работу в этом кабинете. У Горбачева на утро была намечена беседа с японскими журналистами, предусматривались и другие встречи, да и кабинет не был еще полностью освобожден. Пришлось ему встречаться

с иностранцами в другом месте, а оставшиеся в кабинете вещи перебазировать в комнату охраны.

Рассказывают, что новый хозяин кабинета прибыл туда в девятом часу, встретился в течение короткого времени с несколькими людьми, поднял тост со своими ближайшими сподвижниками и уехал в другое место. Спрашивается, для чего нужна была вся эта унижительная концовка?» (с. 132–133).

Из того же круга соратников Горбачева вышли мемуары-размышления одного из его советников и помощников Г. Шахназарова — «Цена свободы»¹⁷. Методологию их написания как мемуаров-размышлений автор в предисловии формулирует следующим образом: «Сочетание свидетельств очевидца и логического анализа событий и предлагается читателю в этой книге» (с. 4). Первая, событийно-фактическая, сторона мемуаров, подчеркивающая их источниковое значение, охарактеризована самим Шахназаровым в предисловии с исчерпывающей полнотой и привлекательной для историков ценностью: «Отныне (с февраля 1988 г. — В. К.) я буду присутствовать на заседаниях Политбюро, а затем Президентского совета, Совета Федерации, Госсовета. Записывать беседы Горбачева с руководителями многих государств и сопровождать его во многих зарубежных поездках. Участвовать в жарких спорах в кабинетах на Старой площади и в Кремле, в загородных особняках Волынского и Ново-Огарева. Принимать «ходоков» из народа, выслушивать похвалы, сетования и просьбы служивых людей. Вести неофициальные переговоры с представителями различных партий и движений. Заступаться за просителей из творческой среды — ученой и писательской братии. Организовывать коллективы юристов, которым вменяется разработка проектов реформ. Растирать прессе смысл политических инициатив

¹⁷ Шахназаров Георгий. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. Далее ссылки на это издание даются в тексте настоящей главы.

Генсека, Председателя Верховного Совета, а затем первого и последнего Президента Советского Союза. И главное — писать. Доклады, речи, статьи, тезисы к дискуссиям, проекты указов и законов, записки, и Бог ведает, что еще» (с. 5).

Автор называет свои мемуары-размышления «триптихом», поскольку первая часть содержит «повествование о событиях, свидетелем которых мне довелось быть, об их подоплеке»; вторая — публикация документов, написанных Шахназаровым для Горбачева в 1988—1991 гг.; и третья содержит «попытку сделать теоретические выводы из прошедшего и предложить обновленную концепцию общественного развития» (с. 5).

И действительно, первая часть «триптиха» книги Шахназарова, представляющая собственно мемуары, выдержана им в классическом жанре мемуаров-размышлений. Во-первых, в ней присутствует хроника основных событий, случившихся в СССР и на международной арене в 1988—1991 годах (и даже имеются «ответвления» в историю СССР 60—70-х годов сквозь призму личного восприятия событий того времени автором). Во-вторых, в описание этих общеизвестных событий включены многочисленные, остававшиеся за «кулисами» факты. Они делают особо привлекательными мемуары Шахназарова, раскрывающие «кухню» политики команды Горбачева в тех или иных обстоятельствах, при том или ином событии. В этих двух частях мемуары Шахназарова напоминают мемуары Медведева, хотя и явно превосходят их по числу приводимых фактов непубличных действий Горбачева и его команды.

И, разумеется, осторожным мемуарам Медведева далеко до третьего пласта мемуаров его соратника — размышлений о случившихся событиях и их оценок. Медведев скован в поисках формулировок, он словно бы пишет своего рода «краткий курс» истории СССР периода Горбачева, оттачивая свои формулировки и иногда превращая их в словесную пыль. Шахназаров свободен в своих оценках и хотя здесь, по

определению, не может быть никакого «логического анализа», он стремится обнаружить в них некую логику развития, некую причинно-следственную связь. Именно здесь открывается разность жанров, разность типов мемуаров двух соратников Горбачева.

Первый мемуарист ищет формулу описания и оценки. Второй мемуарист пытается найти объяснение, причину и понимание события часто используя для этого широкий исторический контекст. Это и есть размышление – очень даже кому-то могущее показаться неверным или спорным, но состоявшееся размышление. Для источниковеда именно по этой причине, помимо фактической стороны мемуаров-размышлений, этот подтип или жанр мемуаров представляет интерес. Он отражает некую позицию в оценке произошедшего их участников, позицию не откровенного оправдания или обвинения кого-либо, а скорее, пусть ангажированную попытку осмысления произошедших событий. И в этом смысле мемуары-размышления всегда были и будут стоять у истоков историографии, т. е. научного изучения прошлого.

Для понимания возмущающих сил издания мемуаров-оправданий важно заметить, что некоторые из них, во-первых, относятся к недавнему времени, во-вторых, написаны людьми, приблизительно одинакового общественно-политического положения, и в-третьих, оказавшихся в конце концов в разных политических лагерях. Воспоминания-оправдания Н. И. Рыжкова¹⁸ и А. Н. Яковлева¹⁹, как кажется, полностью соответствуют этим признакам. Оба были в одно время членами Политбюро ЦК КПСС, оба стали накануне и после распада СССР политическими противниками – первый в рядах компартии России в качестве одного из ее представителей в Государственной Думе, второй – в рядах слабо организованной либеральной интеллигенции, занимая тем не

¹⁸ Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. М., 2007.

¹⁹ Яковлев Александр. Омут памяти. М., 2000.

менее официальный и высокий пост Председателя Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий в Администрации Президента РФ. Символично, что и их мемуары-оправдания появились публично всего лишь с разницей в несколько лет.

Политическая возмущающая сила характерна и для обнародования в последние десятилетия воспоминаний-обличений. Это – самая простая и доступная разновидность мемуаров. В России в принципе ее корни уходят в полемику между Иваном Грозным и Курбским, несмотря на то, что внешне она была облечена в эпистолярную форму – и тот и другой в отстаивании своих позиций многое «вспоминали» и на основании этих «воспоминаний» обличали друг друга. Потом появился Г. Котошихин с его сочинением «О России в царствование Алексея Михайловича», затем – князь М.М. Щербатов и, наконец, «Былое и думы» А. И. Герцена. После Герцена жанр мемуаров-обличений стал стремительно мельчать, вернее, перерождаться в публицистику, где рассказ о событиях, фактах, явлениях прошлого сквозь призму личного их понимания, стал подменяться публицистическими рассуждениями, в которых факты, события, явления прошлого, пережитые мемуаристами, становились лишь иллюстрациями к их общим рассуждениям. То были уже не мемуары-обличения, а всего лишь публицистические сочинения.

Тем не менее на фоне явного угасания, вернее, перерождения воспоминаний-обличений, в определенные мгновения истории, мгновения особо острого политического противоборства и персонального разлада, возникали своего рода классические произведения воспоминаний-обличений.

Одним из ярких примеров такого рода документов можно считать мемуары А. Коржакова «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие»²⁰. Человек, находившийся в

²⁰ Коржаков Александр. Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие. М., 2004.

близком окружении первого президента России сначала в качестве личного телохранителя, затем руководителя Службы безопасности президента и параллельно – негласного советника и могущественного закулисного распорядителя государственными делами, он в 1996 г. в результате политических интриг проиграл и оказался в опале. Коржаков, чтобы восстановить свой политический вес или хотя бы остаться в сфере политики, принял трудное и в то время даже опасное для него решение – рассказать об околосмоленских и смоленских делах на фоне политической карьеры Ельцина и крупнейших внутриполитических и внешнеполитических событий в истории страны и мира в 1987–1996 гг.

В ряду произведений, вышедших из числа членов команды Горбачева, оказался и дневник А.С. Черняева²¹, многолетнего высокопоставленного партийного функционера, заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС, затем помощника Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР М. С. Горбачева.

Политическая возмущающая сила актуализации исторических исследований и документальных публикаций иногда приобретает особые формы. Наиболее яркая и агрессивная из них связана с откровенной фальсификацией документальных исторических источников, вносящая своеобразную асимметрию в точное знание о прошлом, приводящая к разбалансировке этого знания. Такая фальсификация достигает подчас небывалой высоты и остроты, часто приобретает черты сенсационности.

До сравнительно недавнего времени мы знали о публикациях сфальсифицированных документальных источников в XVIII – начале XX веков. Это были, например, публикации трех фальшивых завещаний Петра I, «завещания» императрицы Елизаветы Петровны, «дневника» А. Вырубовой,

²¹ Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2010.

«письма» В.И. Ленина к неизвестному другу 1921 г. о своих политических настроениях, фальшивое донесение одного из руководителей Департамента полиции 1912 г. о, якобы, сотрудничестве Сталина с царской охранкой, «Влесова книга» и др.²²

Все эти и другие публикации фальсифицированных документальных источников давно известны и разоблачены. Однако археографическая практика последних лет показывает, такого рода документальные публикации не канули в Лету.

Публикация «Личного дневника» Л. П. Берии в трех книгах²³, казалось, должна была бы стать сенсационным событием в документальном освещении значительной части истории СССР сталинской эпохи. Предваряя публикацию этого документа, его издатель сообщает: «История этой книги началась необычно – как в кино». В самом деле, оказывается, один из ближайших соратников И. В. Сталина вел на протяжении 1937–1953 гг. дневник, называя его «дружком». Ему он доверял не только свои сугубо личные размышления, но и записи о крупнейших событиях истории СССР, обсуждении и принятии важнейших политических решений, определивших в то время советскую историю, и даже наивысшую тогда государственную тайну страны – создание атомной бомбы.

Однако источниковедческий анализ показал фальсифицированный характер этого опубликованного документа²⁴. Оказалось, что «Личный дневник» Берии представляет собой компиляцию трех пластов информации: 1) документаль-

²² Подробнее см.: Козлов В. П. Тайны документальных фальсификаций или Обманутая, но торжествующая Клио. Анализ подделок документальных исторических источников по истории России в XVIII – начале XXI века. М., 2015.

²³ Берия Лаврентий. Личный дневник 1937-1941. Т.1-3. М., 2011.

²⁴ Козлов В. П. Реабилитация подлогом – «как в кино» // Родина. 2012. № 2. С. 21-24.

ных свидетельств подлинных и достоверных документальных исторических источников, в том числе документальных публикаций т.н. «тетрадей» записей посетителей кабинета И. В. Сталина²⁵, «Органы государственной безопасности СССР»²⁶; 2) документальных свидетельств, представляющих собой попытку фальсификатора реконструировать некоторые события, невнятно, а то и вовсе не отраженных в подлинных и достоверных документальных исторических источниках, т. е. создать некую гипотетическую модель действительно произошедшего прошлого, которой фальсификатор придает достоверность, облекая ее в записи бериевского «дневника», и 3) полностью сфальсифицированные записи, касающиеся, якобы, бериевских оценок происходящего, его намерений, действий, черт характера. Первый пласт информации, в части, прежде всего касающейся хронологии записей «Личного дневника» Берии, имеет стопроцентное соответствие с действительно произошедшим. Второй пласт — реконструкционный — может быть принят во внимание, особенно в очевидных случаях, как некое свидетельство творческих потуг фальсификатора восстановить тот или иной факт, событие, явление прошлого на основе подлинных, в большей части опубликованных документов. Если бы этот пласт был бы представлен в форме статьи, монографии, он мог бы стать историографическим фактом. Облеченный же в «дневниковую» форму, он не имеет ровно никакого научного значения. Тем более такового значения не имеет третий, условно говоря, «личностной» пласт информации о Берии, идущий от Берии, — здесь мы видим не домысел, часто рождаемый увлеченностью идеей, а исключительно сознательную фальсификацию.

²⁵ На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924-1953 гг.). М., 2008.

²⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Кн. 1-2. М., 1995; Т. 2. Кн. 1-2. М., 2000; Т. 3. Кн. 1-2. М., 2003.

Выявленные подлинники источника фальсификации дали возможность фальсификатору, прикрываясь подлинными документальными источниками, сфальсифицировать и «дневниковые записи» Берии, характеризующие его уже как человека, личность, государственного деятеля. Перед нами предстает не столько убежденный коммунист, сколько прагматичный государственный деятель, для которого, впрочем, нет крепостей, которые он не может покорить, благодаря своей неукротимой энергии, блестящим организаторским способностям, умению подбирать и мобилизовывать людей. Он выше всех членов Политбюро ЦК ВКП(б), исключая Сталина, перед которым преклоняется, видя его слабости (например, подозрительность), он уважает Молотова и немного Маленкова, презирает Хрущева и т. д. Иначе говоря, перед нами достойный преемник Сталина, реальными делами и стратегическими размышлениями доказавший свое право на это. Эдакая динамо-машина, готовая после смерти Сталина раскрутить СССР в благополучное будущее.

Таким образом, этот фальшивый документальный исторический источник опасен тем, что вносит асимметрию в документальное наследие истории СССР и в конечном счете является и ее фальсификацией. Впрочем, для пытливого историка «Личный дневник» Берии сохраняет свое источниковое значение как одно из документальных свидетельств оправдания сталинизма в наше время. И как желание (упаси нас Бог) предложить современному руководству России средства достижения цели модернизации России, использовавшиеся, вероятно, действительно самым эффективным сталинским управленцем.

Иногда, а по отношению к истории XX в. почти всегда, политическая возмущающая сила, наоборот, не инициирует, а тормозит подготовку документальной публикации или существенно обедняет ее информационный потенциал. Связано это с тем, что она в определенные моменты носит

охранительный характер, не допуская свободы документальной памяти.

Именно так случилось с подготовкой документальной публикации «Голод в СССР». Почти стопроцентный состав ее документов объединяет одна общая черта: они представляют тайные документальные системы и поэтому имеют разнообразные грифы секретности, причем до такой степени, что даже некоторые документы личного происхождения волею их авторов объявлялись секретными. Понятно, что многие из них, например, годовые хлебофуражные балансы страны не могли не быть секретными в силу их стратегического политико-экономического значения, но другая их значительная часть, вращаясь в закрытой, непубличной сфере документирования, отразила специфические обстоятельства того времени. Тогдашнее руководство страны вряд ли было озабочено тем, надо ли будет когда-нибудь сделать эти документы общедоступными. Убеждая себя и других в непогрешимости принимаемых решений, тайное документирование оно рассматривало сквозь известную триаду власти — чудо, тайна, авторитет. Чудо — это, конечно же, торжество социализма в деревне, авторитет — это руководящая роль партии и ее лидеров в достижении этого торжества. Тайное документирование как особый, простому человеку не известный, по преимуществу силовой способ регулирования действительности, и было призвано способствовать чуду и авторитету. Двойное измерение жизни требовало и двойной жизни процессам ее документирования.

Эта двойная своеобразная «документальная бухгалтерия» вплоть до недавнего времени тормозила постижение многих процессов, переживавшихся СССР в конце 20-х — начале 30-х годов прошлого века. Она стала благодатной почвой для первоначально иллюстративной трактовки событий того времени с использованием фотографий голодных на Украине итальянского инженера, а затем оказалась питательной средой для политизированного толкования голода на

Украине как геноцида украинского народа. Сегодня с этим покончено и беспристрастный историк может серьезно изучать проблему.

Следующей возмущающей силой актуализации исторической проблематики является ее особая популярность в общественном сознании. История русского военного искусства, исторические личности вроде Ивана Грозного, Петра Великого, Екатерины II, Николая II, Ленина, Сталина, Хрущева – это только небольшой, но доминирующий перечень тем, интерес к которым, поддерживаемый общественным интересом, сохраняется в исторической науке. При этом в последние два десятилетия, пожалуй, две фигуры особенно популярны. Это Николай II и его семья и, конечно же, Сталин. Популярность рождает спрос, а он порождает предложения. Публикация, например, дневника последнего российского императора Николая II стала наиболее заметным событием в этом ряду²⁷.

Вероятно, в рамках этой возмущающей силы мы должны рассматривать давнюю и носящую интернациональный характер традицию подготовки документальных публикаций, приуроченных к памятным и знаменательным датам в истории страны. Прикладная археография последних лет, например, откликнулась на юбилей русско-японской войны²⁸, начала первой мировой войны²⁹, начало и окончание Великой Отечественной войны³⁰. Подавляющее большинство таких публикаций выходят за рамки юбилейной риторики и

²⁷ Дневники императора Николая II (1894-1918): в 2 т. Т. 1: 1894-1904. М., 2011; Т. 2: 1905-1918: в 2 ч. Ч. 1: 1905-1913; Ч. 2: 1914-1918. М., 2013.

²⁸ Из истории русско-японской войны 1904-1905 г.: Порт-Атур. Сборник документов. Т. 1-2. М., 2008.

²⁹ Мировые войны XX века. В 4 кн. М., 2002.

³⁰ Москва военная. Мемуары и архивные документы. М., 1995; Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004; Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941-1945. СПб., 2009.

содержат важные новые документальные свидетельства об этих событиях. Например, фронтовые письма периода Великой Отечественной войны³¹ — это проверенные цензурой свидетельства о фронтовых буднях, душевном состоянии их авторов в экстремальных ситуациях боевых действий. Формально фронтовые письма, как и личные письма вообще, можно отнести к коммуникативному типу документов. Это ничто иное как «весточка» с фронта, прежде всего сообщение о том, что человек жив, ранен или убит, физический знак родным, близким, землякам о его состоянии на войне. Однако для их авторов и адресатов письма несмотря на их часто внешне малосодержательный характер означали ничто иное как молитву, т. е. обращение фронтовика к некоей сверхъестественной силе. И понятно, почему фронтовые письма были фактически молитвами. В СССР как атеистическом государстве, на фронте и в тылу Бога почти не было, он был допущен туда лишь чуть, чуть больше, чем до войны, и он вращался в сфере политики, а не во фронтовом бытии — туда он не был допущен. Фронтовые письма были легальным преодолением запрета на молитву Богу, они заполняли духовный вакуум, и дополняли беседы с воинами политработников желанием простого человеческого общения авторов писем.

Иногда политическая и научная возмущающие силы выступают совместно, обнаруживая особую потребность в подготовке документальной публикации. В 90-е годы в отечественной и зарубежной печати начал активно обсуждаться вопрос о степени самостоятельности разработки советскими учеными атомной и водородной бомб. В конечном счете этот вопрос, как это часто бывает, приобрел политическое

³¹ См. некоторые из их публикаций: Нам выпало на долю... Великая Отечественная война в письмах, дневниках, воспоминаниях. Тверь, 2005; Письма Великой Отечественной. Тамбов, 2005; Ставрополь: Правда военных лет: Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005; Солдатские письма. Саранск, 2005.

и идеологическое звучание, связанное с оценкой способности советской науки сделать прорыв в изучении ядерной проблемы. Подготовка соответствующего сборника документов, таким образом, неизбежно испытала политическую возмущающую силу. С другой стороны, секретный характер работ по атомному проекту привел к тому, что сами его участники никогда не имели полной картины его реализации. Естественное стремление узнать, как все было на самом деле, означало, что документальная публикация «Атомный проект СССР» испытала на себе и воздействие научной, т. е. познавательной возмущающей силы.

Мы разобрали возмущающие силы, актуализирующие в наши дни проблематику исторических исследований и документальных публикаций. Все они носят внешний характер по отношению к исторической науке и связанной с ней прикладной археографией, воздействуя не только на проблематику ее исследований, но, как мы могли убедиться выше, и нередко на концептуальное разрешение той или иной проблематики. При этом мы должны иметь в виду, что и в обществе, и у любой власти имеется если не всеобщее, то традиционно стойкое убеждение в том, что истории как науки не существует, а значит, познание прошлого невозможно, в том числе на основе обнаруженных документов. В лучшем случае сторонники такого взгляда на историю как науку соглашались с ее описательным характером, т. е. простым напоминанием о случившихся в прошлом всего лишь фактах, даже не событиях или явлениях, тем более процессах. Если встать на эту позицию, то остается лишь рассуждать о методике составления различных хроник прошлого, например, хроники политической истории России, хроники ее экономической истории, хроники истории ее культуры, хроники истории сельского хозяйства, флота, фабрик и заводов, орудий труда и т. д. и т. п. — до бесконечности.

Если же мы согласимся, что история — это не только последовательное сообщение о состоявшихся в прошлом фак-

тах, но и их селекция, отбор, выделение важных, оценка их значения на последующие факты, а их на далее последовавшие и так до бесконечности, мы не заметим в ней ничего, что отличало бы ее, например, от ботаники или физики. Факт прошлого — это тот же самый пластинчатый или трубчатый гриб в ботанике, это то же, что атом в физике. Значит, по крайней мере на уровне фактов прошлого — их выявления, характеристики, определения связей с другими фактами мы с полным основанием можем говорить об истории как науке, разумеется, исключаяющей воздействие на нее названных выше возмущающих сил.

Актуальность в исторической науке есть ничто иное как открывающаяся возможность получения нового, доказательного и общепринятого знания о прошлом. Это как бы осознанное понимание нашего незнания каких-либо аспектов прошлого, либо желание их пересмотреть на неких иных основаниях. В отличие от естественных наук, где достигнутый в результате актуального исследования результат, ставший общепризнанным, как правило, остается неизменчивым, служа основой для решения других, подчас более сложных актуальных проблем, актуальность исторических исследований как исследований преимущественно гуманитарных и в постановке проблем, и в уровне знаний о них, и в их дальнейшем решении связана со временем их проведения. Именно время чаще всего, но не всегда, о чем будем говорить ниже, порождает своеобразные возмущающие силы актуализации проблематики исторических исследований.

А это, в свою очередь, предполагает наличие ещё одной возмущающей силы актуализации исторической проблематики и документальных публикаций — саморазвитие исторической науки и связанной с ней прикладной археографии, приводящее к выбегу из прежнего исторического знания, в том числе и из его проблематики.

Как и при каких условиях случается этот выбег?

Саморазвитие исторической науки уже давно, еще в XVIII в., в России определило устойчивый комплекс проблем, не утрачивающий своей актуальности и в наше время. Это стратегический запас нашей национальной памяти, обновляемый не по форме, а по существу. Но этот запас не только обновляется, но и дополняется, пополняется. Для В. Н. Татищева, Карамзина фактически не существовало социальной, экономической истории России. Так, лишь иногда они, например, вспоминают о голоде, неурожае, скажем, как Карамзин, описывая события начала первой российской Смуты. Соловьев уже пишет специальную работу под красноречивым названием «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря». Для Ключевского социальная и экономическая история является важнейшим элементом российской истории. Историки-марксисты гипертрофировали социально-экономическую проблематику, превратив ее в абсолют исторического процесса. Что же определяет расширение традиционной проблематики в условиях саморазвития исторической науки и прикладной археографии?

Его первым условием является изменение представлений о мире, обществе, человеке, государстве.

Вторым условием выбега исторической науки за традиционный круг изучаемых проблем является расширение документальной источниковой базы. Открытие новых пластов архивных документов, их опубликование в последние годы расширяло проблематику исторических исследований. До недавней поры мы, например, ничего практически не знали о жизни и судьбе военнопленных гитлеровской коалиции на территории СССР. А это более трех миллионов человек и почти десять лет нашей истории на территории от Смоленска до Владивостока. Открытие фондов ГУПВИ создало возможности для изучения этой проблемы. Почти пятьдесят лет непознанной проблемой оставалась тема судеб советских военнопленных и депортированного гражданского населения в фашистской неволе. Открытие фильтрационных и судебных

но-следственных дел на советских граждан, вернувшихся в СССР, позволило наконец-то приступить к изучению этой проблемы. Политика фашистских оккупационных частей на оккупированных территориях СССР также оставалась неизвестной до тех пор, пока не были рассекречены документы Центрального штаба партизанского движения, органов власти, создававшихся гитлеровцами на оккупированных территориях. Рассекречивание фондов Коминтерна, Русского заграничного исторического архива дало мощнейший толчок изучению коммунистического движения в мире в 20-40-х годах, истории первой волны российской эмиграции. А как мы обустроивали послевоенную Германию – это было невозможно понять без изучения фондов Советской военной администрации в Германии и соответствующей серийной документальной публикации³². И можно до бесконечности продолжать примеры того, как новые документальные источники открывают новые исследовательские темы.

Правда, не следует абсолютизировать этот тезис, так как первичность и вторичность исторических исследований и новых документальных источников находятся во много более сложных взаимоотношениях. Иногда, наоборот, новая историческая проблематика стимулирует открытие новых документальных пластов. Всего один пример. Документы СВР РФ о Карибском кризисе, вероятно, еще долгое время были бы недоступны, если бы не желание академика А.А. Фурсенко совместно с одним из его американских коллег дать полноценную картину его зарождения, развития и

³² Советская военная администрация в Германии. 1945-1949. Т.1: Деятельность Советской военной администрации в Германии (СВАГ) по демилитаризации Советской зоны оккупации Германии. М., 2004; Т. 2: Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии. М., 2005; Т. 3: СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии. М., 2006; Т. 4: Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. М., 2006.

завершения. Книга «Адская игра»³³ стала достойным результатом этих усилий.

Грубо говоря, сегодня актуально все, что может заинтересовать исследователя, что может дать хотя бы частичку нового фактического и теоретического знания о прошлом. Если же говорить об актуальности документальной публикации, то ее смысл заключается в востребованности тех или иных новых документальных источников, которая возникает, с одной стороны, как ответ на запросы исторической науки, а с другой стороны, под воздействием определенных общественных, в том числе политических и идеологических, запросов времени.

Совпадение этих двух возмущающих сил обеспечило, например, появление специального поручения Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанного с изданием сборника документов о готовности СССР к Великой Отечественной войне³⁴. Специальный Указ Президента Ельцина «О подготовке и издании официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР» открыл возможности для работы над соответствующей документальной публикацией.

Научные и иные возмущающие силы создания документальной публикации есть ничто иное как отражение двух подходов в исследовании прошлого. Один из них исходит из признания определяющей роли конструирования, а не реконструкции прошлого. Другой, наоборот, видит в документальной публикации прежде всего источниковую основу для реконструкции прошлого.

В историческом исследовании происходят сложные трансформация, генерация и синтез исторических источников. В удачных случаях в таком исследовании возникает но-

³³ Фурсенко А. А., Нафтали Тимоти. Адская игра. Секретная история Карибского кризиса 1958-1964 гг. М., 2001.

³⁴ 1941 год. Сборник документов. Кн. 1-2. М., 1998.

вое знание о прошлом. Историческое исследование, переработав исторические источники, теперь остается благодарным и одновременно становится их укоризненным судьей и критиком.

Но не следует думать, что такое исследование тем самым девальвирует исторический источник, включая документальный. Во-первых, пройдет время и новый автор нового исторического исследования прочитает по-новому старый документ. И он вновь будет благодарен ему, и вновь станет ему укоризненным судьей и критиком. И так будет до бесконечности, ибо документальный исторический источник неисчерпаем как атом. В этом смысле он остается основой исторического познания и не испытывает комплекса неполноценности.

Однако странное дело: почти всегда между документальным историческим источником и историческим трудом существует документальная публикация документального или документальных исторических источников.

Ее особость как самостоятельного информационного продукта определяется особостью документального источника. Во-первых, он менее публичен чем другие источники, возникающие в процессе человеческой жизнедеятельности. Другая его особенность связана с тем, что документальный источник непосредственно фиксирует происходящее. Грубо говоря, сколько в современности и прошлом происходит и произошло по крайней мере более или менее значимых событий, столько возникает и документов, связанных с ними. В реальной же жизни их даже намного больше. Никакой другой источник, кроме документального, нам не даст непосредственной фиксации события в его многообразии. Это свойство документального источника хорошо и уникально коррелируется с его еще одним — свойством воспоминательности. В дневниках и мемуарах, в письмах мы обнаруживаем как бы вторичную, заторможенную регистрацию прошлого, причем часто противоположную первичной, или

комментирующую ее. Ни один другой подкласс источников не обладает свойством воспоминательности.

Непосредственность фиксации прошлого и воспоминательность документального источника взаимно дополняют друг друга. Их сопоставление позволяет не только уточнить и расширить, дополнить картину произошедшего, но и проверить достоверность непосредственной фиксации происходящего или достоверность воспоминательной фиксации произошедшего.

Следующее оригинальное свойство документального источника – это его способность к непрерывной фиксации события, явления, процесса, демонстрировать познающему субъекту их зарождение, развитие, результаты и последствия этих результатов. Вещественный источник, например, подводную лодку, пытливый исследователь может, с разрешения, конечно, разобрать до винтика и, таким образом, понять все нюансы ее конструкции. Но это все: без технологической документации он не может установить процесс ее сборки, без организационно-распорядительной документации – инициацию принятия решения о ее создании, без отчетной – эффективность ее боевых и иных качеств.

Все эти и другие свойства документального исторического источника делают его особо привлекательным для производства исторического продукта. Однако документальный источник содержит намного больше ловушек, чем какой-либо другой источник. Их обойти намного сложнее чем в случае с вещественными источниками. Например, функциональная непригодность какого-либо механизма обнаруживается сразу же после начала его эксплуатации. Контрафактность же документального источника может быть обнаружена далеко не сразу и даже далеко не всегда. Например, если взять информационные сводки ВЧК–ОГПУ–НКВД СССР о ситуации в советской деревне, то вплоть до 1939 г. мы можем обнаружить в них статистические и фактические данные о «кулаках», которые то всячески сопротивляются советской

власти, то борются с ней с оружием в руках. Нужно приложить специальные исследовательские усилия, чтобы понять: в советской деревне не было «кулаков» в их классическом дореволюционном понимании и прийти к выводу о том, что кулаки в сводках ВЧК—ОГПУ—НКВД СССР — категория не экономическая, а политическая. Итак, субъективность документального источника — это один из типов его ловушки.

Два других типа ловушек относятся уже к его использованию в производстве исторического продукта. Оба они связаны либо с выборочным применением его свидетельств, либо с выборочным привлечением какой-либо группы источников. Например, стоило опустить всего один абзац в письме Ю. В. Андропова в ЦК КПСС о поведении после ссылки писателя А. Г. Синаевского как Синаевский сразу превратился в агента КГБ³⁵. Или стоило взять документальные источники о голоде только в Украине, как он превратился сразу в голодомор — сознательное уничтожение голодом даже не всех жителей Украины, а только украинцев. Смертный голод в других регионах СССР как бы и не существовал.

Иначе говоря, документальный источник в силу природы своего возникновения и особенностей использования при производстве исторических продуктов способен исказить картины прошлого, обеспечить его подгон под определенную схему прошлого, а то и вовсе его сфальсифицировать. Разумеется во всех этих трех случаях он не утрачивает своего значения как исторического источника — теперь уже об истории искажения, конструирования и фальсификации прошедшего настоящего. Но от этого не легче, когда стоит задача создания неконтрафактного продукта о прошлом.

Важными страховочными элементами в этом случае становятся другие отличительные черты документального источника.

³⁵ Подробнее см.: Козлов В. П. Тайны документальных фальсификаций или Обманутая, но торжествующая Клио. М., 2015. С. 580 — 584.

Во-первых, практически никогда, а применительно к новому и новейшему времени однозначно никогда, документальный источник не бывает одиноким странником в документальном наследии. Он является частичкой или одним из элементов системы таких документальных источников, которые в своей совокупности отражают зарождение, развитие, результаты и последствия результатов какого-либо события, явления, процесса. И, если один документальный источник изначально создается как недостоверный, то либо все остальные так или иначе связанные с ним источники автоматически становятся такими же, либо вся их совокупность обязательно раскроет, покажет недостоверность части их. Всего один пример. Уже первая волна реабилитации жертв политических репрессий показала недостоверность документов следственных дел, ставших результатом «принудительного соавторства» обвиняемых и следователей. Вторая волна реабилитации, начавшаяся на рубеже 80-х — 90-х годов прошлого века, еще убедительней показала масштабы фальсификации следственных дел, миллионы которых хранятся в наших архивах.

Во-вторых, документальный источник есть таким, каким он был создан и сохранился в процессе своего бытования как регулятора современных ему процессов. Как правило, его бытование в качестве такого регулятора сопровождается нарушением его неприкосновенности через резолюции, подчеркивания, вычеркивания и т. д. Но после попадания в архив такой источник, обретая состояние покоя, уже не подвержен никаким изменениям. Это значит, что каждому новому поколению исследователей он открывает благодаря своей неизменчивости новые возможности его более глубокого постижения. Всего один пример. В знаменитом «Собрании государственных грамот и договоров» начала XIX в. покаянная речь Ивана Грозного из Хрущевского списка Степенной книги показалась настолько важной, что издатели отнесли ее к числу важнейших государственных актов.

Но прошло менее ста лет и впервые обратившийся к оригиналу Степенной книги П. Г. Васенко обнаружил, что «речь» Грозного представляет собой всего лишь позднейшую вставку, что сразу поставило под вопрос ее достоверность³⁶.

Названные особенности документального источника и определяют значимость документальной публикации, которая востребуется под воздействием рассмотренные выше возмущающих сил.

Общественная реакция на документальную публикацию. Издание документальной публикации означает придание включенным в нее документам (документу) свойства свободной энергии воздействия на пользователя — личность, общество, государство. В теории когнитивной истории это рассматривается как один из «уровней» информационного обмена в человеческом социуме³⁷. Оценка, т. е. определение эффекта такого воздействия, является одной из неразрешимых проблем археографии. Но признавая это, важно констатировать, что моральное ожидание археографического успеха почти всегда больше, чем моральное ожидание археографической неудачи. Объяснение этому дает одна из закономерностей бытования документальной публикации — закономерность взаимности, а именно неперенные взаимосвязь и взаимодействие документальной публикации и общественного сознания. Как было показано выше в этой главе, документальная публикация всегда служит ответом на конкретную общественную потребность, конкретный общественный запрос. Она сопрягается с общественным сознанием и в то же время способна к формированию в нем изменения взглядов на прошлое и настоящее мира и человека. В атмосфере процесса по «делу КПСС» в Конституционном суде Российской Федерации массовая публикация докумен-

³⁶ Там же. С. 17-30.

³⁷ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 101.

тов из архивов этой партии — о финансировании зарубежных компартий, поддержке терроризма, манипулировании общественным сознанием, организации репрессий, преследовании инакомыслия и т. д., — конечно же, была ответом и на общественный запрос. Запрос был многогранен: одни стремились к полной дискредитации КПСС, другим был интересен тайный «механизм власти» в СССР, третьи хотели глубже проникнуть в исторический процесс XX в. Нет сомнений, что были и четвертые, и пятые, и шестые.

К сожалению, никто уже не сможет (и вряд ли это вообще возможно) установить, какое воздействие оказали публикации документов, связанных с «делом КПСС», на общественное сознание. Осторожно можно предположить, что многие общественные силы нашли в них определенное удовлетворение. Но общий вектор их восприятия, кажется, сводился к выводу о «не том» развитии страны и государства.

Любая документальная публикация переживает не менее трех моментов своего бытования. Первый — момент актуальности. Он предопределен научным, политическим, идеологическим, дидактическим, практическим значением документальной публикации для времени ее создания и издания. Как правило, внешне это наиболее впечатляющий момент ее бытования. Для понимания закономерности взаимности момент актуальности документальной публикации в наиболее законченном виде отражается в ее публичной оценке: на специально устроенных по случаю ее выхода в свет пресс-конференциях, в рецензиях, рейтингах лучших книг недели, месяца, года и т. д. Такая публичная оценка может выступать в одной из трех форм: общественная оценка, научная оценка, то и другое вместе.

Прикладная археография последних десятилетий дает нам немало примеров общественной реакции на документальные публикации в момент их актуального бытования. В принципе такая реакция, как правило, зеркально отражает настроения различных общественных сил и научных кру-

гов относительно трактовки в документальной публикации той или иной ее проблематики.

Общественное сознание, включая ее научную составляющую, спокойно и как новое документальное знание восприняло документальные публикации по истории советской деревни, атомному проекту СССР, деятельности Коминтерна, созданию в СССР военно-промышленного комплекса, строительству Красной Армии, голоду в СССР на рубеже 20-х – 30-х годов, истории в советское время Русской православной церкви, пребыванию в СССР после окончания Великой Отечественной войны военнопленных, публикации документов личного происхождения – дневников, мемуаров, переписки. Например, неподдельный общественный и научный интерес к публикации протоколов и стенограмм заседаний Президиума Секретариата ЦК КПСС хрущевского периода³⁸ вызвал ее повторное переиздание – редчайшее явление в современной прикладной археографии.

Другой пример. Дневник Довженко, разумеется, как и любой другой дневник, является документальным свидетельством его времени и одновременно свидетельством о жизни и деятельности этого яркого творческого человека. Но случилось так, что его обнародование неожиданно и случайно почти совпало с современной уже состоявшейся трагической страницей украинской истории. Именно она дает возможность поверить историей размышления этого яркого, темпераментного, романтического и думающего человека.

Вслед за Довженко можно с иронией воспринимать его свидетельство о своей роли в передаче полуострова Крым в состав братской социалистической украинской республики. Можно дивиться злему историческому развороту, в результате которого построенная интернациональными усилиями людей каховско-крымская водная артерия, воспетая Дов-

³⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2004; Т. 2: Постановления: 1954-1958; М., 2006; Т. 3: Постановления. 1954-1964. М., 2008.

женко, ныне обезвожена ради гибели жителей Крыма, вновь ставшими россиянами. Страшно-символично другое: Довженко не любит не плохих людей, он не любит целые народы – евреев, поляков, крымских татар, азербайджанцев, возможно, и русских.

Сначала нелюбовь к этим и другим народам, просматривается как бы вскользь, как бы между делом. Потом скрывающаяся и накапливаемая ненависть к ним как виновникам государственного нестроения украинского народа откровенно выплескивается на страницы дневника. И это все, – дальше может быть только следующий шаг – к фашизму. Он не заметен, он почти неуловим, и вот его результаты уже внедряются в головы людей, начиная повелевать ими.

Время и исторические обстоятельства оберегли Довженко от этого шага, сделали его невозможным. Через крещение фашизмом в годы Второй мировой войны Украина захотела стать самостоятельным государством. Довженко, страстно мечтавший об этом, благоразумно остался в стороне, готовый простить некоторым своим соотечественникам такое намерение. Ну, да, конечно, внутренним оправданием для такой его позиции был не принимавшийся им сталинизм.

И вместе с тем целый ряд документальных публикаций последних десятилетий в момент их актуализации встретил не только позитивную, но и негативную реакцию. В последнем случае в первую очередь следует назвать отношение к публикации документов по т. н. «катынской проблеме». В ряде пространных откликов на их обнародование эти документы объявлялись фальсификациями, а их публикаторы провозглашались авторами фальсификаций³⁹.

Вообще говоря, проблема отношения к опубликованному в последние десятилетия документам как к документам подлинным или сфальсифицированным в общественном

³⁹ Мухин Ю. Главная антироссийская подлость. М., 2010.

сознании обрела особую остроту. Газеты «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец», например, сразу после издания фальшивого «дневника» Л. П. Берии объявили его новым сенсационным документальным источником по истории СССР 30-начала 50-х годов XX в.⁴⁰

С другой стороны, вслед за сторонниками фальсификации документов по «катынской проблеме» фальсификациями объявлялись и другие опубликованные подлинные документы. Наиболее яркий пример – реакция на издание т. н. «записок» И. А. Серова.

«Записки» Серова как повествование о несправедливой судьбе почти идеального советского бюрократа, коммуниста, беззаветно преданного делу, человека, незаслуженно пострадавшего от наветов врагов и недоброжелателей, интересны личным восприятием своей судьбы и вполне понятными по-человечески попытками самооправдания и желанием показать свою позитивную роль в важнейших событиях истории СССР. В последнем случае «Записки» обращают на себя внимание своей источниковой значимостью, хотя ко времени их недавней находки в обстоятельствах неожидан-ных и едва ли не вызывающих недоуменные вопросы (в чемодане, замурованном в кирпичной стене гаража Серова при его ремонте) далеко не все, но многое из повествуемого автором уже стало известно из других источников.

Во-вторых, общественное внимание к публикации подогрел вид некоей части опубликованного документа. Понятно, когда люди масштаба Серова, а то и много большего, да еще со сложной политической судьбой, как например, Хрущев, писали мемуары. То были и попытки самооправдания, и желание свести во времени счеты со своими недоброжелателями и врагами, и просто рассказать о своем жизненном пути. Однако, среди прочего «Записки» включали собствен-

⁴⁰ См.: «Московский комсомолец», 7 апреля 2011 г.; «Комсомольская правда» 14-22 апреля 2011 г.

норучные дневниковые записи Серова. Случай уникальный в документальном наследии советской истории, когда крупный государственный деятель, да еще занимающийся государственной безопасностью, вел бы дневник, содержащий записи высокой степени откровенности о важнейших государственных, в том числе не подлежащих разглашению, событиях. Риск создания подобного рода документов в СССР был велик для судеб их авторов. В годы Великой Отечественной войны советским офицерам официально запрещалось вести личные дневники. Известны случаи, когда их обнаружение печально отражалось на человеческих судьбах⁴¹. Дневники в руках карательных органов становились обязательными документами. И тем не менее, прекрасно зная все это, Серов не один год вел свой дневник. Почему? Как способ духовного отдохновения? Как документальное свидетельство эпохи? Как подспорье для будущих воспоминаний? По каким-то иным мотивам? Вопросов по этому поводу мы можем задать немало, а ответы на них следует искать, видимо, в самой явно незаурядной личности этого человека. Более или менее убедительные ответы на них позволяют понять и степень достоверности «Записок», что важно, если вспомнить о масштабах описываемых им событий.

Последнее обстоятельство объясняет третью причину особо повышенного интереса к «Запискам» Серова. Этого не может быть, чтобы один из руководителей государственной безопасности вел дневник. Перед нами — фальшивка, призванная реабилитировать одного из государственных деятелей СССР, имевшего прямое отношение к репрессиям в СССР. Цикл передач радиостанции «Эхо Москвы» был посвящен именно такой трактовке «Записок» Серова. Интервью радиостанции историка Б. В. Соколова содержало, казалось бы, и конкретные примеры фальсификации.

⁴¹ См., например: *Луговская Нина*. Хочу жить. Из дневника школьницы. 1932-1937. М., 2004; *Фибих Даниил*. Двужильная Россия. Дневники и воспоминания. М., 2010.

Однако случилось редчайшее событие в истории отечественной археографии и источниковедения. Издатель «Записок» писатель и журналист А. Е. Хинштейн вместе с внучкой Серова, обнаружившей этот документ, подали в суд на радиостанцию и Соколова, назвав передачи и интервью клеветой. Ответчикам вменялось компенсировать ущерб по 500 тыс. руб. каждому.

Ответный ход радиостанции «Эхо Москвы» и историка Соколова был логичен и оправдан. Они потребовали от заявителей предъявить оригиналы «Записок», учитывая, что в их публикации не было помещено ни одного факсимиле текста. О дальнейшем нам красочно поведал корреспондент газеты «Московский комсомолец», присутствовавший на заседании Краснопресненского районного суда города Москвы: «В зал заседаний внучка Серова – Вера и Александр Хинштейн вошли с огромным чемоданом. Внутри которого, как оказалось, было еще три чемодана. В них ровными стопками были сложены дневники с записками Серова... Когда документы легли на стол, адвокаты «Эха Москвы» и Бориса Соколова слегка растерялись»⁴².

Постижение прошлого сегодня приобрело индустриальный характер. Смысл индустрии – в массовом производстве однотипного и в таком же массовом его потреблении. Потребление определяет спрос, а он диктует производство. Применительно к индустрии прошлого сегодня мы видим не только фантастическое разнообразие её продуктов, но и их разноуровневый, селективный характер. Одновременно с этими двумя явлениями просматривается сегрегация классического понимания исторического знания как знания о фактах, событиях, явлениях и людях прошлого и дискредитация под флагом «новых подходов» проверенных методов и приемов его добывания.

⁴² Маркова Валерия. Дневники главы КГБ вышли в свет // Московский комсомолец. 2016. 8 декабря.

Второй момент бытования документальной публикации — момент инерции. В нем документальная публикация живет во всем многообразии ее связей с прошлым, которое она освещает, со временем, в котором она создана, с будущим, которое неотвратно оценит ее как научное и общественное явление. Именно в момент инерции бытования документальной публикации она начинает подвергаться беспощадному анализу, а значит, испытанию на объективность, всесторонность и профессионализм освещения факта, события, явления, процесса. Момент инерции документальной публикации — это момент ее использования. Вероятно, частота ссылок на нее может быть признана в качестве формального и знакового показателя эффективности проявления закономерности взаимности. Но сегодня автор в этом не убежден: данный вопрос требует специального кропотливого исследования.

И тем не менее общая оценка информационных продуктов, произведенных прикладной археографией последних десятилетий, очевидна: их подавляющая часть останется в состоянии инерции как законченные произведения, объективно раскрывшие обозначенные темы и проблематики. Однако в момент инерционного бытования документальной публикации с ней может случиться и «эффект забывания». Ярким примером этого эффекта являются современные политические ток-шоу. На них периодически обсуждаются вопросы отечественной и мировой истории XX в. При этом, например, особенно часто всплывают темы Катыни и судьбы красноармейцев в польском плену. Автору ни разу не приходилось слышать на таких ток-шоу хотя бы упоминаний о соответствующих документальных публикациях, раскрывающих эти темы. Мы оставляют судить читателям о причине этого — незнание или политическая ангажированность, отрицающая документальные свидетельства.

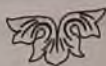
Третий момент бытования документальной публикации — момент торможения. Он может рассматриваться как

угасание значения конкретной документальной публикации по причине утраты различных аспектов ее актуальности или недостатков выбранной модели. И в момент инерции, и в момент торможения бытования документальной публикации ей может быть свойственно колебательное движение, т. е. резкие актуализация или затухание, обусловленные воздействием той или иной возмущающей силы.

Момент торможения в бытовании документальной публикации является следствием не только ее недостатков, но и прогресса в понимании факта, события, явления, процесса прошлого. В этом смысле можно сказать, что любая документальная публикация обречена на торможение, поскольку неотвратимость познания неизбежно обнаруживает несовершенство прежнего знания, в том числе и в выработке прежних моделей документальных публикаций.

Момент торможения документальной публикации, означающий угасание закономерности ее взаимодействия с общественным сознанием, ни в коем случае нельзя рассматривать как негативный. Даже в случае полного угасания ее информационного потенциала для познания факта, события, явления, процесса она сохраняет свое познавательное значение как проявление человеческого духа, а следовательно, может в любое время стать пособием для изучения его особенностей на момент создания публикации.

Завершая главу, отметим, что взаимодействие документальной публикации и общественного сознания есть ничто иное как одна из форм взаимодействия документальной памяти и общества. В то же время документальная публикация не является простой трансляцией частички документальной памяти. Различные возмущающие силы определяют ее различные типы, а реакция на тот или иной ее тип в общественном сознании отражает целый спектр понимания прошлого и его интерпретаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Спор о том, что есть такое правда истории, так же как и спор о «пользе» знания прошлого для каждого мгновения современности — споры на протяжении всей человеческой истории бесконечные и безответные (в смысле наличия огромного числа несовпадающих ответов). Еще более неопределенны поиски истины истории, здесь, как и в первом случае, спорящие стороны еще могут согласиться с тем, как что-то было в истории, но нередко расходятся в ответах на вопросы, почему это случилось именно так, почему и какие последствия все это имело в дальнейшем.

Глобальный взгляд на человеческую историю, взгляд, выражаясь словами Л. Гумилева с «высоты полета орла», привел к созданию различных философских концепций исторического процесса. Несмотря на непримиримость таких концепций, все же в их основе находилось стремление найти некие закономерности истории человечества — у К. Маркса — свои, у О. Шпенглера — свои, у А. Тойнби — свои. Однако несовпадение, порой открытая конфронтация концепций этих и иных мыслителей прошлого и настоящего, на историю человечества являлась и является питательной средой для скептического отношения к подобного рода и иным концепциям осмысления прошлого.

Аргументы скептиков во многом и раньше и сегодня выглядят безупречными. Два из них для историков являются

внешне просто убийственными. Аргумент первый: физики, химики, биологи тоже спорят, но они спорят в пределах общепринятой зоны неоспариваемых законов о веществе, пространстве, времени, поправляемых новыми, публично и коллективно установленными знаниями-экспериментами. Аргумент второй: отсутствие у историков этой самой неоспариваемой и постоянно поправляемой зоны законов об истории человечества свидетельствует только об одном — единственном законом, которым можно объяснить человеческую историю является закон провиденции, божественной воли.

Историкам, да и просто гуманитариям, в принципе легко дискредитировать второй аргумент: если закон провиденции действует в отношении человеческой истории, то почему же он не должен действовать и в отношении истории материального мира? Ответа на этот вопрос ни в отношении материального мира, ни в отношении человеческой истории нет до сих пор. И это констатация реальности, в которой находилось и находится человечество до сих пор.

История как наука привлекательна своей внешней доступностью и внешней простотой ее постижения. Возьмем для примера пресловутую «Влесову книгу». Масштабы внедрения этого документального подлога в общественное сознание россиян оказались просто огромны, включая Интернет. Разумеется, сработал фактор «обратного эффекта запретительства»: тотальный идеологический контроль, существовавший в советское время, превратил этот подлог в некий загадочный, скрываемый по каким-то идеологическим причинам памятник истории. Августин Блаженный был прав, когда писал со свойственными ему цинизмом и откровенностью, что «большой частью мы скрываем истину не при помощи лжи, а с помощью умолчания». В новой России «Влесова книга» была обречена на то, чтобы обрести свободу. И она действительно обрела свободу, но свободу не истины, а вседозволенности ее интерпретаций с игнориро-

ванием элементарных, общепринятых принципов, норм и знаний любого исторического исследования. Коммерциализация «Влесовой книги» стала еще одной причиной феномена ее бытования в современной России.

Но все же не только эти причины породили случившийся феномен. Главная — растерянность общественного сознания страны в переходный период ее истории, когда разрушение прежних, в том числе и ложных, представлений, включая и исторические, никак не может привести к созданию нового, не отягощенного моноидеологией, обоснованного свободным знанием, представления о мире, обществе, человеке, месте страны и народов России в прошлых и современной человеческих цивилизациях. Эта растерянность является благодатной почвой для пересмотра хронологии человеческой истории и истории России. Она же побуждает искать истины и идеалы в языческих учениях о мире и человеке, фактически дискредитируя все современные религии и современное научное знание.

В условиях, когда историки, в отличие от ученых материального мира, не смогли обнаружить хотя бы временных общепризнанных закономерностей человеческой истории (К. Маркс и Ф. Энгельс, как кажется, являются единственным исключением в своей политизированной простоте, а потому привлекательности), истории, неизменно востребуемой каждым поколением людей, каждым человеком, возникают некие иные потребности понимания прошлого и стремления к его узнаванию.

Среди прочих таких пониманий обращает на себя внимание стремление представить прошлое как знание о фактах, событиях, явлениях, процессах. С точки зрения такого отношения к прошлому оно структурируется в исторических исследованиях как повседневная жизнь народа, социальных групп, человека в ее многочисленных проявлениях. Набор «структур» или показателей такой повседневности может быть бесконечным — каждое мгновение современности об-

наруживает свой, особый интерес к той или иной черте повседневной жизни прошлого. Их сравнение с современной жизнью вызывает некую эмоциональную реакцию, некие размышления — хотя бы так же как от чтения романа или стихов. Если бесполезны для человека эти произведения человеческого ума, то бесполезен и рассказ о прошлой повседневности. Но такого нигилизма ни один здравомыслящий человек не посмеет высказать. Значит, в этом случае, прошлое становится узнаваемым и близким к его пониманию. Но не менее важным оказывается и то, что раскрытие, описание и объяснение таких черт повседневности позволяет выявить и доказательно охарактеризовать некие процессы, явления и даже закономерности и их особенности человеческой истории в проявлениях истории народов, социумов и людей. При таком понимании историческая истина становится зримой и доказательной.

Подобный подход к истории невозможен без источниковой основы, в которой документальная память занимает важнейшее место. Документальная память, транслируемая общественному сознанию с помощью документальных публикаций, является основным средством познания прошлого. Есть и еще один аспект подобного подхода к прошлому, который можно назвать гуманистическим или нравственным. Через документ открывается правда истории, через нее постигается истина прошлого, а она неизбежно ставит вопрос о восстановлении справедливости. Пусть эта справедливость уже ничего не значит для поруганных, преданных людям прошлого — их уж нет. Но, может быть, она что-то будет значить для нас, сегодняшних.

В нашей книге мы постарались показать, что трансляция документальной памяти в форме документальной публикации представляет собой сложный процесс, требующий соблюдения ряда общепринятых принципов и правил. Их разработкой и занимается археография как научная дисциплина гуманитарного цикла знаний о человеке, обществе и

государстве. В их основе лежит анализ реальных документальных публикаций.

Археография сегодня — одна из самых востребуемых научных дисциплин, раскрывающая познавательный потенциал документального исторического источника как частички документальной памяти. Смысл ее прикладной части — доведение до пользователя документальных свидетельств о прошлом в разных типах, видах и формах документальных публикаций. Они являются организованной совокупностью документальных источников, смоделированных определенным образом. Документальная публикация, выступает предметом этой научной дисциплины. Сам же документальный источник становится ее объектом, обретая совсем отличную от архивной, упорядоченность в системе документов документальной публикации. Практическая или прикладная археография, как мы могли убедиться из книги, и обеспечивает общественные запросы в документальной памяти. Опадет пепел от очередных модных конструктивистских теорий исторического процесса. Но никогда не станет прахом документальная память, зафиксированная навсегда в документальном историческом источнике, полномочным и беспристрастным представителем которого является документальная публикация

Рассмотренные в книге документальные публикации, пусть и выбранные на вкус автора, тем не менее однозначно свидетельствуют, что в современном историографическом процессе постижения истории России параллельно с собственно историческими исследованиями идет ее источниковое освоение в рамках отдельных и серийных документальных публикаций. И те, и другие так или иначе постепенно проясняют для нас «черные дыры» или «белые пятна» отечественной истории. Иногда (особенно в 90-е годы) документальные публикации в освещении каких-то проблем опережали исторические исследования, нередко последние становились локомотивом для появления документальных публикаций.

Какие явления характерны для этого свободного археографического процесса?

Во-первых, археография истории XX в. имеет дело с большими массивами документальных отложений с их различной, преимущественно пофондовой организацией. Такие массивы содержат дублирующуюся или повторяющуюся информацию, информацию однотипную, либо наоборот, нигде не повторяющуюся. Это накладывает существенный отпечаток на принципы выявления, отбора документальных источников, воспроизведения их текстов и комментирования.

Во-вторых, мы видим практически одновременное освоение археографической практикой документальных источников двух классов — класса источников официального происхождения и класса источников неофициального происхождения. Их встреча друг с другом — либо в конкретной документальной публикации, либо в разных публикациях — в рамках совпадающих проблематик открывает после этого новые возможности — то тропинку, то целую дорогу к пониманию того или иного факта, события, явления, процесса прошлого.

Одна из удивительных черт этого явления связана с тем, что XX в. не только создал, но и сохранил, казалось бы, неожиданный по своему объему документальный комплекс документов личного происхождения, который, кстати говоря, во многом еще принципиально не может быть освоен, поскольку хранится в домашних архивах граждан. Но и то, что стало или потенциально может стать уже сейчас публичным достоянием, в том числе по двум-четырем последним десятилетиям XX в., впечатляет.

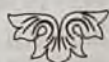
В-третьих, археографическая практика последних лет демонстрирует нам поиски новых форм, методов и приемов обнаружения документальных исторических источников. Мы не будем здесь говорить о публикациях источников в электронной форме — это особый сюжет, для специального

рассмотрения которого пока еще недостаточно эмпирического материала. Зато традиционная практическая археография дала нам несколько образцов «новизны», разрешения археографических задач. Мы видим, например, оправданные и удачные случаи использования компьютерных технологий в сложных случаях передачи текстов документальных источников, обоснованное объединение именных комментариев и именных указателей, параллельное акцентированное воспроизведение текста фотодокумента и его отдельных выразительных элементов.

В-четвертых, археография документов XX в. так или иначе в своей практической составляющей сталкивается с проблемами морально-этического порядка, требующих своего разрешения без ущерба для личности в формируемой публичной документальной источниковой базе. Прикладной археографии в этом смысле иногда приходится делать нелегкий выбор между естественным стремлением удовлетворить общественные запросы в ранее неизвестной информации о прошлом и морально-этическими вопросами, требующими ее ограничения.

Наша книга оказалась в ряде случаев критичной в отношении археографической стороны современной археографической практики России. Но мы убеждены, что эта критика не является ни излишне строгой, ни по каким-то причинам пристрастной. Ее главный вывод сводится приблизительно к следующему. Прошло то время, когда мы радовались просто каждому новому обнародованному документу по российской истории, особенно XX в., подчас не задумываясь о его месте среди других неопубликованных документов, не обращая внимания ни на обстоятельства его публикации, ни на археографический уровень его подачи читателю. Ныне ситуация совсем иная. Документальные публикации во многих случаях стали результатом своеобразных «производств» информационных продуктов о нашем прошлом. Известно, что не каждое «производство» совпадает с интересами науки

или учитывает ее требования, соблюдение которых обеспечивает общепринятый уровень их качества. Поэтому радуясь, например, очередной документальной публикации по истории России XX в., а это почти всегда обнародование преимущественно ранее неизвестных или недоступных документальных источников, невольно задумываешься над их качеством по самым разным параметрам. И когда научный уровень каждого или отдельных таких параметров не соответствует общепринятым нормам, возникает потребность об этом сказать, чтобы не допустить превращения практической археографии истории России XX в. в производство обычного «информационного продукта». создатели которого предлагают его пользователям ограничиться по преимуществу знакомством с документальными источниками без особых усилий по их археографической обработке. Погоне за индустрией «информационных продуктов» в виде суррогатов или полуфабрикатов документальных публикаций исторических источников должна быть поставлена преграда. Сегодня она может выступать только как мнение научной общественности. Ради формирования такого мнения и написана эта книга.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В КНИГЕ

- Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. М., 2000.
- Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. [Т. 1]. М., 2001.
- Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 томах. Т. 1: 1938–1945. В 2 ч. М., 1998; Т. 2: Атомная бомба: 1945–1954. Кн. 1. Саров; М., 1999; Кн. 2: 1945–1954. Саров; М., 2000; Кн. 3: 1945–1954. Саров; М., 2003; Кн. 4: 1945–1954. Саров; М., 2003; Кн. 5: 1945–1954. Саров; М., 2005; Кн. 6: 1945–1954. Саров; М., 2006; Кн. 7: 1945–1954. Саров; М., 2007; Т. 3: Водородная бомба: 1945–1956. Кн. 1: 1945–1956. Саров; М., 2008.
- Берггольц Ольга.* Блокадный дневник (1941–1945). СПб., 2015.
- Берия Лаврентий.* Личный дневник 1937–1941. Т. 1–3. М., 2011.
- Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы Всероссийской. М., 2006.
- Великая война 1914–1918. Кинофотохроника. Т. 1. СПб., 2014; Т. 2. СПб., 2015.

- В объективе война. 1941–1945: Фотографии советских и иностранных корреспондентов из собрания Российского государственного архива кинофотодокументов. СПб., 2009.
- Военная летопись России в фотографиях. 1850-е – 2000-е. Альбом. М., 2009.
- Военнопленные в СССР: 1939–1956 : Документы и материалы. М., 2000.
- «Возвратить домой друзьями СССР...». Обучение иностранцев в Советском Союзе. 1956–1965: Документы. М., 2013.
- Все мы несчастные сукины дети. Байки и истории про Эмку Манделя, собранные Лешей Перским. М., 2017.
- В фокусе времени. Н. Новгород, 1996.
- Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар государственной безопасности: Сборник документов. Казань, 1997.
- Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.
- Голод в СССР. 1929–1934. Т. 1. 1929 – июль 1932: В 2 кн. М., 2011; Т. 2. Июль 1932 – июль 1933. М., 2012; Т. 3. Лето 1933–1934. М., 2013.
- Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998.
- Гордон П. Дневник: 1635–1659. М., 2000.
- Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит: Документы. М., 2012.
- Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. Т. 1: 1894–1904. М., 2011; Т. 2: 1905–1918: в 2 ч. Ч. 1: 1905–1913; Ч. 2: 1914–1918. М., 2013.
- Довженко Александр. Дневниковые записи. 1939–1956. Харьков, 2013.
- Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов: Переписка 1940–1957 годов. СПб., 2010.

- Из истории русско-японской войны 1904–1905 г. Порт-Артур: Сборник документов. Т. 1–2. М., 2008.
- Илизаров Б.С.* И Слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря»: 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения: По материалам Народного архива. М.; СПб., 2007.
- «И мучилась и работала невероятно»: Дневники М. В. Нечкиной. М., 2013.
- История в письмах: из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). Т. 1–2. Тверь, 2015.
- История сталинского ГУЛАГа: Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в семи томах. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. М., 2004; Т. 2: Карательная система: структура и кадры. М., 2004; Т. 3: Экономика Гулага. М., 2004; Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания. М., 2004; Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. М., 2004; Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных. М., 2004; Т. 7: Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах ГАРФ. М., 2005.
- Katyn: Dokumentu zbrodni. Т. 1–3. Warszawa, 1995–2001.
- Катынь. Пленники необъявленной войны. М., 1999.
- Керсновская Евфросиния.* Сколько стоит человек. М., 2008.
- Князев Г.А.* Дни великих испытаний: Дневники 1941–1945. СПб., 2009.
- Коржаков Александр.* Борис Ельцин: от рассвета до заката: Послесловие. М., 2004.
- Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.: Сборник документов и материалов. М., 2004.
- «Краткий курс истории ВКП(б)»: Текст и его история. В 2 частях. Ч. 1: История текста «Краткого курса истории ВКП(б)». 1931–1956. М., 2014.
- Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917–1918: Документы и материалы. М., 2003.

- Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1919–1920 гг.: «Антоновщина». Тамбов, 1994.
- Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1–2. М., 1999.
- Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.
- Луговская Нина. Хочу жить. Из дневника школьницы: 1932–1937. М., 2004.
- Marx Karl*. Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie [Manuskript 1835–1858]. Helt 1. Printed in Japan, 1997.
- Медведев Вадим. В команде Горбачева: Взгляд изнутри. М., 1994.
- Медведев С. Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917: Историко-библиографический альбом-каталог. М., 1996.
- Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР: Документы и комментарии. Т. 1: 1925 – июнь 1941. М., 2011.
- Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002.
- Москва военная: Мемуары и архивные документы. М., 1995
- Нам выпало на долю... Великая Отечественная война в письмах, дневниках, воспоминаниях. Тверь, 2005
- На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1995; Т. 2. Кн. 1–2: Начало: 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000; Т. 3. Кн. 1: Крушение «блицкрига»: 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2003.
- «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М., 2008.
- Письма Великой Отечественной. Тамбов, 2005
- Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив. 2000. Т. 10.
- Политбюро и церковь: 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 1997.

- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. М., 2000; Т. 2. М., 2001; Т. 3. М., 2001.
- Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2004; Т. 2: Постановления: 1954–1958; М., 2006; Т. 3: Постановления. 1954–1964. М., 2008.
- Реабилитация: как это было. Март 1953 – февраль 1956. Документы. Т. 1. М., 2000.
- Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923 гг. М., 2000.
- Рыжков Н. И.* Трагедия великой страны. М., 2000.
- Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения: Документы и материалы. М., 1998.
- Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995.
- Серов Иван.* Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016.
- Следственное дело патриарха Тихона: Сборник документов. М., 2000.
- Слово о полку Игоре. Екатерининская копия и перевод XVIII века: Факсимильное воспроизведение. Первое издание. Репринтное воспроизведение. М., 2003.
- Советский Союз и венгерский кризис 1956 года: Документы. М., 1998.
- Совещания Коминформа: 1947, 1948, 1949: Документы и материалы. М., 1998.
- «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 9: 1931 г. М., 2013.
- Советская военная администрация в Германии. 1945–1949. Т. 1: Деятельность Советской военной администрации в Германии (СВАГ) по демилитаризации Советской зоны оккупации Германии. М., 2004; Т. 2: Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии. М., 2005; Т. 3: СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии.

- М., 2006; Т. 4: Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. М., 2006.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939 гг.: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1–4. М., 1998–2012.
- Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003.
- Советский Союз и венгерский кризис 1956 года: Документы. М., 1998.
- Советско-израильские отношения: Сборник документов: В 2 т. Т. 1. М., 2000.
- Солдатские письма. Саранск, 2005.
- СССР и германский вопрос. 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г.: В 2 т. Т. 1–2. М., 1996.
- Ставрополье: Правда военных лет: Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005.
- Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004.
- Султан-Галиев М.* Избранные труды. Казань, 1998.
- Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1–2. Тамбов, 2007–2008.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. Т. 1–5. М., 1999–2006.
- Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: Документы: В 2 т. Т. 1: 1939–1943. М., 2012; Т. 2: 1944–1945. М., 2012.
- Фибих Даниил.* Двужильная Россия. Дневники и воспоминания. М., 2010.
- Фотографическая история. 1840–1950: Из фондов Российского государственного архива литературы и искусства. М., 2013.
- Царский титулярник или «Большая государева книга». Кн. 1–2. М., 2007.
- Цветеева М.* Неизданное: Сводные тетради. М., 1997.
- Челябинская область в фотографиях. Т. 1–3. Челябинск, 2001–2005.

Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940: Сборник документов: В 2 кн. М., 1998.

Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2010.

Шахназаров Георгий. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993.

Шелаев Ю.Б., Шелаева Е.П. Российская империя накануне крушения. Альбом. СПб., 2014.

Экология и власть. 1917–1990. М., 1999.

Эпоха великого Крючкова. М., 1999.

Эфрон Георгий. Дневники. Т.1–2. М., 2004.

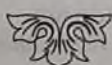
Яковлев Александр. Омут памяти. М., 2000ы

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
ГЛАВА 1. Археография как научная дисциплина	26
<i>Основные проблемы археографии</i>	<i>26</i>
<i>Документальный исторический источник как объект археографии</i>	<i>28</i>
<i>Предмет археографии — документальная публикация</i>	<i>29</i>
<i>Принципы археографии</i>	<i>32</i>
<i>Методы археографии</i>	<i>39</i>
ГЛАВА 2. Документальная публикация как одна из форм трансляции документальной исторической памяти	45
<i>Понятие документальной публикации</i>	<i>45</i>
<i>Документальная публикация как интеллектуальный информационный продукт</i>	<i>49</i>
<i>Репрезентативность документальной публикации</i>	<i>53</i>
<i>Деформационные воздействия на документальную публикацию</i>	<i>56</i>
<i>Документальные отложения и их основные черты</i>	<i>60</i>
<i>Заданный поиск документальной исторической памяти</i>	<i>68</i>
<i>Типология документальных публикаций</i>	<i>71</i>
ГЛАВА 3. Модель документальной публикации	115
ГЛАВА 4. Трансформация документальной памяти в документальной публикации	154
<i>Документ в документальной публикации</i>	<i>155</i>
<i>Основные проблемы трансляции документальной памяти в документальной публикации</i>	<i>158</i>

Фильтрация документальной памяти в документальной публикации	163
Принципы стабилизации документов в документальной публикации	190
Принципы передачи текста документа в документальной публикации	197
Принципы конвоирования документа в документальной публикации	221
Сигнальная система документальной публикации	255
Морально-этические нормы подготовки документальной публикации	259
ГЛАВА 5. Документальная публикация и общественное сознание	271
Документальная публикация в исторической памяти	272
Возмущающие силы документальной публикации	308
Общественная реакция на документальную публикацию	347
Заключение	356
Приложение	
Алфавитный перечень документальных публикаций, использованных в книге	364

Научное издание
Козлов Владимир Петрович
Документальная память
в археографическом знании
Оформление и макет:
С. С. Ермолаев

Гарнитура «Newton». Формат 84×108/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. 11,5 печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ 970

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

